

**Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»**

**А.О. Васильченко, С.П. Вертай, В.И. Гостенина, Э.Д. Коркия,
Н.П. Костюкевич, Т.Е. Лифанова, Е.Ю. Лупенкова, А.К. Мамедов,
С.Л. Мельников, Е.В. Мискевич, Н.В. Новикова, Т.Л. Пантюхина,
А.В. Разгонова, В.Н. Хандожко, С.А. Шибанов,
В.К. Щербин, А.Е. Ядвиршис, Е.Н. Якубенко**

**ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: РОССИЙСКИЕ И ЗА-
РУБЕЖНЫЕ ТРЕНДЫ**

Брянск – 2015

УДК 316.354:351/354
ББК 60.56+81

Печатается на средства внутривузовского гранта

Рецензенты:

Доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления
ФГБОУ ДВПО «Белгородский государственный технологический университет
имени В.Г. Шухова» **Н.С. Данакин**

Доктор исторических наук, профессор Брянского государственного универ-
ситета имени академика И.Г. Петровского **А.М. Дубровский**

Динамика социальной реальности: российские и зарубежные тренды / Кол-
лективная монография под ред. докт. социол. н, проф. В.И. Гостениной. –
Брянск: РИО БГУ, 2015. - 230 с.

Исследовательские материалы монографии посвящены динамике общества,
трендам социального транзита и инновационным .

**Авторы: А.О. Васильченко, С.П. Вертай, В.И. Гостенина, Э.Д. Коркия,
Н.П. Костюкевич, Т.Е. Лифанова, Е.Ю. Лупенкова, А.К. Мамедов,
С.Л. Мельников, Е.В. Мискевич, Н.В. Новикова, Т.Л. Пантюхина,
А.В. Разгонова, М.Э. Рогозянский, В.Н. Хандожко, С.А. Шибанов,
В.К. Щербин, А.Е. Ядвиршис, Е.Н. Якубенко**

© Коллектив авторов
© РИО БГУ

Оглавление

Введение.....	5
Раздел 1. Динамика дискретного социального пространства и тренды управления в социологических исследованиях.....	6
Глава 1. Социальные тренды управления в условиях современной российской реальности (В.И. Гостенина).....	6
1.1. Классификация теоретических подходов к управлению в социологии.....	8
1.2. Состояние управляемости социальной сферы России (на примере Брянской области).....	24
Глава 2. Исследование ценностных мотивов российского электората (Е.Ю. Лупенкова).....	35
Глава 3. Информационное общество: новая матрица социального неравенства (А.К. Мамедов, Э.Д. Коркия).....	52
Глава 4. Социальные риски современного общества: диссонансы информации в молодёжной среде (С.Л. Мельников).....	63
Глава 5. Рынок труда Брянской области на фоне общероссийских тенденций кризиса (Н.В. Новикова).....	76
Глава 6. Социодинамика смыслов жизни личности в пространственно-временном континууме неоконсерватизма (М.Э. Рогозянский).....	90
Глава 7. Мифотворчество как тренд современной культуры (Т.Л. Пантюхина).....	98
Глава 8. Зависимость от мобильного телефона в зеркале социологической экспертизы (А.В. Разгонова).....	108
Раздел 2. Информационно – коммуникативная парадигма масс - медиа	
Глава 1. Анализ критериев, образующих имидж города с целью формирования территориальной стратегии маркетинга (С.П. Вертай, А.О. Васильченко, Е.В. Мискевич, Н.П. Костюкевич).....	121
Глава 2. Российские и Белорусские социально-экономические мегатренды: сравнительный анализ (В.К. Щербин).....	133
Актуальность выявления и использования тенденций, трендов и мегатрендов.....	136
Понятие <i>мегатренд</i> среди других сопредельных понятий.....	137
Методы изучения социально-экономических мегатрендов.....	138
Сравнительный анализ российских и белорусских мегатрендов.....	143
Сопоставительная интерпретация результатов изучения российских и белорусских мегатрендов.....	147
Выводы.....	151
Глава 3. Экспертиза современной рекламной и PR- продукции (Е.Н. Якубенко).....	156
Раздел 3. Социальная работа в условиях перехода от деградационного уклада к опережающему развитию.....	169
Глава 1. Социальность в России как итог ее цивилизационного развития (Т.Е. Лифанова).....	169

Глава 2. Проблемы качества социального обслуживания населения (В.Н. Хандожко).....	189
Глава 3. Психология войны: она пошла к Коху, как в атаку (С.А. Шибанов).....	196
Глава 4. Критерии продуктивности/непродуктивности стратегии взаимодействия социальных работников – сотрудников обучающейся организации (А.Е. Ядвиршис).....	205
Обучение социальных работников в условиях перехода от деградиционного уклада к опережающему развитию.....	209
Задача формирования многоуровневого образовательного комплекса в системе кооперативного образования.....	216
Опыт развития Брянской региональной обучающейся организации потребкооперации как условие модернизации современного кооперативного образования.....	218
Потенциал развития обучающейся организации социальных работников.....	221
Сведения об авторах.....	227

Динамика социальной реальности: российские и зарубежные тренды Коллективная монография

Аннотация

В монографии рассматриваются социальные аспекты критического дискурса в сфере социальной работы, социологическом исследовании транзита российского общества и трендов цивилизационного движения на примере России и республики Беларусь, исследуются конкретные инновационные технологии масс – медиа. Анализ самоорганизующихся цивилизационных систем России и Беларусь в условиях транзитивного и дискретного развития проводится на основе внедрения инновационных технологий и определения конкретных перспектив модернизации за счет развития продуктивного диалога между обществом и государством, повышения качества жизни населения, улучшения ситуации в социальной сфере. Внедрение инновационных технологий в сфере масс – медиа, формирование идентичности населения на основании маркетинговой стратегии территории и механизмов ее продвижения требует немедленного глубокого манёвра в сторону конкретного человека; расширения возможностей социального и профессионального компетентностного развития кадров в условиях риска реформирования высшей школы.

Статус управления, мотивы управленческой деятельности, приемы и методы описания управленческого цикла в организации и обществе, закономерности эволюции предмета исследования — социального управления, определяют основные направления исследований, представленных в данной монографии.

The dynamics of social reality: Russian and international trends

Collective monograph

Annotation

The monograph deals with the social aspects of critical discourse in the field of social work, case studies of transit of Russian society and civilization traffic trends on the example of Russia and Belarus. It is studied specific innovative technologies of mass - media. An analysis of Russian and Belorussian self-organizing civilization systems in a transitive and discrete development is based on the introduction of innovative technologies and identify specific prospects of modernization through the development of productive dialogue between the society and the state, improve the quality of the population life, of the situation in the social sphere. Introduction of innovative technologies in the field of mass - media, the formation of the identity of the population on the basis of the marketing strategy of the territory and the mechanisms for its promotion require immediate deep maneuver toward a specific person; Empowerment of social and professional competency of staff at risk of reforming higher education.

Control status, motives of management, techniques and methods for describing the management cycle in the organization and the society, the laws of the research subject evolution (social management) determine the main directions of research, which are presented in this book.

Ключевые слова

Транзитивное общество, управленческий цикл, социологическая экспертиза, социальные депривации, социальная модернизация, социальная работа, информационная матрица социального неравенства, ценностные мотивы электората, рынок труда, социальные изобретения, социальное мифотворчество, мегатренды межнационального пространства, социальная работа, технологии масс – медиа, социальные риска реформирования высшей школы.

Keywords

Transitive society, management cycle, sociological expertise, social deprivation, social modernization, social work, information matrix of social inequality, valuable motives of the electorate, the labor market, social inventions, social mythmaking, megatrends of international space, social work, mass - media technologies, social risk of higher education reform

Раздел 1. Динамика дискретного социального пространства и тренды управления в социологических исследованиях

Глава 1. Социальные тренды управления в условиях современной российской реальности

Гостенина В.И.
доктор социологических наук, профессор,
зав кафедрой социологии и социальной работы
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского
Россия, г. Брянск

Г 72

УДК 316. 4

ББК. 60. 8

Значение социального и растущее внимание к управлению с помощью социологических методов приводит к определению эмпирической социологии в качестве методологии управления и означает утверждение междисциплинарного статуса социологии управления. Статус управления, мотивы управленческой деятельности, приемы и методы описания управленческого цикла в организации и обществе, закономерности эволюции предмета исследования — социального управления - определяют привлекательность социологии, тотальное наступление ее методов в практике управления и менеджмента.

Прочтение теоретических источников и практический опыт управления фиксирует, что переход из сферы повседневной жизни к закономерностям управления как воздействию на объект с целью достижения желаемого положения вещей и прогнозируемых результатов деятельности в будущем представляется наиболее сложным. Поэтому переход к конструированию социального мира с помощью технологий управления в контексте анализа знания, характерного для повседневной жизни со свойственной ему типизацией, к концепту прикладной социологии, в котором ориентация управления соответствует институционализированному знанию, приводит к анализу социологии управления в качестве методологии социального управления в современном обществе.

Особый смысл имеет управление в социальных системах — это управление людей людьми. Оно охватывает воздействие на деятельность людей, объединенных в группы, другие сообщества в соответствии с их различными интересами. Эта наиболее сложная область управления. Оно является объектом изучения социальных наук (социологии, социальной психологии, психологии). В процессе производства, распределения и потребления материальных благ люди объединяются в различные организационные формы, поэтому социальное управление — свойство, присущее человеческому обществу. Управление воздействует на общество с целью его упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития и обусловлено общественным характером труда, а также необходимостью общения людей в процессе труда и жизни. Возникновение управления как особого вида общественной деятельно-

сти возникло при разделении труда, которое специализировало труд производителей и коллективов. И здесь социология избрала свое направление исследования. Социальная сущность управления заложена в механизме управления персоналом, который включает рычаги воздействия на человека для согласования деятельности в коллективе.

Теоретические подходы, позиции, взгляды мыслителей и социологов современности на роль социологии управления сегодня понимаются адекватно социальной структуре общества через призму социальных институтов, то есть процесс управления исследуется в контексте социальной среды так, как это делали М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ф. Знанецкий, Й. Шумпетер, М. Крозье.

Обращение автора к гуманитарным трендам современной цивилизации, сопровождающимся информатизацией социальных технологий, потребовало обоснования важности управления как информационно-коммуникативного процесса. В связи с этим значительное место в работе отводится исследованию проблем информации, которая в условиях современного мира определяет свободу мыслительно-коммуникативной, культурологической и управленческой деятельности, обуславливает эффективность управления.

Следует подчеркнуть, что широкоформатный формат материала состоялся благодаря проведенному анализу работ российских авторов: исследований доктора социологических наук, академика РАН М. К. Горшкова, З.Т. Голенковой, А. В. Тихонова, автора многих учебников и учебно-методических пособий А. И. Кравченко, И.И. Тюриной, Ж. Т. Тощенко, В. И. Патрушева, Н.П. Нарбут, учебников в сфере инновационных коммуникативных технологий управления Ф. И. Шаркова, доктора социологических наук, профессора, автора ряда учебников В. Э. Бойкова, В. И. Гостениной, А. Г. Киселева, отечественных классиков управленческой мысли и известных в мире авторов теорий управления.

1. Классификация теоретических подходов к управлению в социологии

Наука управления — быстро развивающаяся область знания, но тем не менее уже немолодая. Французский исследователь Жорж Латро относит ее зарождение ко второй половине XVIII века. В теоретических источниках и эмпирических исследованиях, управленческой литературе выделяют несколько подходов к определению управления.

Управление в социологии рассматривается как вид деятельности, функция которой — руководство людьми, или система отношений в виде социальной иерархии, в которую входит контроль, власть, ранг, статус, роли. Распространенной точкой зрения является определение управления как формы взаимодействия: контроль (общий и детальный), делегирование полномочий, стиль руководства, конкуренция, продвижение, лидерство, конфликты. В современной науке управление — это область человеческого знания, вид деятельности, включающий четыре основных действия или функции: планирование, организующая, мотивация, контроль. Несмотря на обилие определений, большинство ис-

следователей определяют основной задачей управления руководство людьми, координация их деятельности для достижения целей.

К представленным определениям следует добавить еще одно: управление — неперенное, внутренне присущее свойство общества на любой ступени его развития. Оно связано с трудом как естественной сферой общественного взаимодействия. Люди трудятся сообща, объединяются в трудовые организации, которые предполагают обязательность организованности, порядка, разделения труда, определения места человека в организации, его функций. Функционирование трудовых организаций обусловлено управлением.

Управление в социологической интерпретации — это властная форма закрепления социальных отношений людей, различающихся местом в системе организации труда, то есть статусом (важностью и сложностью выполняемых задач) и социальной ролью, которое принято называть должностным положением, и местом в системе распределения, которое определяет размер основного вознаграждения, или доход. Это специальная технология воздействия на людей с целью достижения определенных целей.

П. Друкер считает, что управление превращает неорганизованную толпу в эффективную, целенаправленную и производительную группу. Управление является и стимулирующим элементом материального и духовного производства, распределения и потребления.

Таким образом, на основе этимологии дефиниции «управление» мы можем сформулировать его универсальное значение: управление — это целенаправленный, планируемый, координируемый и сознательно организованный процесс, способствующий достижению максимального эффекта при минимальных затратах ресурсов, усилий и времени. Иными словами, управление — это упорядочение соответствующей структуры и обеспечение эффективного ее функционирования в полном соответствии с закономерностями существования и развития данной системы.

Наука управления создавалась усилиями ученых разных стран, большой вклад в её развитие внесли американские ученые — классики управления: Ф. Тейлор, Э. Мэйо, А. Файоль, Ф. Ротлисберг, Мак-Грифф, Р. Акофф, Р. Эмери, И. Ансофф и др. Изучение проблем управления находим в трудах отечественных ученых: А. А. Богданова, А. К. Гастева, Н. А. Амосова, П. К. Анохина, А. И. Берга, В. М. Глушкова, Н. И. Лапина, О. И. Шкаратана, В. Н. Иванова, В. А. Ядова. Большой вклад в ее развитие внесли японские теоретики и бизнесмены. Можно сделать вывод, что в развитие мировой науки управления ученые различных стран внесли свою лепту.

Объективным фактором управления выступает система объективных закономерностей развития общества, которые действуют независимо от воли и сознания людей. Закономерности упорядочивают систему управления, устанавливают определенные пропорции в ее структуре, направленность, темпы ее динамики. Если эти закономерности не проходят через сознание людей, не познаны и в силу этого не используются ими, то они действуют как стихийные регуляторы, которые не связаны с сознательной деятельностью людей, с функционированием общественных институтов.

К объективным регуляторам принято относить закономерности рынка, конкуренции в рыночном обществе. Стихия рынка влияет на регулирование общественного разделения труда, устанавливает в хозяйстве определенные пропорции, которые могут нарушаться и вновь устанавливаться. В соответствии с законом стоимости рыночная стихия регулирует не только производство, но и поведение людей, их социальную жизнь.

Наряду с объективными, зачастую стихийно действующими, непрограммируемыми факторами управления в обществе на любой ступени его развития действуют сознательные субъективные факторы, которые связаны с целесообразной, сознательной, преобразующей деятельностью. Постепенно формируются специальные общественные институты — субъекты управления, то есть совокупность органов и организаций, осуществляющих сознательное воздействие на систему с тем, чтобы реализовать поставленные цели, добиться запрограммированных результатов.

Итак, в обществе два типа факторов воздействуют на процесс управления — объективные (независимые от сознания) и субъективные (сознательные). Характерно, что по мере прогресса неосознанные факторы управления все более уступают место факторам сознательным, связанным с целесообразной деятельностью людей и функционированием общественных институтов (государства). Вообще управление — это универсальное понятие, которое реализует регулятивные функции в биологических, социальных, технических, организационных системах, обеспечивая сохранение их структуры, поддержание определенного режима деятельности.

Сущность социологического подхода к управлению состоит в выделении трех уровней взаимодействия. Первый из них - целенаправленное управляющее воздействие, включающее целеполагание и целеосуществление, которое составляет ядро управления. Такое воздействие бывает внешним (когда орган управления находится за рамками самих объектов), а также внутренним (самоуправление, когда воздействие осуществляется подразделением или субъектом, входящими в состав самого объекта).

Второй компонент управления — социальная самоорганизация, т. е. спонтанные процессы внутри коллективного регулирования (дилерство, «шкала престижа», неформальное группообразование, социальные нормы).

Оба названных уровня образуют третий - организационный порядок, включающий в себя как продукты «прошлого» управленческого труда (решения, объективированные в стабильной должностной структуре, административном распорядке), так и систему стихийно сложившихся правил, норм и традиций взаимодействия в коллективе.

Специфической особенностью социологии управления является то, что она относится к активной социологии и, используя понятийный и методологический аппарат прикладной социологии, позволяет производить реальные измерения процесса управления на различных уровнях взаимодействия людей.

В научной литературе понятие управления связано с административной системой и менеджментом. Между понятиями существуют различия. Админи-

стрирование представляет собой практику управления в структуре конкретного уровня или организации с четко определенными функциями.

Менеджмент выделился в самостоятельную область человеческих знаний, в науку в конце XIX — в начале XX века. К этому времени относятся первые работы ученых и практиков, пытавшихся обобщить накопленный в области управления опыт и сформировать основы научного управления. Основателем школы научного управления считается Ф. Тейлор.

Социология управления как особая научная дисциплина оформилась в нашей стране в 20-е гг. XX века. Объектом социологии управления является социальное управление, управленческая деятельность, связанная с руководством людьми. Т.о. объект социологии - управленческие процессы, протекающие в обществе, его отдельных подсистемах или организациях (предприятиях, учреждениях и др.), которые исследуются с точки зрения взаимодействия участвующих в них людей, объединенных в семейные, профессиональные, территориальные и иные группы и включенных в многообразные процессы сотрудничества, взаимопомощи, соперничества.

Социологический подход включает следующее.

1. Изучение органов управления с точки зрения функционирования их в качестве социальных систем и подбор, расстановка, воспитание управленческих кадров, отношений, складывающихся между людьми при выполнении ими управленческих функций. Интегральной характеристикой эффективности управления в организациях является их управляемость. Управляемость — это, с одной стороны, та степень контроля, который управляющая подсистема какого-либо организационного целого осуществляет по отношению к управляемой, а с другой — та степень автономии, которую управляемая подсистема сохраняет по отношению к управляющей. Разумеется, грань эта подвижна и варьирует в ту или другую сторону в зависимости от типа организации, качества управляющего воздействия, особенностей объекта. Однако совершенно исчезнуть она не может. Это характерно для технических и биологических систем и еще более касается систем социальных. Граница управляемости определяется сложностью объекта, закономерным расхождением между формальной и неформальной структурами, неполнотой или недостоверностью информации, качеством решений. Наиболее адекватным критерием управляемости является реализация управленческих решений. Повышение управляемости происходит за счет качества управляющих воздействий, объединения персонала вокруг общих целей и развитие системы мотивации. В изучении этих проблем социология управления близка к социологии организации.

2. Другая группа проблем происходит из реализации социальных целей управления с точки зрения социальных критериев: анализ социальных последствий принимаемых решений, исследование и разработка системы учета интересов.

3. К социологии управления относится также исследование проблем целенаправленного воздействия на подсистемы и связанные с этим вопросы дисциплины, ответственности, исполнительности, так как соответствующие явления

рассматриваются не просто как социальные качества личности, а как выражение определенных отношений, которые возникают.

4. Важным компонентом управленческой деятельности является проблема внутригруппового регулирования и социальной самоорганизации в отдельных группах и на предприятии в целом.

Социология управления - специальная социологическая теория, изучающая систему и процессы управления в различных типах общностей, организаций, институтов и общества в целом. Она является теорией среднего уровня и относится к группе теорий управления социальными процессами. Социология управления находится в тесной взаимосвязи с другими науками.

Управление выступает объектом изучения многих наук, в том числе и естественных. Предмет социологии управления оперирует совокупностью понятий, с помощью которых описывается объективная реальность: управленческие решения, субъект, объект управления, прогнозирование и социальное проектирование, управленческая координация и контроль, социально – трудовые отношения, управленческий цикл.

Особенности социологического подхода к социальному управлению складывались эволюционно в различных теориях и концепциях.

Прикладная школа управления (Ф. Тейлор, А. Файоль, Ф. Гильберт и др.) исследует субъект – субъектные отношения, которые носят информационный характер. Прямая связь выражается в передаче объекту управления потока директивной информации. Обратная связь является результатом реагирования объекта управления на директивное воздействие и материализуется в виде отчетной информации.

Характеристика субъектов управленческой деятельности во многом определяется отношениями, складывающимися между управленцами и рабочими. Эти отношения, по мнению классика научного управления Ф. Тейлора, строятся на пяти основных принципах:

1) принцип разделения планирования и выполнения работ. Такое разделение выражается в специализации труда руководителей и рабочих и на рациональном подходе к формированию иерархии управления в организации. На каждом уровне организации происходит специализация функций, при этом результат разделения планирования работ и их выполнения выражается в образовании подразделений планирования, специализирующихся на этих вопросах;

2) принцип функционального руководства группой. Концепция функционального руководства группой состоит в разделении работы руководителем таким образом, чтобы каждый человек (начиная от помощника руководителя и ниже) имел столько функций, сколько он может выполнить.

Функциональное руководство группой порождает специализацию управленцев (например, в цехе, наряду с начальником смены, появляется руководитель по нормированию, приёмщик, руководитель ремонтной мастерской и т.д.). Такое руководство, с одной стороны, создаёт предпосылки к возникновению громоздких структур, а с другой – приводит к дуализму в управлении — подчинению исполнителя нескольким руководителям, при

этом возникают возможности создания противоречивых, а иногда и конфликтных ситуаций. Тем не менее подразделения планирования и разделение функций руководителей существуют и в современных организациях;

3) принцип исследования содержания и времени работы. Системное исследование работы является важнейшей чертой научного управления. Тейлор и его последователи считали, что наилучший способ совершенствования работы состоит в определении:

- во-первых, наилучшего содержания работы в виде конкретной последовательности действий;
- во-вторых, стандартного времени выполнения каждого действия и работы в целом.

Исследование содержания процесса производства состоит в анализе порядка выполнения задания с учётом используемого сырья, оборудования рабочего места и инструмента, а также условий внешней среды, при которых совершается работа, и в обосновании наиболее рациональных методов выполнения задания.

Исследование работы во времени сводится к хронометрированию и нормированию. Хронометрирование заключается в определении затрат времени на выполнение отдельных действий, составляющих элементы работы. Важно выделить такие действия, время выполнения которых не зависело бы от времени выполнения предыдущего и последующего действий. Нормирование заключается в соответствии регламенту времени отведенного на выполнение задания.

Научно-методические основы комплексного исследования работы по содержанию и по времени, называемого исследованием движения, были разработаны Франком Гилбретом. Исследование движения — это процесс, в ходе которого анализируется движение основных инструментальных средств, применяемых при выполнении работы. Цель анализа — поиск способов упрощения работы, исключение соединения или позитивного изменения излишних движений;

4) Принцип премирования. Тейлор сформулировал предложение, что рабочие должны получать заработную плату пропорционально своему вкладу, т.е. сдельную заработную плату. В то же время он считал, что рабочие, которые производят продукции больше установленной нормы, должны получать большую зарплату по сравнению с теми, кому это не удалось, а тем более по сравнению с теми, кто не выполнил норму. Предлагая дифференциальную сдельную оплату труда, Тейлор исходил из того, что основным мотивационным фактором для работника, стимулирующим прилагать наибольшие усилия, является возможность зарабатывать деньги.

Точка зрения Тейлора оспаривалась Ганттом, который полагал, что каждый рабочий должен иметь гарантию некоторого фиксированного заработка безотносительно к объёму выполняемой работы. Идеи Гантта воплотились в премиальную систему заработной платы. Согласно его теории, рабочий должен получать гарантийную недельную заработную плату безотносительно к выработке. Но как только рабочий перевыполняет норму, он за-

рабатывает премию плюс более высокую оплату единицы продукции за сверхнормативную выработку.

5) Принцип отбора и обучения рассматривал Фацоль как искусство управления организацией, как выбор принципов, применимых в конкретной ситуации. Принципы Файоля, которые можно рассматривать в основном как дальнейшее развитие только что рассмотренных принципов Тейлора, разделены на три классификационные группы: структурные принципы (их пять), принципы процесса (также пять) и принципы конечного результата (их три).

Гуманистический подход к управлению (Э. Мейо, Ф. Маслоу, Д. Мак-Грегор и др.).

Школа человеческих отношений. Теория Э. Мейо базируется на статусно – ролевой концепции социологии, в которой автор анализирует формальные и неформальные организации. Критерием этого разграничения служит степень формализации существующих в них связей, взаимодействий и отношений. Идейным продолжателем этой концепции в современной российской социологии отнесем А.И. Пригожина. Пригожин характеризует формальную организацию как организационное строение на основе социальных норм, приводящих к формализации связей и статусов. Формальная организационная структура складывается из системы ролей, санкций, институтов, регулируемых правовым путем. В основе формальной организации находится разделение труда, возникшее в процессе эволюции общества как результат необходимой специализации. Разделение труда приводит к появлению системы статусов, то есть должностей, каждая из которых наделена специфическими функциями таким образом, что все функциональные задачи оказываются распределенными между членами организации. Должностные статусы упорядочиваются в иерархическую структуру на основании сходства функциональных задач, в различные организационные подразделения по принципу руководящие - подчиненные, в лестницу зависимостей между низшими (подчиненными) и высшими (руководящими).

Формальная организация обеспечивает прохождение деловой информации, необходимой для функционального взаимодействия. Она включает различные регуляторы, нормирующие и планирующие деятельность данной социальной организации (нормы и образцы служебного поведения, программы деятельности, принципы и нормы вознаграждения и т.д.). Формальная организация рациональна, то есть в ее основе лежит принцип целесообразности и сознательного движения к известной цели, и является принципиально безличной, то есть она рассчитана на абстрактных индивидов, между которыми не предусмотрено никаких отношений, кроме проходящих по определенной программе служебных.

Понятие формальной и неформальной организации ввел в мировую социологию Э. Мэйо. Он обнаружил, что в любой компании или на заводе, помимо официальных служебных отношений (формальная организация), у людей обязательно возникают неофициальные, дружеские отношения (неформальная организация). Причем и первые, и вторые отношения не хаотичны и не случайны, а строго упорядочены и подчиняются определенным закономерностям. На

них можно воздействовать, ими можно управлять и, следовательно, они соотносятся с организацией, или структурой.

Эмпирическая (прагматическая) школа управления (Э. Петерсон, Г. Саймон, Э. Дейл и др.).

В процессе дальнейшего развития управленческой мысли произошел поворот к практике управления. Появилось новое направление менеджмента - эмпирическая школа, которая явилась отражением борьбы предыдущих течений. По мнению приверженцев этой школы, главная задача теоретиков в области менеджмента - получение, обработка и анализ практических данных и выдача на этой основе рекомендаций управляющим. Этот подход нашел много приверженцев среди видных менеджеров, собственников компаний, ученых и лиц, непосредственно занятых практикой управления.

Можно выделить два основных направления эмпирической школы: исследования в области практики управления и разработка теоретических основ современного капиталистического общества. Их представители исходят из того, что современное капиталистическое общество не следует отождествлять с рыночной экономикой раннего капитализма, когда производство базировалось только на частнокапиталистической собственности. В современном капиталистическом производстве нет прежней эксплуатации человека человеком, все люди равны и имеют равные возможности в получении и распределении прибыли. Это положение обосновывается теориями, которые доказывают изменение характера экономических и социальных взаимоотношений в современной рыночной экономике США и стран Запада между работниками и владельцами капитала. Среди них такие теории, как участие в прибылях, участие в управлении и др. Эти теории отражают те изменения, которые произошли в экономической и социальной жизни стран с развитыми рыночными отношениями за последние десятилетия. Среди наиболее видных представителей эмпирической школы можно назвать П. Друкера, Р. Дэвиса, Д. Миллера и др.

Главным направлением исследований в эмпирической школе является изучение содержания труда и функций руководителей. Внимание акцентируется на профессионализации управления, т.е. превращении труда по управлению в самостоятельный, специфический вид - в особую профессию. Представители этой школы утверждают, что труд управляющего характеризуется двумя особенностями, которых нет ни у одной другой профессии. Суть первой особенности заключается в том, что менеджер должен создать из имеющихся разнородных ресурсов подлинно целое единство, а второй - в том, что каждое решение и действие он должен ориентировать на долгосрочные перспективы развития организации.

У представителей эмпирической школы сложились и свои взгляды на выполнение функций менеджерами. Они утверждают, что независимо от занимаемой должности каждый менеджер выполняет следующие главные функции: определение целей предприятия, возможных путей их достижения и в зависимости от этого доведение конкретных задач до работников предприятия; классификация работ, их распределение, создание оптимальной структуры, подбор и расстановка кадров; использование меры поощрения и принуждения для сти-

мулирования и координации деятельности работников, установление контроля на основе постоянных связей между руководителями и подчиненными; установление норм выработки, оценка деятельности предприятия и отдельных работников на основе анализа; мотивация работников в зависимости от результатов их деятельности.

Широкое распространение получила одна из рекомендаций школы - целевое управление, на необходимость внедрения которого указывал П. Друкер. Концепция управления по целям впервые упомянута ее автором Питером Друкером, в 1954 году в своей книге «The Practice of Management». В этой книге описываются общие принципы управления по целям и рекомендации по постановке и контролю исполнения целей. Очень частое заблуждение у менеджеров с данной концепцией связано с двусмысленным переводом Management by Objectives как «управление по целям» и «управление по задачам». В своих книгах автор пишет именно об управлении на основе поставленных целей, хотя всем очевидно, что цели недостижимы без реализации задач, необходимых для достижения целей. Поэтому сотруднику можно поставить как цели, так и задачи, и необходимо постоянно контролировать их достижение. Но очень важно понимать, что достигнуть результат – цель - можно только реализовав все средства - задачи.

Цель по определению находится «вне действия» сотрудника. Сотрудник может сделать задачи, которые ведут к достижению цели или результата, но на 100% гарантировать, что результат будет получен, никто не может.

Согласно выводам Питера Друкера, менеджеры должны избегать «ловушек времени», будучи вовлеченными в действия дня, забывать выполнять задачи, направленные на достижение результатов — целей.

В теории научного управления выделяют пять базовых принципов МВО:

- цели разрабатываются не только для организации, но и для каждого ее сотрудника. Причем цели сотрудников должны напрямую вытекать из целей организации;
- цели разрабатываются «сверху вниз» для обеспечения связи со стратегией и «снизу вверх» для достижения релевантности к сотруднику;
- участие в принятии решений. Процедура разработки целей для сотрудника — это процесс его совместного творчества с непосредственным руководителем. В системе МВО цели не просто «спускаются сверху», они действительно разрабатываются начальником и подчиненным совместно. В ходе обсуждений и руководитель, и подчиненный начинают лучше понимать, что именно необходимо делать и каким образом;
- оценка проделанной работы и постоянная обратная связь;
- все цели должны соответствовать правилу «SMART», тогда их можно использовать для построения эффективной Системы мотивации персонала.

Питер Друкер дал основную базу для зарождения современной концепции «управления по целям» — системы КРІ, задачей которой ставится определение нужных для бизнеса моделей ключевых показателей эффективности (выполнения поставленных целей).

По данным многочисленных исследований, в которых участвовали руководители и сотрудники более 1000 компаний по всему миру, 5% сотрудников всегда работают хорошо, 7% сотрудников всегда плохо, для эффективной работы остальных 88% всегда требуется постановка правильных целей и задач с обязательным контролем их исполнения. Подкрепить интерес сотрудников к индивидуальным результатам для их достижения можно путем денежного вознаграждения.

Управление по целям (management by objectives - МВО) получило широкое распространение во второй половине XX в. В России его внедрение только начинается. Отдельные отечественные компании используют некоторые принципы управления по целям. МВО целесообразно применять с учетом объективных и субъективных условий функционирования организации. Это фоновые сложности на этапе внедрения данного метода (например, трудностях при прогнозировании состояния внешней среды и планировании деятельности организации, которые неизбежно дают о себе знать в условиях российской нестабильности) и ресурсное обеспечение мероприятий, связанных с его использованием. Управление по целям предъявляет очень высокие требования к персоналу организации и к ее руководству. Внедрение управления по целям следует проводить поэтапно: 1 модуль – «Система вертикальной зависимости целей»; 2 модуль – «Система оценки деятельности персонала»; 3 модуль – «Система взаимосвязи между целями организации и личными целями персонала».

При этом необходимо учитывать, что одной из главных особенностей управления по целям считается существование иерархии целей внутри организации. Еще П. Друкер, первый сформулировавший важнейшие принципы МВО, говорил, что каждый руководитель в организации от наивысшего до самого низшего уровня должен иметь четкие цели, которые обеспечивают поддержку целей более высоких начальников.

Необходимость выделения системы вертикальной зависимости целей в отдельный модуль объясняется тем, что мероприятия, направленные на четкое разграничение полномочий и установление взаимосвязи между различными уровнями управления, сами по себе могут принести практическую пользу. Их внедрение позволит повысить эффективность деятельности организации и будет способствовать решению ряда задач. В частности, даст возможность:

- разграничить полномочия и зоны ответственности между структурными подразделениями и отдельными специалистами;
- упорядочить обмен информацией, более рационально использовать все имеющиеся ресурсы;
- повысить уровень координации общих действий;
- формализовать взаимоотношения по вертикали и горизонтали;
- определить слабые и сильные стороны организации;
- усилить ответственность персонала; руководителям сделать более четкими и конкретными устанавливаемые подчиненным цели.

Основной принцип формирования вертикальной зависимости можно сформулировать следующим образом - порядок выработки целей организации

обратно пропорционален их иерархии. Если иерархический характер предполагает движение от низших уровней управления к высшим, то порядок выработки целей, наоборот, от высших к низшим. Таким образом, после выработки целей деятельности высшего руководства (всей организации) начинается их формирование для работников более низшего звена, затем следующего и т.д.

С этим соглашаются практически все известные специалисты МВО. Однако существуют две, на первый взгляд, противоположные точки зрения относительно степени участия менеджеров среднего уровня в выработке собственных целей. Одни исследователи убеждены, что подчиненные руководители должны принимать в данном процессе самое активное участие, другие, напротив, считают, что степень такого участия должна быть незначительной. Впрочем, никакой противоречивости в этом нет: все в конечном итоге зависит от конкретного случая (специфики организации в целом, особенностей руководителей).

Внедрение количественных методик оценки и установление прямой взаимозависимости с системой оплаты труда сами по себе способны принести практическую пользу организации. Среди очевидных преимуществ такой формализации можно отметить следующие: установление общих и понятных правил игры; разрешение части существующих межличностных конфликтов и препятствие появлению новых; повышение эффективности использования ресурсов; упорядочивание кадровой политики; настройку системы мотивации персонала на достижение более высоких результатов; стимулирование персонала к самосовершенствованию.

Конечно, применение количественных методов оценки деятельности имеет определенные недостатки, главный из которых - отсутствие «внутренней» объективности.

Управление по целям обеспечивает систему взаимосвязи между целями организации и личными целями персонала. Наиболее действенный способ решения названной проблемы заключается в постепенном введении на предприятии системы взаимосвязи между целями организации и персонала. Указанный процесс можно разделить на две стадии: вначале - концептуальное внедрение, позволяющее разграничить и соотнести интересы организации и работающих в ней сотрудников, затем - выстраивание подсистемы критериального и количественного соотношения целей организации и персонала.

Но внедрение всех трех модулей еще не гарантирует перехода организации к управлению по целям. Это лишь первый этап, по итогам которого необходимо провести тщательный анализ и определить две вещи. Во-первых, по-прежнему ли организация нуждается в МВО. Во-вторых, насколько потребности в дальнейшем его внедрении обеспечены ресурсами. Возможно, что эффект, полученный от функционирования первичных модулей, достаточен, а последующая работа не принесет оправданной отдачи.

Сущность второго этапа заключается в парной интеграции первого - третьего и второго - третьего модулей. В результате получатся две новые сохраняющие самостоятельность макросистемы. Первая из них (M1-M2) отражает стратегические устремления организации и представляет собой технологическую составляющую достижения поставленных целей. В ее рамках система

вертикальной зависимости целей соотносится с ресурсным обеспечением деятельности на каждом уровне управления. Вторая из указанных макросистем (М2-М3) выступает в организации в качестве управляемой подсистемы мотивации. Поэтому оценка деятельности и вознаграждение персонала становятся более адресными, что повышает возможности для регулирования производственных, информационных и организационных процессов. На данном этапе фактически происходит форматирование всех первичных модулей. Они становятся более жесткими, структурируемыми, а описывающие их показатели и корреляционные зависимости более четкими и конкретными.

Лишь затем, после тщательного анализа и оценки целесообразности и сроков дальнейшей работы над внедрением МВО, дело доходит до третьего этапа. Его главная особенность заключается в необходимости двухуровневого подхода. С одной стороны, происходит интеграция трех первичных модулей, а с другой - объединение в единое целое макросистем М1-М3 и М2-М3. Разделить два названных процесса невозможно. Несмотря на высокие ресурсные затраты, они должны проходить одновременно. При этом разрабатываются планы действий, использования ресурсов, развития, распределения рабочего времени, а также формируются бюджет и система отчетности. С окончанием последнего этапа система приобретает законченный вид, позволяющий предприятию добиваться поставленных целей при достаточном ресурсном обеспечении и реалистичном прогнозе рыночной конъюнктуры.

Поэтапный подход к внедрению на предприятиях и в организациях метода управления по целям имеет немало преимуществ. Во-первых, он позволяет добиться рационализации расходов на перестройку системы управления. Во-вторых, получить практические результаты еще до полного завершения работ по внедрению МВО. В-третьих, минимизировать финансовые и организационные риски. В российских условиях это особенно ценно, поскольку дает возможность предприятиям и организациям постепенно совершенствовать систему управления.

Все ранее рассмотренные теории основаны на структурном подходе к рассмотрению организации. В них основной упор делается на внутреннее строение организации, разделение функций работников и рационализацию управления. В своей основе подход является статическим, так как не учитывает изменения внешней среды.

В начале 70-х годов XX столетия американский учёный Игорь Ансофф положил начало развитию динамического подхода, получившего самое широкое распространение. Основное внимание в нём сосредоточивается на анализе связей организации со средой, в которой она действует, и с источниками ресурсов.

Основная задача высшего руководства современной организации — решение стратегических проблем в условиях изменяющейся внешней среды, приводящих к необходимости изменения организационного потенциала, которое надо начинать с руководителей. Затем следует изменение системы ценностной ориентации и перестройка остальных элементов.

Ансофф считал, что идея матрицы является одной из основных в современной науке о формировании организационных структур, в том числе многонациональных, соответствующих динамическому окружению.

Динамический подход применим лишь к организациям органического типа, способным чутко реагировать на изменения внешней среды. В конкретных условиях должна устанавливаться оптимальная частота организационных перестроек.

Теория «социального капитала» и концепция «анализа человеческих ресурсов» в управлении. Первый систематический социологический анализ социального капитала проведен Пьером Бурдьё, который определял этот концепт как «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний». Его видение инструментально и сосредоточено на пользе, которую индивиды накапливают, постоянно участвуя в группах с целью создания некоторого ресурса. «Выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом возможной солидарности». Социальная сеть не дана изначально и должна быть сконструирована через институционализацию групповых взаимодействий, которые используются как надежный источник других ресурсов. Из определения Бурдьё становится понятным, что, во-первых, социальные взаимоотношения сами по себе открывают индивидам доступ к ресурсам ассоциации или группы; во-вторых, качество социального капитала определяется качеством этих ресурсов. Такой подход понижает значение всех форм экономического капитала, определяемого как накопленный человеческий труд, поскольку через социальный капитал акторы могут получать прямой доступ к экономическим ресурсам (брать субсидии, защищать рынки и т.д.). Они также могут увеличивать свой культурный капитал через контакты с индивидами, его воплощающими (артистами, художниками и т. д.), или с экспертами. Становится возможным интегрирование людей в определенные институты посредством ценных «верительных грамот» — дипломов и сертификатов (институционализация человеческого капитала). Приобретение социального капитала требует взвешенного вложения и экономического, и культурного ресурса. Из определения Бурдьё следует, что наращивание социального капитала понижает значимость капитала экономического. Не существует процессов, которые развивают одновременно обе эти формы, — каждая из них обладает своей собственной динамикой. По сравнению с экономическим обменом социальный обмен характеризуется меньшей прозрачностью и большей неопределенностью. К примеру, транзакции, включающие социальный капитал, можно охарактеризовать неопределенными обязательствами, нечеткими временными границами и вероятным нарушением взаимных ожиданий. Однако если бы социальный обмен был более четким и понятным, то речь велась бы о рыночных отношениях. Остаются неясными мотивы обмена социальным капиталом.

Дж. Коулману, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма сформулировали определение социального капитала как некоторого инструмента, позволяющего использовать экономические принципы рационального поведения. Среди исследователей

стран СНГ нужно отметить С.М. Климова (социальный капитал как часть человеческого), Р.М. Нуреева (идея социального капитала в качестве замены сырьевому), А. Колота (проблема низких доходов) и др. Кроме этого, интересно изучение взаимосвязи социального и человеческого капитала, когда каждый актер социально - экономических отношений выступает как носитель социального капитала, определяющего его роль в данной системе экономических отношений, и как получатель того социального капитала, который свойственен каждой структуре связей в организации (Дж. Коулман). Повышение уровня этих связей, социальный капитал, на взгляд Р. Патнэма, ведет к повышению уровня благосостояния, укреплению гражданского общества. Гарри Беккер подчеркивал, что социальный и человеческий капиталы способны влиять друг на друга. Так, знания, технические навыки человека и его зарплата зависят от физического и социального капиталов. Но вложения в человеческий капитал позволяют скорректировать влияние других форм капитала. Например, более образованный и более молодой работник может получать зарплату наравне с работником более опытным и обладающим большими социальными связями. Разницу между человеческим и социальным капиталами можно показать на графе, узлы которого — это люди, обладающие человеческим (и потенциальным социальным) капиталом, а связи между ними и есть реализация социального капитала. Социальный и человеческий капиталы часто комплементарны. Социальный капитал — это ресурсы, которые могут быть использованы актерами для реализации их интересов. Концепция социального капитала позволяет подсчитать результаты на уровне индивидуальных акторов и одновременно осуществить микро- и макропереходы без усложнения и детализации структур. Некоторые ученые хотят детально изучить организационные ресурсы, выявить элементы, которые являются критическими для их использования, и исследовать их перераспределение в каждом отдельном случае. С помощью концепции социального капитала удастся показать, как организационные ресурсы комбинируются с другими ресурсами на разных уровнях обобщения и в разных системах поведения и к каким результатам это приводит. Социальный капитал включает такие составляющие, как финансовый, физический и человеческий капиталы. Коулмен характеризует социальный капитал как «различные сущности, которые похожи в двух аспектах: они все состоят из нескольких элементов социальной структуры, и их действие определенным действиям акторов — как индивидуальных, так и корпоративных — осуществляется и пределах структуры». Это расплывчатое определение открывает путь для различных и даже противоречивых толкований социального капитала. Коулмен продюцирует новые термины для описания механизмов производства социального капитала (таких, как взаимное ожидание и групповое усиление норм); видов владения социальным капиталом (таких, как привилегированный доступ к информации) и социальных организаций, обеспечивающих источник и эффект материализации социального капитала. Значение работы Коулмена заключается еще и в том, что он, в отличие от других авторов, явно выделяет информационный ресурс. Информационный потенциал — важнейшее проявление социального капитала, который активизируется через социальные отношения в форме особого ресурса. Информация важна как базис

действий. Между мотивациями реципиента и донора в процессе обмена социальным капиталом имеется существенное различие. Желание реципиентов получить доступ к ценным активам легко понять. Более сложной является мотивация доноров, которые делают свои активы доступными для реципиентов, не требуя непосредственного и немедленного возврата. Что заставляет их принимать на себя такие обязательства? Если существует некоторый риск, что долги не будут выплачены, можно предположить, что доноры идут на него потому, что рассчитывают получить взамен нечто большее (как банки рассчитывают риски своих займов). Возможен следующий ответ: я делаю тебе одолжение (обычно это происходит тогда, когда ты нуждаешься и не можешь заплатить много). Но я потратил на тебя время и внимание, следовательно, ты отдашь мне долг с процентами, т. е. больше, чем я дал тебе. Необязательно речь ведется о деньгах. Это могут быть сервисные услуги, временные затраты и прочее. Выгода донора в том, что реципиент все-таки заплатит, когда донору это потребуется. Таким образом, в процессе обмена социальным капиталом задействованы 1) владельцы социального капитала (те, кто владеет объектом притязаний); 2) ресурсы социального капитала (соответствующие этим притязаниям); 3) другие виды ресурсов.

При обсуждении концепции Коулмена эти три элемента часто смешиваются. Несмотря на вышеуказанные недостатки, эссе Коулмена раскрывает важнейшие аспекты человеческого капитала и помогает идентифицировать некоторые механизмы его генерации. После Бурдье, Лори и Коулмена было опубликовано несколько теоретических работ, посвященных анализу социального капитала. В 1990 году Бэкер определяет этот концепт как «ресурс, который акторы получают через особые социальные структуры и затем используют в своих целях; это продуцируется изменениями в отношениях между акторами». М. Шифф определяет данный термин более широко как «расположение элементов социальной структуры, воздействующее на отношения между людьми и стимулирующее действия и/или использующее полезные функции». Берт рассматривает социальный капитал как «дружеские, рабочие и более общие контакты, через которые вы получаете возможность использовать ваш финансовый и человеческий капитал». В то время как Коулмен и Лори акцентируют внимание на сетевой плотности социального капитала, Берт выделяет противоположное свойство. В его понимании социальный капитал — это относительная свобода от связей, обозначенная как «структурные дыры» (structural holes), что делает возможной индивидуальную мобильность. Это происходит потому, что плотные сети будут переправлять избыточную информацию, в то время как более слабые связи могут служить источниками новых знаний и ресурсов.

Современные экономисты рассматривают социальный капитал преимущественно как накопление чужих обязательств. Во-первых, выплаты по обязательствам могут различаться по форме: они могут предлагаться, например, в виде неуловимых субсидий предпочтения или преданности. Во-вторых, время выплат обычно четко не установлено, поскольку транзакции можно определить скорее как рыночный обмен, чем как посредничество социального капитала. Такое рассмотрение проблемы знакомо социологии: уместно вспомнить клас-

сический анализ социального обмена, проведенный Зиммелем, труды Хоманса, Блау, а также Шиффа и Коулмена. Следующий источник социального капитала был выделен Марксом при анализе классов. В обычной ситуации рабочие учатся идентифицировать себя с другими и поддерживать их действия. Так возникает «класс-для-себя». Эта новая солидарность не является результатом интропроекции норм в детстве, но есть эмерджентное следствие общей судьбы. Поэтому альтруистическая установка акторов не универсальна, она ограничена пределами их сообществ. Прочие члены сообщества могут усваивать такие же нормы поведения, и их действия также будут вести к формированию социального капитала. Установка на солидарность приводит к тому, что промышленный пролетариат принимает участие в маршах протеста или забастовках в поддержку своих товарищей. Как отмечал Портес, идентификация со своей собственной группой, сектой или сообществом может быть вызвана стремлением усилить свои личные позиции. Источник социального капитала можно также определить, основываясь на дюркгеймовской теории социальной интеграции и групповых ритуалов. В случае взаимных обменов мотивация доноров как социальных посредников инструментальна. Ожидание возврата базируется не на знании реципиента, а на включении обоих акторов в общую социальную структуру. При этом возврат «долга» донору может осуществляться не прямо от реципиента, а от коллектива в форме статуса, уважения, почитания или одобрения. Например, обеспеченные люди спонсируют учебные заведения. Принося пользу сообществу, спонсоры улучшают свой имидж в глазах потенциальных деловых партнеров. Вдобавок, внутренние нормы выступают гарантом того, что когда-нибудь долги будут возвращены, потому что иначе неплательщикам грозят общественные санкции и остракизм. Источником социального капитала является навязывание обществом транша (передачи ресурсов) донору и реципиенту. Для реципиентов это вполне понятная возможность доступа к ресурсам; для доноров это доход в форме одобрений и соответствия общественным нормам. После того, как мы рассмотрели понятие социального капитала, нам будет проще разобраться в том, какие же типы ресурсов обмена существуют для различных случаев. В концепциях социального капитала рассматриваются скорее эгоцентричные сети: элементом или ядром такой сети является донор или реципиент, от которого (или к которому) поступают различные виды ресурсов. Но если мы говорим об обмене ресурсами, речь идет, по крайней мере, о двух акторах. Экономистами и социологами разрабатывались дифференцированные подходы к обмену, имеющие определенные точки соприкосновения. В социологии теория обмена, созданная Ричардом Эмерсоном и Карен Кук, является одним из наиболее разработанных приложений сетевой теории.

Теория информационного общества вызвала к жизни новые организующие стратегии управления. Одной из них принято считать *теорию М. Кастельса*.

Перестройка экономики 80–х годов завершила смену социальной парадигма конца XX века и вызвала в деловых кругах появление ряда новых организующих стратегий. Возможно их определить как переходные к последующему анализу информационного глобального мира с присущими только для него за-

кономерностями развития. Системный анализ этой эволюции представлен в работах М. Кастельса, К. Имана, Г. Бенвенисте.

Аналитические работы западных авторов (Кастельс, Пиоре, Сабель, Харрисон, Сторнер) представили эти перемены как второй «водораздел» в истории капитализма. Харрисон и Сторнер полагают, что новые организационные формы уже давно практикуются в отдельных корпорациях и странах как реакция на кризис прибыльности в процессе капитализации. Другие относят изменение менеджмента за счет перехода от фордизма к постфордизму в связи с трансформацией отношений и оформлением общества потребителей, с одной стороны, а с другой – эволюция менеджмента определена противостоянием потребления и конкуренции. Однако различие подходов объединяет анонс четырех изменений, имеющих последствия для менеджмента: организационные изменения повлияли на распространение новых информационных технологий и способствовали их внедрению коммерческими компаниями; фундаментальность организационных изменений сводилась к тому, что снимала неопределенность, вызванную стремительными темпами изменения экономической, институциональной и технологической среды фирмы и корпорации путем повышения гибкости производства, менеджмента, маркетинга; многие организационные изменения были направлены на пересмотр трудовых процессов и занятости через модель «подтянутого производства» (автоматизация рабочих мест) и «упрощения» многослойной менеджерской иерархии.

Все это, по заключению М. Кастельса, приводит к ориентации различных технологических и организационных траекторий на повышение производительности и конкурентоспособности в новой информационной парадигме и глобальной экономике. Ориентации берут начало в индустриальных организационных формах (вертикально интегрированная корпорация и маленькое зависимое деловое предприятие), при которых предприятия неспособны выполнять свои задачи в новых условиях. Таким образом, капиталистическая реструктуризация и индустриальный перелом породили слияние нескольких организационных трендов в новой парадигме управления.

2. Состояние управляемости социальной сферы России (на примере Брянской области)

Концептуальное структурирование стратегии управления социальной сферой предполагает формирование нового качества и стиля жизни, а также социальную адаптацию человека к условиям общества. В методологическом плане актуальность государственного регулирования в условиях антикризисной составляющей относит его к важным проблемам современной России, определяет принципиальную новизну исследования.

Государственное регулирование социальной сферы реализуется, во – первых, через управление социальной политикой, во – вторых, посредством продвижения этой политики до муниципального уровня, в третьих, – определяет категориальный аппарат и инструментарий исследования, предметное поле, в котором выстраивается новая управленческая парадигма России.

Определим параметры, научные категории и принципиальную новизну исследования. Современный процесс нелинейного развития России создает плюрализм социально – экономических отношений, обусловленных новыми правилами управления, которые формируются быстро и хаотично. Спонтанная трансформация российского общества приводит к неравновесности рыночных методов управления и объектов управления, развивающихся в поле патерналистских подходов к регулированию социальной сферы. Социально – экономическое развитие регионов определило критерием управления – социальные практики населения для повышения качества жизни.

Авторская трактовка категории «социальные практики» представлена на основе прочтения теории социального капитала в ряде теоретических источников, но, прежде всего, это произведения П. Бурдьё. Термин «социальный капитал» не является по своей сути новым. О позитивности включения индивида в группу упоминает Э. Дюркгейм и К. Маркс. Методологически потенциал понятия социального капитала, позволяющий использовать его при сетевом анализе социальной среды, происходит из двух источников. Во-первых, это позитивные следствия «общительности» индивида (тогда как его замкнутость может привести к негативным результатам). Во-вторых, особое значение приобретают источники нематериального (или немонетарного — типа банковского счета) влияния на социальное окружение и наличие власти. Как отмечает А. Портес, первый систематический современный анализ социального капитала был проведен Пьером Бурдьё, который определял этот концепт как «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний»). Его видение инструментально и сосредоточено на пользе, которую индивиды накапливают, постоянно участвуя в группах с целью создания некоторого ресурса. «Выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом возможной солидарности». Социальная сеть не дана изначально и должна быть сконструирована через институционализацию групповых взаимодействий, которые используются как надежный источник других ресурсов. Из определения Бурдьё понятно, что, во-первых, социальные взаимоотношения сами по себе открывают индивидам доступ к ресурсам ассоциации или группы; во-вторых, качество социального капитала определяется качеством этих ресурсов. Такой подход понижает значение всех форм экономического капитала, определяемого как накопленный человеческий труд, поскольку через социальный капитал акторы могут получать прямой доступ к экономическим ресурсам (брать субсидии, защищать рынки и т.д.). Они также могут увеличивать свой культурный капитал через контакты с индивидами, его воплощающими (артистами, художниками и т. д.), или с экспертами. Становится возможным интегрирование людей в определенные институты посредством ценных «верительных грамот» — дипломов и сертификатов (т. е. институционализация человеческого капитала). Приобретение социального капитала требует взвешенного вложения и экономического, и культурного ресурса. Не существует процессов, которые развивают одновременно социальный и финансовый капитал. Обе формы капитала, каждая из которых обладает собственной динамикой

кой, определяют позиционирование человека в обществе. Социальный капитал в трактовке Бурдьё – это интегративное понятие, которое ученый определяет и как «габитус», сущность которого – праксеология, т.е. реальная социальная практика людей по обмену капиталами. По сравнению с экономическим обменом социальный обмен характеризуется меньшей прозрачностью и большей неопределенностью.

Следование методологии П. Бурдьё обязывает обратиться еще к одной научной категории – социальное пространство, следующая за ним дефиниция – «социальное позиционирование» человека в обществе.

Для абсолютного понимания термина рассмотрим объяснение социальной позиции П.А. Сорокиным. Социальное положение или статус человека в обществе П.А. Сорокин связывает с социальным пространством, что приводит к пониманию позиционирования человека или какого – либо социального явления, возникающих между людьми взаимоотношений, и их взаимосвязи как точки с соответствующими координатами в пространстве подобно геометрической фигуре. Для человека в качестве такой точки координат выступают родственные отношения, положение в управленческой иерархии, семейное положение, отношения с другими людьми. Однако указанных характеристик в качестве точек координат для определения позиций индивида недостаточно, поэтому социальная практика выработала надежный и простой метод нахождения и характеристики положения индивида в социальном пространстве, похожей на систему координат в геометрии. Для этого необходимо знать семейное положение индивида, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политической партии, экономический статус, его происхождение. Для определения позиционирования индивида следует определить его положение в пределах каждой из основных групп населения, а также положение человека среди всего населения, лишь тогда можно считать социальное позиционирование определенным в достаточной степени. Продвижение человека по социальной лестнице вверх принято считать социальным восхождением, а перемещением вниз – социальным спуском. Таким образом, социальная мобильность – это изменение социального статуса, т.е. перемещение индивида между различными позициями в системе социальных координат (стратификация).

Итак, анализ концепции П.А. Сорокина показывает, что процесс изменения положения человека в обществе – сложное социальное явление, однако доминантой в нем является перемещение индивида внутри социального пространства. Поток эмпирических исследований о позиционировании агента в зависимости от социального статуса, стиля жизни, его качества всегда был интересен для ученых и исследователей, но всплеском интереса к проблеме послужило теоретическое обоснование обобщений в области социальных практик, принятое в прошлом веке П. Бурдьё. Ученый, развивая положение П.А. Сорокина о социальном пространстве как геометрическом, вводит топологический подход к анализу социального пространства. В трудах многих классиков социологической теории упоминаются проблемы пространства, но речь в них идет не о социальном пространстве, а о социологии пространства, в которой

учитывается лишь физический аспект пространства, в то время как концепция социального пространства П. Бурдьё подчеркивает различия между физическим и социальными пространствами.

Сущность социального пространства определяется как объективно существующее пространство социальных связей и отношений и представляет собой систематизированное пересечение связей различных субъектов, обладающих общими признаками. В реальной жизни эти характерные признаки, когда они осознаются субъектами, приобретают роль символов. Социальный мир в таком контексте представляется объективно организованной системой, регулируемой законами символической дифференциации. Социальное пространство функционирует как символическое пространство, в которое агент (объект, индивид) вписывает собственные социальные практики. Социальное пространство, по Бурдьё, включает в себя различные социальные «поля», представляющие специфические системы объективных, реально существующих связей между различными позициями членов общества, или структурированные пространства таких позиций – «поле экономики», «поле религии», «поле политики».

В то же время расположение индивидов и их групп в социальном пространстве находит отражение в их расположении в пространстве физическом, такое состояние чаще всего наблюдается в четком разделении городских районов на места проживания обеспеченных или менее обеспеченных граждан, богатых и бедных. Продолжение концепции находим в ряде работ Э. Гидденса, Н. Лумана.

Однако в силу того, что отдельные аспекты критерия социальной практики и социального капитала трудно измеримы и наблюдается их оторванность от управления социальными процессами, социологи все чаще обращаются к их объективному и субъективному выражениям, т. е. широкому использованию социологических методов.

Хотя социальная практика и социальный капитал сопряжены с категориями «стиль жизни» и «качество жизни», в самом стиле жизни важно различать отражение личностной позиции и конформизм, произвол и оптимально выбранный для данных условий вариант жизнедеятельности. Вторгаясь в поле методологии, мы попадаем в круг новых проблем.

Методологический плюрализм, господствующий сегодня в социологии, требует от исследователя последовательности в соблюдении определенной, выбранной им методологической позиции, умение выстраивать всю мыслительную цепочку на определенных мировоззренческих основах и научной картине мира. А как свидетельствует нынешняя исследовательская практика, придерживаться этого непросто. Выработка исходных положений базирования на одной теории недостаточна, необходимо определение методологического принципа.

Эти трудности находят отражение и в эмпирическом развертывании обсуждаемых нами категорий. Их надежность, аргументационная база опираются на ряд научных исследований.

Общественное умонастроение граждан России, исследованное Институтом социологии РАН в 2014 году (объем выборочной совокупности составил 4000

респондентов, репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше в разбивке по возрастным когортам), включала выделение типичных субъектов РФ в составе каждого территориально – экономического района, включала структуру районирования: два мегаполиса и 19 иных субъектов РФ. Большинство сограждан страны (61%) озабочены внешними угрозами, исходящими из – за рубежа, тогда как только 18% считают, что главные источники рисков для России находятся внутри нее самой. 21% россиян находились в состоянии неопределенности и не могли однозначно ответить, что для страны самое опасное: внешние угрозы или внутренние.

Первенство внутрироссийских угроз составляют три вектора: втягивание России в долгосрочные международные конфликты и на базе этого рост безработицы, ухудшение системы медицинского обслуживания и образования, моральная и культурная деградация значительных слоев населения. Данные тенденции находят подтверждение в конкретных эмпирических исследованиях.

Прогнозируемая многими экономистами в конце прошлого года массовая безработица до настоящего времени затронула относительно незначительную часть наших сограждан – 4% уже потеряли работу, еще 3% были отправлены в отпуск с перспективой невозврата на свое рабочее место.

Также немногочисленна доля пострадавших от задержек выплат зарплат (5%) и столкнувшихся с проблемой выплаты по валютным кредитам (2%). Обращает на себя внимание и то, что не проигравшими от кризиса (по разным причинам) считают себя довольно большое число наших сограждан – 28%. Причем среди хорошо обеспеченных россиян существенно выше – 46%, тогда как среди малообеспеченных лишь 17%. То есть кризис ударил прежде всего по бедным слоям населения. Так было в 1998 и в 2008 гг., и в настоящее время повторятся та же картина. Так, из-за роста цен считают себя проигравшими 47% хорошо обеспеченных россиян, в то время как среди малообеспеченных таких 83%. С материальными трудностями на работе столкнулись 12% хорошо обеспеченных и 25% малообеспеченных граждан. С задержками зарплаты – 2% и 9% соответственно.

Как всегда, проблемы острее ощущаются российской глубинкой, прежде всего жителями малых городов и поселков городского типа. Например, в столицах рост цен существенным считают 55% опрошенных, тогда как в ПГТ – 76%. Как известно, одной из специфических особенностей настоящего кризиса является его обусловленность развитием производства в связи с импортозамещением, однако экономические санкции стран Запада в отношении России не сказались значительно на увеличении занятости в российской глубинке.

Данные мониторинга департамента труда и занятости Брянской области за 2013 – 2015гг. фиксирует незначительный рост рабочих мест по вновь открываемым производствам, в то время как в целом по региону имеет место тенденция стабилизации безработицы.

Хотя некоторые эксперты-экономисты полагают, что кризис начался задолго до введения этих санкций, тем не менее население оценивает последствия данного кризиса, в том числе и для себя лично, через призму подобных санкций. Как установлено социологическим опросом института социологии РАН

РФ, многие россияне видят в данных санкциях не только негативные, но и позитивные стороны. Ниже приводятся результаты настоящего исследования в сопоставлении с данными ранее проведенных опросов.

Тех, кто считает, что санкции станут своеобразным локомотивом роста российской экономики, смогут «оживить» отечественного товаропроизводителя, прежде всего в сфере производства товаров и услуг, оказалось довольно много.

Вместе с тем региональный рынок труда слабо регулирует поиск оптимальной глубины вмешательства государства в трудовые отношения. Наиболее распространенной технологией регулирования регионального рынка продолжает оставаться разработка программ занятости населения, организации общественных работ и оказание других государственных услуг.

Современные тенденции отношения к работе демонстрируют стремление стабильности занятости, независимо от получаемого вознаграждения, желание сохранить рабочее место, стремление к профессиональному развитию и повышению социального статуса.

Экономическая ситуация, принуждающая работников трудиться за меньшую оплату труда, по возможности на нескольких рабочих местах, влияет на формирование новой идентичности, в которой разрушается традиционный уклад самоопределения в системе социальных связей. Человек вынужден адаптироваться не только к изменениям в экономической жизни, но и искать своё место в других сферах жизнедеятельности. Формируются новые направления идентификации населения с неопределённым статусом. Это говорит о том, что процесс маргинализации сознания достаточно интенсивен. Именно под влиянием этого процесса формируются существенные черты социальной жизни, стереотипные представления о том, что хорошо и что плохо. Самым ярким представлением о социальных преобразованиях является отношение к таким явлениям, как бедность и богатство.

В рамках проведенной научной лабораторией «Социологии и социальных технологий» Брянского государственного университета независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, в сентябре-октябре 2015 года в Брянской области опрос граждан – получателей социальных услуг в учреждениях образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания населения, физической культуры и спорта, респондентский массив составил 1650 человек. Обследованию подлежало 86 учреждений. Выборка представлена фактическим числом получателей социальных услуг в каждом учреждении (сплошное обследование). Данный тип выборки обеспечивает уровень достоверности 0,95, а доверительный интервал $\pm 5\%$, что позволяет перенести результаты исследования на всю генеральную совокупность получателей услуг. Респондентами являлись совершеннолетние получатели услуг (или родители несовершеннолетних). Для проведения социологического опроса применяются критерии качества работы организаций:

- открытость и доступность информации об организации;
- комфортность условий и доступность получения социальных услуг;
- время ожидания в очереди при получении социальной услуги;

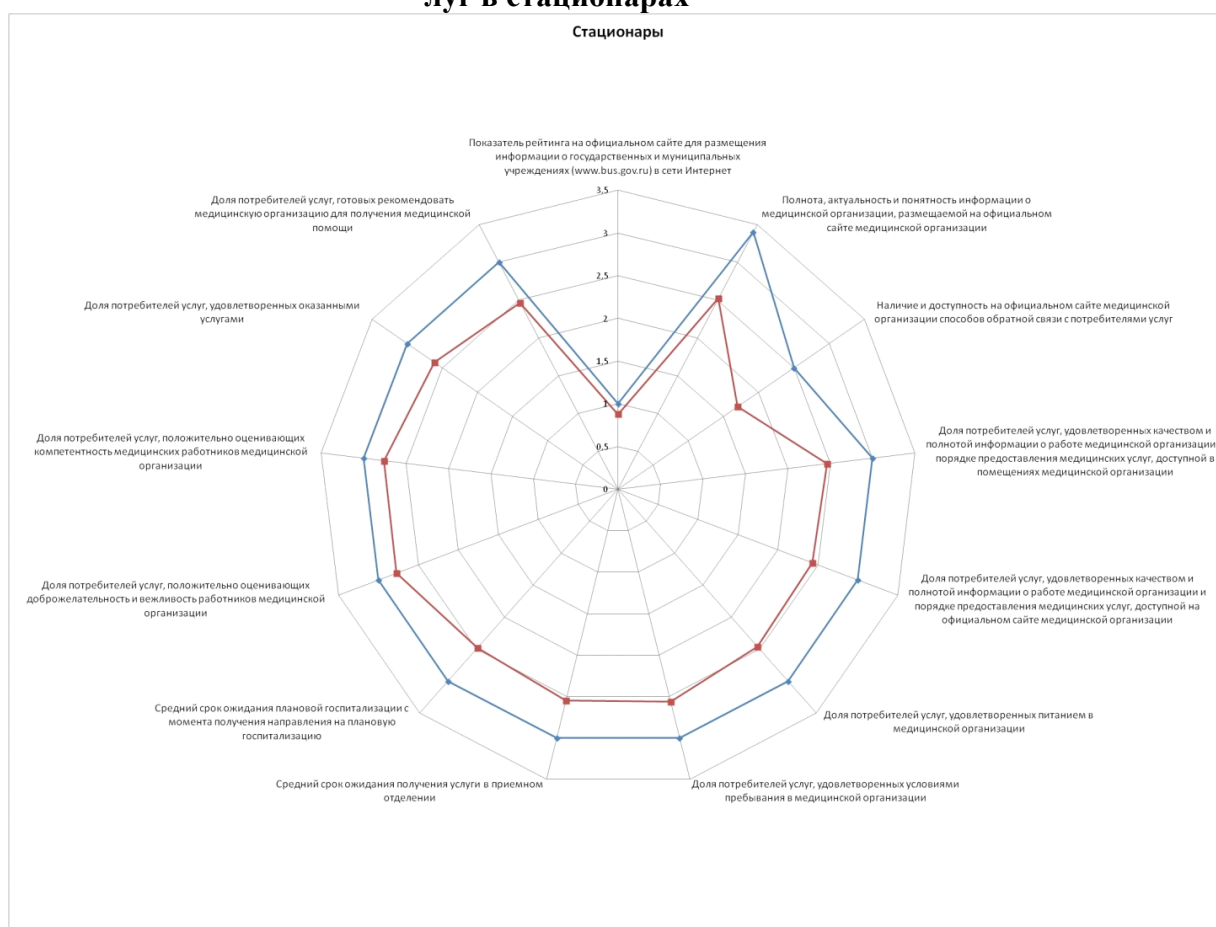
- доброжелательность, вежливость и компетентность работников организации;
- удовлетворенность качеством обслуживания в организации.

Исследование представляет интегрированную оценку услуг населением и проводилось в 3 этапа:

- экспертиза сайтов;
- опрос граждан-получателей социальных услуг;
- анализ показателей оценки качества деятельности организаций – рейтинг учреждений.

Рисунок 1

Сравнение максимальных и средних показателей критериев качества медицинских услуг в стационарах



По результатам экспертизы сайтов проведено ранжирование (web-страниц) учреждений в соответствии с независимыми экспертными оценками на основе критериев, представленных в методических рекомендациях соответствующих ведомств. Экспертами сайтов (web-страниц) выступали специалисты по связям с общественностью и рекламным технологиям в Интернет (46 чел). Исследование данных групп критериев позволило с достаточными основаниями оценить практику предоставления социальных услуг, выявить особенности организации предоставления услуг учреждением, сделать выводы о комфортности и доступности услуг для населения.

Исследование интернет-сайтов учреждений проводилось методом сплошного анализа содержимого страниц web-ресурса с выявлением и фиксацией

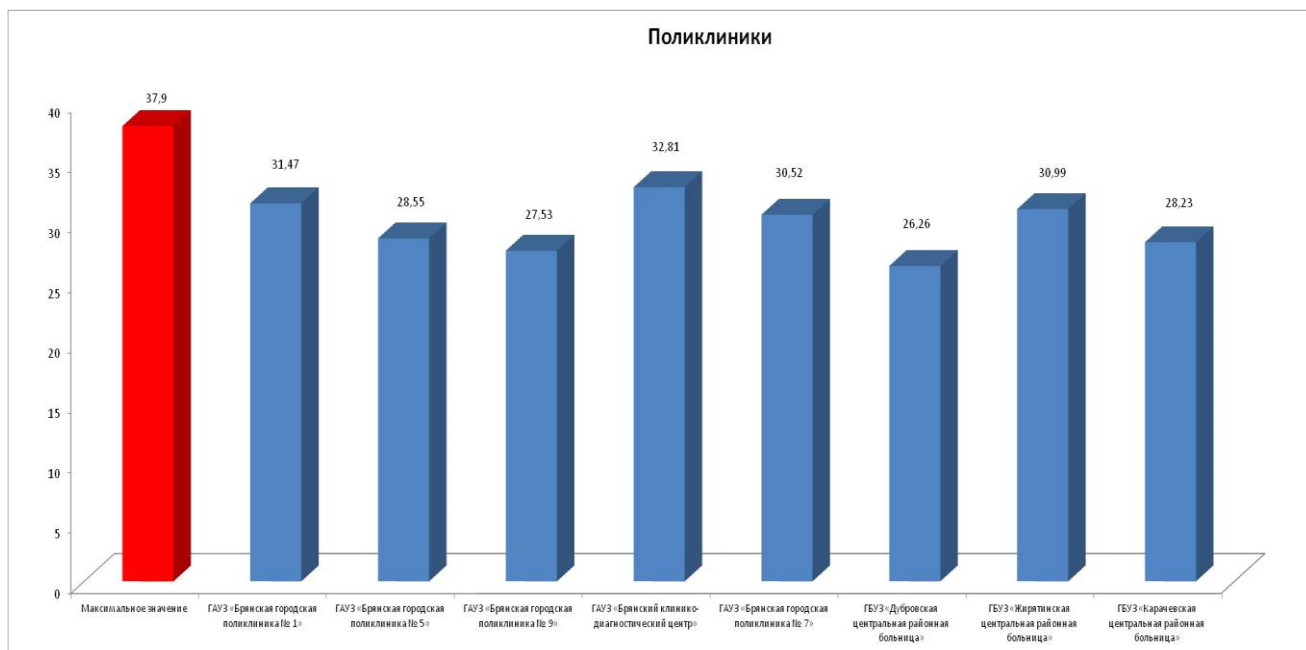
признаков наличия соответствующего контента, качества их содержания, удобства доступа к текстам для посетителя Интернет-сайта.

Линейный анализ результатов социологического опроса и обзор сайтов позволил сформировать интегральные оценки качества работы организаций.

Независимая оценка качества социальных услуг поликлиник показала низкий уровень критичности оценки медицинских услуг со стороны населения. Самые высокие баллы получил показатель «Доброжелательность, вежливость и компетентность работников организации» - 83%. Средние баллы получили показатели: «Удовлетворенность качеством обслуживания в организации» - 80,6%, «Комфортность условий и доступность получения социальных услуг» - 79,4%, «Время ожидания в очереди при получении социальной услуги» - 76%. Самые низкие баллы – показатель «Открытость и доступность информации об организации» - 75%.

График 1

Рейтинг поликлиник на территории Брянской области по качеству медицинских услуг



На фоне общероссийских данных обеспокоенности населения ухудшением системы медицинского обслуживания и качества услуг, Брянский регион отмечен благожелательным настроением граждан, либо расхождением оценок респондентов с фактическим состоянием качества медицинских услуг.

Для организаций, оказывающих услуги в сфере образования:

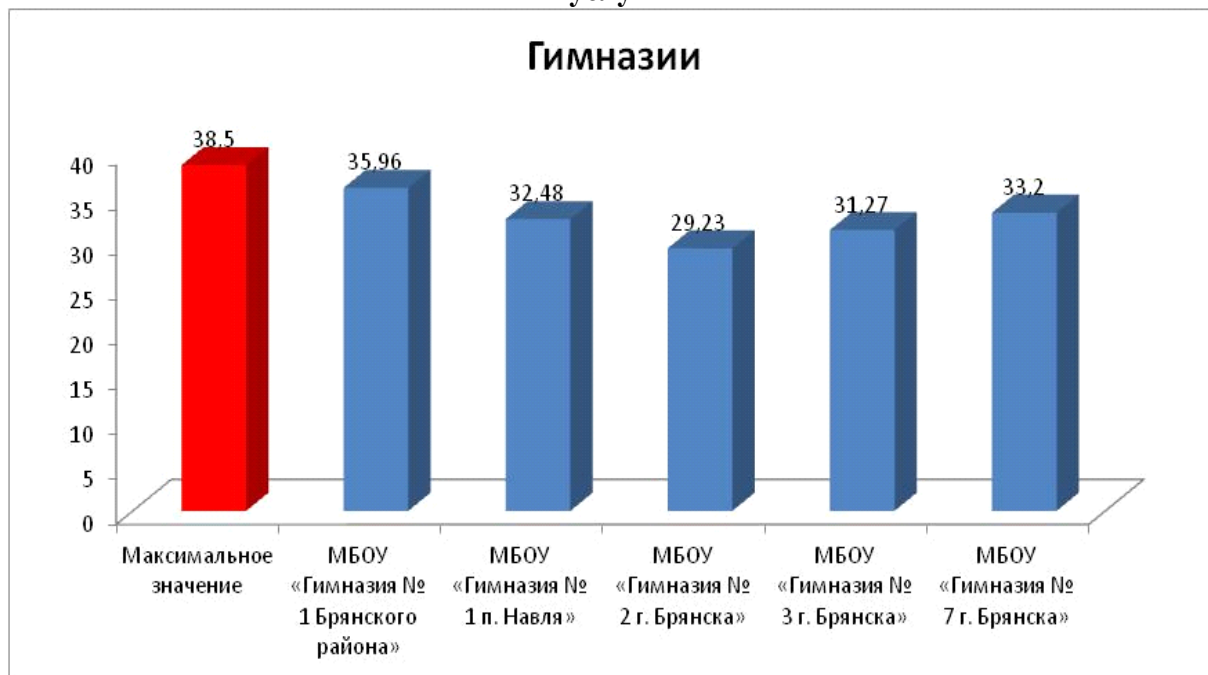
- результативность участия образовательной организации в профессиональных конкурсах и рейтингах (баллы);
- доля обучающихся, охваченных горячим питанием от общего количества обучающихся в образовательной организации (%);
- наличие травм, полученных обучающимися во время образовательного процесса (%);

- количество публикаций, способствующих развитию социально-привлекательного имиджа образовательной организации (баллы);
- доля привлеченных средств от платных образовательных услуг и работы попечительского совета от средств консолидированного бюджета (%).

Исследование данных групп критериев позволило с достаточными основаниями оценить практику предоставления социальных услуг, выявить особенности организации предоставления услуг учреждением, сделать выводы о комфортности и доступности услуг для населения

График 2

Рейтинг гимназий Брянской области по качеству предоставления образовательных услуг



Весь минувший год внешнеполитическая повестка дня определяла и умонастроения россиян, и их отношение к власти, отодвинув на второй план традиционные заботы, связанные с социальными и экономическими проблемами. Однако в первые месяцы 2015 г. восприятие россиянами ситуации в стране стало меняться под влиянием экономического кризиса, последствий введённых против России санкций и встречных антизападных санкций, введенных Россией. И хотя явно не сбываются многочисленные прогнозы, согласно которым к весне 2015 г. страна подойдет в состоянии экономической разрухи и социальной депрессии, имеет место нарастание в обществе тревожных настроений.

Так, за последние шесть месяцев сократилась доля тех, кто оценивает ситуацию в стране как нормальную, спокойную (с 33% до 22%), и, соответственно, возросла доля тех, кто видит ее напряженной, кризисной (с 53% до 64%). Однако, как видно из приводимых данных, отмеченные сдвиги в психоэмоциональном состоянии населения произошли за счет основной массы граждан, испытывающих либо уравновешенное, либо тревожно-напряженное самочувствие, и практически не затронули группу людей, которые почти все общественные ситуации воспринимают через «катастрофическое сознание».

Таким образом, социологический анализ ценностных ориентиров, установок россиян и динамика оценок качества жизни в форме оценки услуг в социальной сфере, предоставляемых россиянам в современной социальной реальности, формируют их умонастроение. Возрастание напряженной (по оценкам россиян) ситуации в стране приводит к заключению о неоднозначности оценки социальных услуг населению. Имеют место упрощенный подход к оценке качества предоставляемых услуг, понижение оценки собственного материального положения и резкий откативших перемены к худшему. Поляризация мнений свидетельствует о возврате дифференциации и социального расслоения.

Исходя из внешних источников угроз, в обществе нарастают тревожные ожидания: «половина россиян сходится во мнении, что страну ждут трудные времена, четверть уверена, что страна будет развиваться успешно, и аналогичная доля не ожидает никаких принципиальных изменений в развитии страны».

В сферах международного положения страны, ситуации по предоставлению социальных услуг, морального состояния общества преобладают негативные оценки динамики происходящих в них процессов. Подобная оценка связана с эскалацией ситуации в соседней Украине, но сегодня к внешней угрозе можно отнести как в целом экстремизм и терроризм, так и нагнетание ситуации со стороны Турецкой республики.

Литература

1. *Бурдые П.* Социология политики. – М.: Логос, 1993. – С. 18, 56.
2. *Бауман З.* Возвышение и упадок труда. / Из кн. Индивидуализированное общество. // Социс, 2004. - №6. – С. 38 – 44.
3. *Горц А.* Метаморфозы труда: Поиск смысла. Критика экономического разума. // Современная западная социология: Критические традиции и поиск новой парадигмы (Мадрид 1990). – М.АН СССР, Институт общественной информации по общественным наукам, 1990. – С.11-13.
4. *Горшков М.К* и др. Российское общество и вызовы времени. М.: Издательство «Весь Мир». – 2015. – С.11, 276.
5. *Гидденс Э.* Структурация общества. М.: Академический проект. – 2003. – С.518с.
6. *Луман Н.* Власть. / Пер с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис. – 2001. – С.17-18.
7. *Лифанова Т.Е., Новикова Н.В.* Методические рекомендации по подготовке, написанию и защите курсовой работы. Часть 2. Использование статистического материала о состоянии рынка труда и занятости населения Брянской области и организация социальной работы с безработными гражданами. Брянск, 2016. –С.23-42.
8. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. - М.: Государственный институт Высшая школа экономики. Открытое общество, 2000, с. 158
9. *Пригожин А. И.* Организационная культура и ее преобразование. // Общественные науки и современность. – 2003. - №5. – С. 12-23.

10. Турен А. Социология без общества. // Социс. – 2004. – № 7. – С. 6 – 11.; Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. // Пер с фр . – М.: Научный мир. – 1998. – 2003с.
11. Рощина Я.М. Социология потребления. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – с 139.
12. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политическая литература, 1993.
13. Gorz. A. Critique of Economic Reason. L,N,Y. 1989. – 250p.
14. Cook & Emerson, 1978,1983; Cook, 1977,1987.
15. Fukuyama F. The End of History and the Last man. – L. – NY, 1992; Fukuyama F., Trust The Social Virtues and the Greation of Prosperity. N.Y. 1996.

Глава 2. Исследование ценностных мотивов российского электората

Лупенкова Е.Ю.
кандидат социологических наук, доцент
e-mail: lupenkova@yandex.ru
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского
Россия, г. Брянск

Л 85
УДК 316
ББК 88.411

Анализ электорального поведения в научной литературе представлен тремя основными подходами. В рамках социологического подхода (П. Лазарсфельд, С. Роккан, С.М. Липсет)¹ электоральное решение рассматривается как основанное на принадлежности избирателя большой социальной группе. Таким образом, акт голосования является актом солидарности с этой группой. Развитие идей социологического подхода продолжилось в рамках социально-психологического подхода (Э. Кэмпбелл, П. Конверс, У. Миллер)². Однако здесь ученые предполагают, что электоральный выбор основывается на солидарности с небольшой социальной группой, объясняя это особенностями процесса социализации индивида. Еще в юношеском возрасте у индивида формируется так называемая «партийная идентификация» в соответствии с политическими предпочтениями наиболее близкого окружения. В рамках рационально-инструментального подхода (Э. Даунс, М. Фиорина) предполагается, что электоральный выбор будет зависеть только от того, насколько он будет выгоден избирателю³.

Анализируя представленные подходы к рассмотрению электорального поведения, можно сделать вывод, что если для обществ с развитой демократией наиболее целесообразным представляется социально-психологический подход в силу длительной истории многопартийной системы и устоявшихся политических предпочтений, то для посткоммунистических стран, в которых долгое время была одна доминирующая партия, наиболее приемлемыми являются элементы социологического и рационально-инструментального подходов. Постсоветские общества обладают определенными чертами, которые характеризуются недолгим демократическим опытом, развитыми социальными связями. Помимо этого, проводимые политические и экономические реформы сопровождаются низким уровнем жизни населения и экономическим кризисом, что не может не ориентировать избирателей на «экономическое голосование».

¹ См.: Лазарсфельд П. Выбор народа: Как избиратель принимает решения во время кампании по выборам президента. Нью-Йорк, 1944; Lipset S.M., Rokkan M. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments. An Introduction // Party Systems and Voter Alignments. N.Y., 1967.

² См.: The American Voter / Campbell A. et al. N.Y., 1960.

³ См.: Fiorina M. Retrospective Voting in American National Elections. New Haven, 1981.

В социологии пока не сложилось унифицированного определения дефиниции «электоральное поведение». По одной из распространенных трактовок под электоральным поведением принято понимать совокупность субъективно мотивированных действий или бездействий избирателей, реализующих право на выбор и селекцию выбора на основе оценок результатов прошлых избирательных кампаний и собственно деятельности уже избранных акторов.

В целом электоральный выбор обусловлен комплексом социальных факторов. Социальные, экономические, культурные, духовные, политические ценности представляют систему ценностей соответствующего общества. Их диагностика имеет сложный состав, разветвленную динамическую структуру.

Трансформационные особенности российского общества отражаются и в классификации ценностей: традиционные ценности (патриотизм, почитание отечественной истории, идей державности, сильного государства и сильной централизованной власти), ценности советского периода (социальная справедливость, социальные гарантии, братство народов), ценности постиндустриального общества (общецивилизационные, интернациональные идеи гуманизма, прав и свобод человека, социального прогресса, гражданского мира и согласия).

Классификация ценностей современного российского общества может быть представлена еще одной классификацией: традиционно российские – этатизм, авторитаризм, персонализация, анархизм, коллективизм; советские – идеализм, вождизм, баррикадное сознание, уравнительство; модернистские – индивидуализм, права и свободы, ориентация на успех и конкуренцию, рынок и демократию.

Все рассмотренные варианты ценностей отражают реально существующую связь между конкретными ценностями и формами их проявления с особенностями культурно-исторических традиций, типов обществ.

По функциональному основанию или роли ценностей в обеспечении функционирования и развития общества диагностике подлежат ценности, которые позволяют, с одной стороны, интегрировать индивидов внутри группы, и, с другой стороны, дифференцировать социальные группы друг от друга.

Группировка ценностей для их последующей классификации происходит из их предметного содержания и сфер функционирования. Политические ценности проявляются в экономической, социальной и духовно-культурной сферах общественной жизни в виде экономической, социальной, культурной, национальной и другой политики. В данном контексте объектом социологической диагностики выступают социально-политические, политико-экономические ценности.

Ценности социально-политического значения включают представления о социальной справедливости, ориентацию на различающиеся по своему характеру виды ценностей, на определенную социально-классовую направленность политики, на социально-значимые или, напротив, индивидуалистические, эгоистические или корыстные цели в своей политической деятельности.

Формирование конкурентной политической среды, усложнение выбора обусловили осознание демократической культуры участия людей в политике. Интерес населения к крупным электоральным акциям отражают результаты ря-

да социологических исследований 2003, 2008, 2011 годов (соответственно 23,9%, 27,5% и 26,2%), проанализированные в данном исследовании. Достаточно равномерное число позитивных ответов респондентов о возможности развития страны через участие в выборах широких масс населения позволяет сделать вывод, что происходит мобилизация социальных групп на демократическое участие в жизни общества¹. Хотя безусловно большая часть населения оценивает возможности института выборов негативно.

Дифференциация ценностей на терминально - целевые и инструментальные позволяет провести четкую грань между ценностями, выступающими целями социально-политического развития и ценностями – средствами их достижения и реализации. Дифференциация ценностей в этом контексте проводится в рамках групп, выделенных по содержательному признаку. В результате диагностика ценностей по приведенной схеме выявляет соответствие целей проводимой социальной политики ожиданиям и интересам людей и степень общественной поддержки, а значит, и эффективность используемых для их достижения методов.

Диагностика связи социально-политических ценностей с соответствующими типами цивилизаций и историческими эпохами развития приводит к ценностям традиционного российского общества, либерально-демократическим, ценностям советского периода.

Либерально-демократические ценности в большей степени характерны для стран западной цивилизации. В зависимости от степени поддержания определенного класса ценностей можно судить об ориентации индивида или социальной группы на определенный тип политического развития, о расколе, препятствующем консолидации власти и гражданского общества, о формировании новой системы ценностей, создающей основу для развития социальной политики.

Ценности политико-экономического характера фиксируют восприятие форм собственности, в том числе на землю и др. природные ресурсы; отношение к предпринимательству, целям, методам и результатам экономических реформ.

Набор ценностей, которые усваивает личность в процессе социализации, ему передает общество. В связи с этим исследование влияния системы ценностных ориентаций личности представляется автору особенно актуальной проблемой в ситуации серьезных экономических и социальных изменений, когда наблюдаются некоторая неопределенность общественной структуры ценностей и наблюдаются нередкие случаи девиантного, отличного от общепринятых норм и правил, моделей поведения.

В целом электоральное решение основывается как на социально-структурных, так и на ценностных характеристиках. Политические ценности, как правило, формируются в процессе социализации и зависят непосредственно и от социальной среды, и от ее ценностной составляющей. Можно утверждать о

¹ Гостенина В.И., Лупенкова Е.Ю. Потенциал социологического анализа качества жизни в прогнозе электорального выбора населения (на примере Брянской области). // Вестник Поволжской академии государственной службы. – Саратов, 2010. – №3 (24). – С. 60.

существовании внутренней солидарности с целями и ценностями наиболее близкой социальной группы.

Для большинства российских жителей идеальная модель жизни нацелена на семью, работу, друзей и разнообразный досуг. Такой немаловажный с позиции нашего исследования фактор, как политика, занимает лишь последнее место.

Сопоставление данных показывает, что модель идеальной жизни россиян достаточно близка к немецкой модели (таблица 1). На первом месте для жителей всех стран располагается семья. Эту сферу жизни считают важной или очень важной 96-99% населения рассматриваемых стран. При этом в России так считает 88% населения, что несколько ниже, чем в Польше (94%), но выше, чем в Германии и Китае (81% и 78% соответственно). На втором месте находится работа, далее по уровню социальной значимости располагаются друзья. По важности свободного времени Россия оказывается близка к европейским странам, в то время как в Китае этот показатель является важным лишь для 12% населения. По уровню роли политики в жизни населения Россия находится на одном уровне с Польшей. В Китае же роль политики в жизни населения является более высокой, чем в европейских странах. Таким образом, социальные ценности доминируют над политическими.

Таблица 1

Приоритетные сферы ценностей россиян в сравнении с ценностями населения других стран (в %)¹

Сферы жизни	Страны			
	Россия (2009)	Германия (2006)	Польша (2005)	Китай (2007)
Семья	88	81	94	78
Работа	55	50	62	45
Друзья	49	52	36	29
Свободное время	30	29	30	12
Религия	16	11	48	7
Политика	6	10	6	15

Несмотря на то, что в настоящее время происходит мобилизация социальных групп на демократическое участие в жизни общества, растет и процент населения, не принимающего участие в выборах. Дюркгейм в своей теории аномии старался показать и проанализировать некоторые универсальные социальные причины возникновения отклоняющихся от нормы состояний на уровне целостной социальной системы². Отклоняющееся социальное поведение (к которому относят и абсентеизм на выборах) можно рассматривать не только с по-

¹ Исследование проведено в феврале 2009 г. Институтом социологии РАН в сотрудничестве с представительством Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации. Исследование проведено по общероссийской квотной выборке, №=1750 респондентов от 18 лет и старше в 12 территориально-экономических районах РФ (согласно районированию Росстата), а также в Москве и Санкт-Петербурге. Соблюдались общероссийские параметры квот по полу, возрасту, социально – профессиональной принадлежности и типу поселения.

² См.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. - М.: Канон, 1995.

зиции индивидуально-личностных отклонений в поведении, но также возможно с точки зрения общих социальных условий и механизмов. Согласно теории Дюркгейма, растущая с прогрессом общества специализация социальных функций, ведущая к нарастающей самоизоляции индивида, утрате им чувства солидарности с конкретной социальной группой и стандартов общественно приемлемого поведения является одной из фундаментальных и естественных причин аномии. В основе абсентеизма находится рассогласование функций. Именно оно является причиной развития гипертрофированного «развития духа частных» (О. Конт), утраты человеком представления об «общем деле». В связи с этим происходит утрата ощущения значимости тех социальных норм и предписаний, которыми регулируется жизнь общества. Поскольку процессы социализации в группе иногда бывают неудачными по отношению к некоторым нормам, индивиды могут стать девиантами. Неудачная социализация также может сказаться на внутренней структуре ценностей личности. В случае успешной социализации индивид первоначально приспосабливается к окружающим его социальным нормам, а впоследствии одобряемые нормы и ценности общества становятся его потребностью в эмоциональном плане, а запреты - частью его сознания. Воспринимая нормы культуры, человек автоматически действует в ожидаемой обществом манере поведения. При этом индивид может совершать ошибки, но достаточно редко, и для окружающих известно, что они для него нехарактерны. Если же в обществе или окружающей индивида социальной группе существуют какие-либо конфликтующие нормы, то возникает неопределенность в выборе модели поведения, что может привести к аномии. Таким образом, согласно Дюркгейму, аномия - это такая модель, при которой индивид не принадлежит к определенной социальной группе, и, следовательно, у него нет стабильности в поведении.

Теорией аномии, наряду с Дюркгеймом, занимался и Р. Мертон¹. Согласно его теории, аномия является результатом конфликта и рассогласованности между некоторыми элементами ценностной и нормативной структуры общества, а также между предписанными целями и законными, нормативными средствами их достижения. В соответствии с теорией аномии Мертона, асоциальное поведение может возникать в том случае, когда ценности, принятые в обществе, не могут быть достигнуты той или иной социальной группой или индивидами. Девиантное поведение при этом, как правило, возрастает в периоды кризиса, в то время, когда в обществе принято достижение каких-либо символов успеха (в том числе и материальное благосостояние). В результате получается, что ценности, одобряемые обществом и общие для населения в целом, не могут быть достигнуты законными средствами для значительной части социума в силу его социальной структуры.

Относительная непродолжительность качественно нового состояния формирующегося электорального института не позволяет говорить о сложившихся традициях и мотивах ценностного выбора.

¹ См.: Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. — С. 299—313.

Вместе с тем уже сегодня важными моментами выступают социальные факторы формирования электоральных моделей поведения и социальные мотивы участия в крупных электоральных акциях. Актуальными для электорального процесса являются следующие характеристики: отношение к имиджу конкретного кандидата, экономическая ситуация, социально-политическое окружение. Согласно проводимым исследованиям, различия в поведении субъектов электорального процесса связаны и с социально-демографическими и с профессиональными особенностями. Социально-демографические и профессиональные особенности электората определяют различия в его поведении. Динамика процессов в классово-групповой структуре все более сказывается на содержании этих зависимостей.

Рассмотрим зависимость электорального выбора от мотивов избирателей. Мотив показывает осознанное стремление индивида с целью совершения определенного действия, которое связано с реализацией той или иной задачи. Мотив является одним из базовых понятий, которое используется в социологии для описания и анализа сферы побуждения к деятельности¹. Мотив – это осознанная причина, находящаяся в основе выбора действия или поступка личности.

Мотив связан с удовлетворением потребности. В электоральном процессе мотив обусловлен совокупностью внешних и внутренних условий, вызывающих активность и определяющих целевую направленность действий электората. Совокупность устойчивых мотивов в конкретных ситуациях в предшествующем жизненном опыте человека, побуждающих к деятельности определенной направленности, называется мотивацией².

Мотивация выбора зависит от психологического состояния субъекта и характера социального влияния, выявленных в ходе исследования социально-статусных, социально-экономических, социокультурных, функциональных и субъектно-деятельностных факторов³.

В процессе исследования мотивов следует учитывать, что субъект не всегда верно оценивает свои интересы, либо скрывает подлинные цели, выдвигая мотивировки, которые способны объяснить намерения лишь внешне, тогда как на деле не соответствуют им. Выделяют также неосознанную мотивацию, в виде которой часто выступают раздражители, которые наследуются биологическим путем. Это может быть связано с действием накопленных человеком доводов поведения.

Присутствие неосознанной мотивации существенным образом влияет на коммуникации субъектов, на механизмы их идентификации, вносит определенную степень непредсказуемости в электоральный процесс. В основе мотивации лежат социальные потребности, интересы, эмоции, установки, идеалы и ценностные ориентации. В основе мотивации лежит потребность. Потребность выражается зависимостью индивида от окружающего мира. Поведение его направлено на удовлетворение потребности.

¹ Охременко И.В. Электоральное поведение: теория вопроса. Волгоград, 2002. – С. 11.

² Там же, с. 12

³ См.: Иванов В.Н. Политическая социология. М., 2000.

Рассмотрим понятие «потребность». Выделяют объективную, не зависящую от субъекта потребность. Индивид ощущает эту зависимость, и если она удовлетворена, то он испытывает удовлетворенность и комфорт, а если она не удовлетворена, то у индивида присутствует ощущение неудовлетворенности и дискомфорта. Основным положением мотивации индивида является тот факт, что удовлетворение одной потребности ведет к возникновению новой потребности.

Движущей силой всей преобразовательной деятельности человека является поиск средств удовлетворения новых потребностей, для этого создаются специальные орудия и оптимальные условия. На действия человека также оказывают влияние условия окружающей среды и действия других индивидов. Потребности являются отправной точкой сложного комплекса состояний и процессов, которые в итоге воссоздаются в человеческом поведении.

Большое влияние на формирование линии поведения индивида оказывают его интересы. Потребности связаны с интересами. Именно интерес субъекта определяет его стремление к формированию и поддержанию оптимальных условий с целью удовлетворения потребностей. Потребности заставляют индивида действовать, а интересы помогают формировать линию поведения.

Взаимодействие возможно не только потребностей с интересами, но и потребностей с оценочными нормативами морали. Такие нормативы закрепляются в сознании общества, передаются от поколения к поколению и представляют собой проявление системы ценностей или ценностных ориентаций. Ценности могут оказывать значительное влияние на мотивацию. Такое влияние проявляется в процессе формирования интересов и при определении последовательности и иерархии целей деятельности¹. Главным средством регулирования поведения индивида являются социальные нормы, присущие его социальной группе. При этом для субъекта характерны действия в большом множестве различных ситуаций, каждая из которых уникальна. Адекватность поведения ситуации достигается оценкой возникающей ситуации в отношении удовлетворения своих потребностей и интересов для выработки соответствующей модели поведения на основе ценностей и норм конкретного индивида и в соответствии с усвоенными нормами.

Но в повседневной жизни такую технологию принятия решения заменяет установка, которую относят к психическим механизмам. Под установкой мы будем понимать осознанную или неосознанную готовность индивида реагировать на те или иные предметы и явления или информацию о них². При этом мотивационная установка в целом присутствует в установке, но в «свернутом» виде. Такой механизм позволяет экономить познавательные силы субъекта. Установка обеспечивает способность индивида быстро реагировать и оперативно ориентироваться в информационных сетях. С другой стороны, установка, являясь достаточно стандартной реакцией на различные сигналы, может стать причиной не совсем адекватного поведения. Это приводит к запаздыванию реше-

¹ Охременко И.В. Электоральное поведение: теория вопроса. Волгоград, 2002. – С. 12.

² Охременко И.В. Электоральное поведение: теория вопроса. Волгоград, 2002. – С. 14.

ний и в качественно иной социальной ситуации к выработке новой модели поведения.

Обобщая вышесказанное, мы пришли к выводу, что потребности, интересы, ценности, нормы и установки могут формировать и регулировать поведение субъектов электорального процесса.

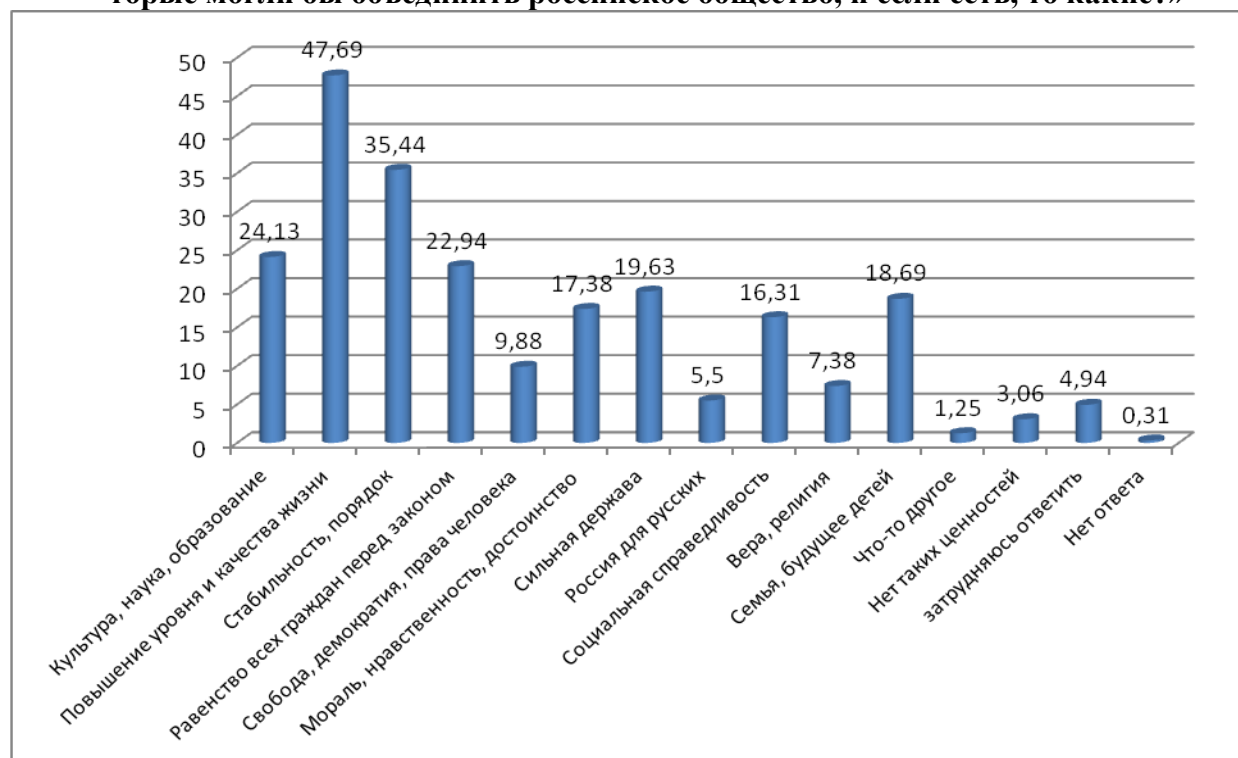
Каждый класс и народ обладает набором базовых ценностей, которые являются основой культуры. Определение таких ценностей помогает понять мотивационную составляющую электорального поведения и выбора той или иной социальной группы. С точки зрения политических систем для человека политика не имеет значения сама по себе. Она должна лишь служить удовлетворению интересов, потребностей и основных жизненных целей избирателя.

Одним из важнейших направлений исследований, привлекающих постоянное внимание социологов, является ценностная компонента мотивации разных групп населения.

С этой точки зрения была проанализирована зависимость результатов выборов в Государственную Думу VI созыва на территории Брянской области и программ основных политических партий на предмет отражения в них основных ценностей электората.

На рисунке 1 мы видим, что наибольшую ценность для россиян представляет повышение качества жизни населения (47,69%), стабильность и порядок (35,44%), культура, наука, образование (24,13%), равенство всех граждан перед законом (22,94%), поддержка семьи и будущего детей (18,69%).

Рисунок 1
Данные опроса ВЦИОМ «Как вы считаете, есть ли какие-то идеи и ценности, которые могли бы объединить российское общество, и если есть, то какие?»¹



¹ Опрос ВЦИОМ «Как Вы считаете, если какие-либо идеи и ценности которые могли бы объединить российское общество?». Проведен в октябре 2011 года. В опросе приняли участие 1600 человек в возрасте от 18 до 60 лет.// http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=134&q_id=11404&date=07.08.2005.

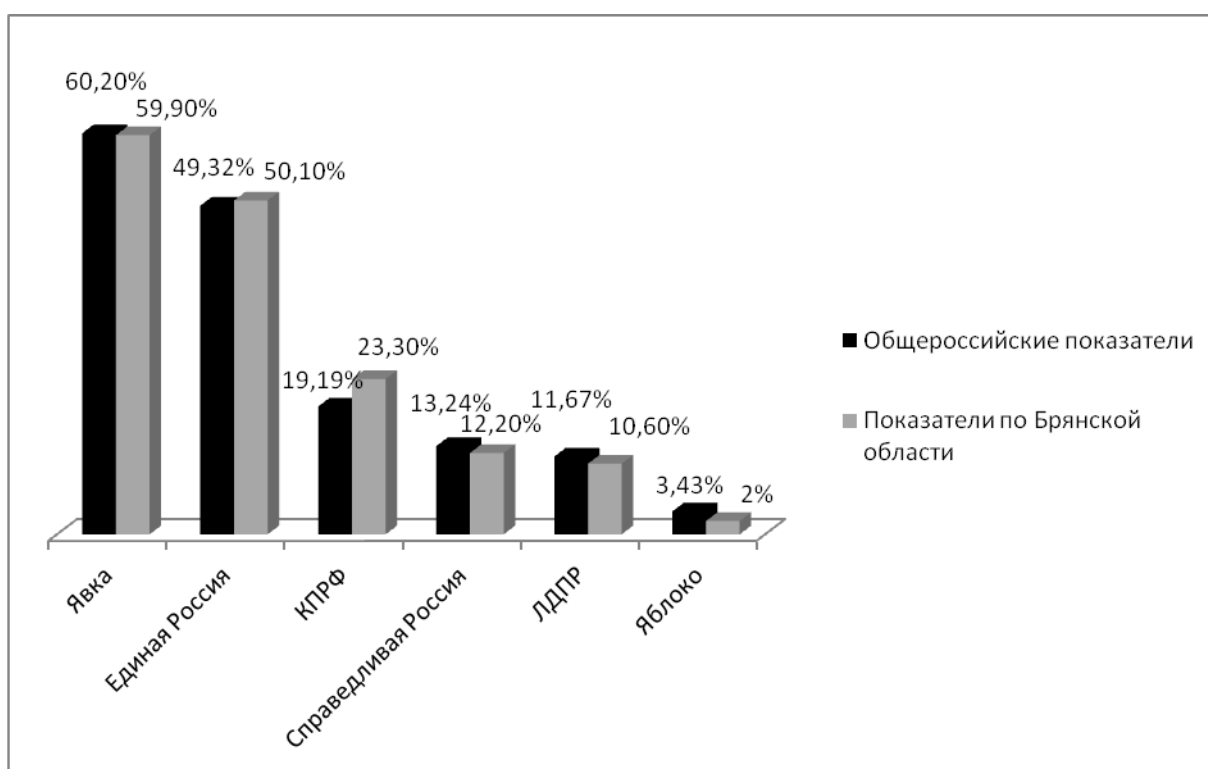
Сопоставляя эти данные с собственными результатами исследования на территории Брянской области, можно добавить в этот список терминальные ценности семьи и здоровья.

Определяя общие специфические черты электората Брянской области в социокультурном плане, необходимо отметить неоднородность региона, достаточно сложную экономическую обстановку, отрицательную миграцию, что говорит о неудовлетворенности условиями жизни в регионе и плохих показателях социального самочувствия.

Результаты выборов в Брянской области достаточно близки к общенациональным показателям (отклонения по большинству партий составило не более 1%, исключение составляют результаты КПрФ). На рисунке 2 мы можем увидеть сравнительные результаты.

Рисунок 2

Сравнение общероссийских и брянских результатов выборов в Государственную Думу, 2011 год



Более половины голосов набрала «Единая Россия» (50,1%). На втором месте КПрФ (23,3%), результаты которой более чем на 4% превышают общероссийские показатели.

Рассмотрим и соотнесем с ценностями брянского электората основные программные заявления этих двух партий.

Основные концепты предвыборной кампании отражены в программе партии «Единая Россия». Проведя подробный анализ основных положений, нами были выделены основные слова и выражения, которые отражают ценности электората, а именно: модернизация, повышение качества жизни, борьба с коррупцией, развитие, внутренняя и внешняя безопасность. Главными направлениями программы стали следующие:

- 1) наша новая экономика,
- 2) Россия – социальное государство,
- 3) качество жизни – образование, здравоохранение, жилье,
- 4) справедливость как безусловная ценность,
- 5) безопасность страны – безопасность человека,
- 6) развитие федерализма и местного самоуправления,
- 7) народное доверие.

Таким образом, в качестве приоритетных направлений были заявлены положения, которые непосредственным образом связаны с основным содержанием ценностей населения.

Рассмотрим основное ценностное содержание предвыборной программы КПРФ. Следует заметить, что Брянская область традиционно входит в «красный пояс». На выборах 2011 года «коммунисты» набрали 23,3%, тогда как в национальном масштабе их доля составила только 19,19%. Основными ценностными основаниями программы являются возрождение социализма в стране, народовластие, национализация и направленность на мощную национальную экономику, борьба с коррупцией, благополучие, порядок, поддержка учителей и врачей, работа. Согласно исследованиям Независимого института социальной политики, основными социальными проблемами региона являются значительное сокращение численности населения, низкая инвестиционная привлекательность; вывод из оборота сельскохозяйственных земель, пострадавших от Чернобыльской аварии; пониженный уровень образования занятого населения; низкая обеспеченность врачами. К тому же социально-политические настроения брянского электората изменились в негативную сторону, что соответствует общероссийским тенденциям, что связано в первую очередь с последствиями экономического кризиса и ухудшением качества жизни населения. Поэтому, согласно теории рационального выбора, закономерным можно считать факт поддержки части населения оппозиционных сил, которые в своей политической программе противопоставляют себя партии власти.

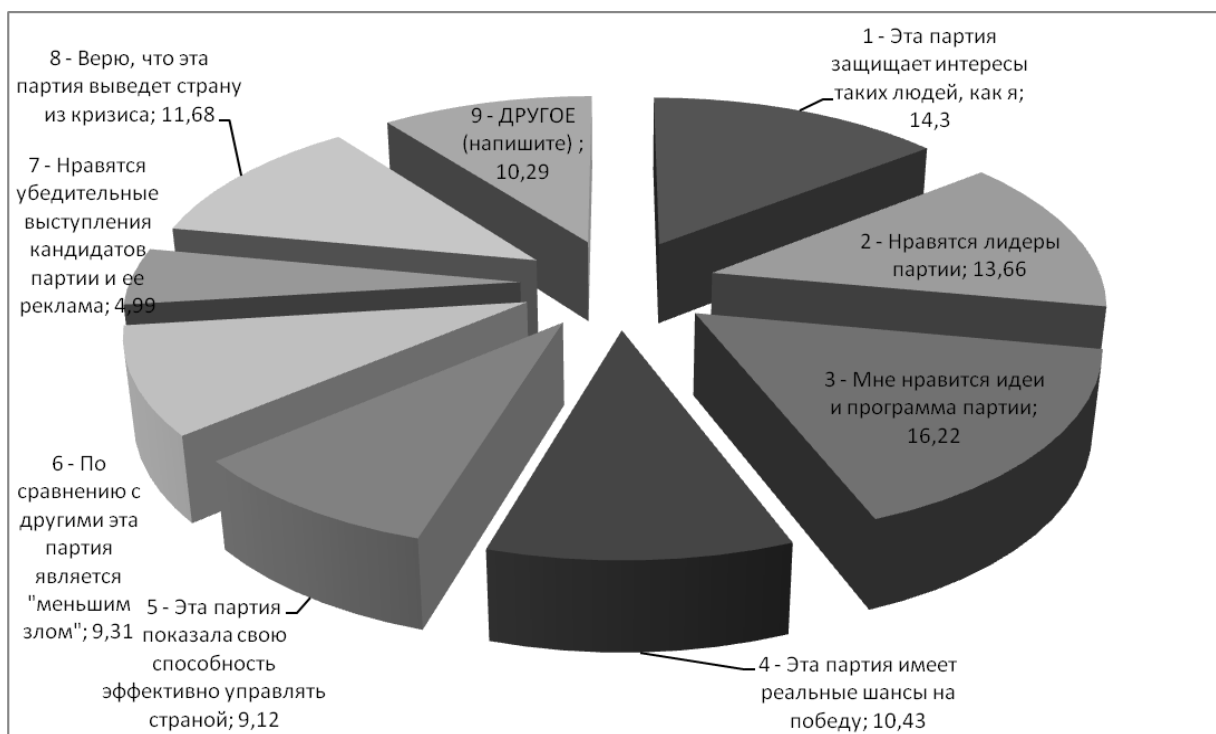
Таким образом, на основании анализа терминальных ценностей и электорального выбора на примере Брянской области можно говорить о том, что для населения области приоритетными остаются ценности здоровья, семьи, материального благополучия и стабильности. Существует достаточно большая степень влияния представленных в предвыборных программах ценностей на электоральное поведение. Отражение основных проблем и ценностей населения в программах партий является одним из основополагающих факторов в процессе формирования электорального выбора. Поэтому достаточно целесообразным видится тот факт, что учет ценностных ориентаций при составлении программ положительно влияет на результат предвыборной борьбы. Ценностные ориентации избирателей являются отражением системы ценностей всего общества, в связи с чем анализ ценностно-мотивационной сферы электората позволяет оказывать влияние на окончательный электоральный выбор.

Абсентеизм на выборах на территории России можно охарактеризовать следующими факторами. 72% электората не нравится никто из кандидатов и партий, либо они не решили, за кого голосовать. 19% респондентов не голосу-

ют по каким-либо семейным или личным обстоятельствам. Считают, что выборы будут сфальсифицированы, и не доверяют результатам выборов 15% опрошенных. А 13% из числа респондентов предполагают, что их мнение и голос никак не повлияют на конечный результат¹.

Рисунок 3

«Укажите, почему вы выбрали бы именно эту партию?»



Анализируя динамику мотивов электорального участия в период с 2000 по 2011 гг., мы можем рассмотреть изменение системы ценностных ориентаций субъектов электорального процесса.

Коллектив авторов книги «Политическая социология» на основании исследований в 90-х гг. приводит данные о том, что влияет на электоральный выбор субъектов². Мы видим, что более всего на электоральный выбор влияют программа кандидатов (22%), информация о личности и жизни кандидатов (20%), 20% респондентов назвали свой выбор ситуационным, то есть решение пришло непосредственно на избирательном участке (рисунок 4).

С точки зрения информационного обеспечения электорального процесса, на политический выбор влияли различные источники информации о том или ином кандидате. Безусловно, они также оказывали достаточно сильное влияние на электоральный выбор. Среди основных источников информации о кандидатах респонденты отмечали следующие:

- 1) рассказы родственников, друзей, знакомых,
- 2) информация в газетах, на радио и телевидении,

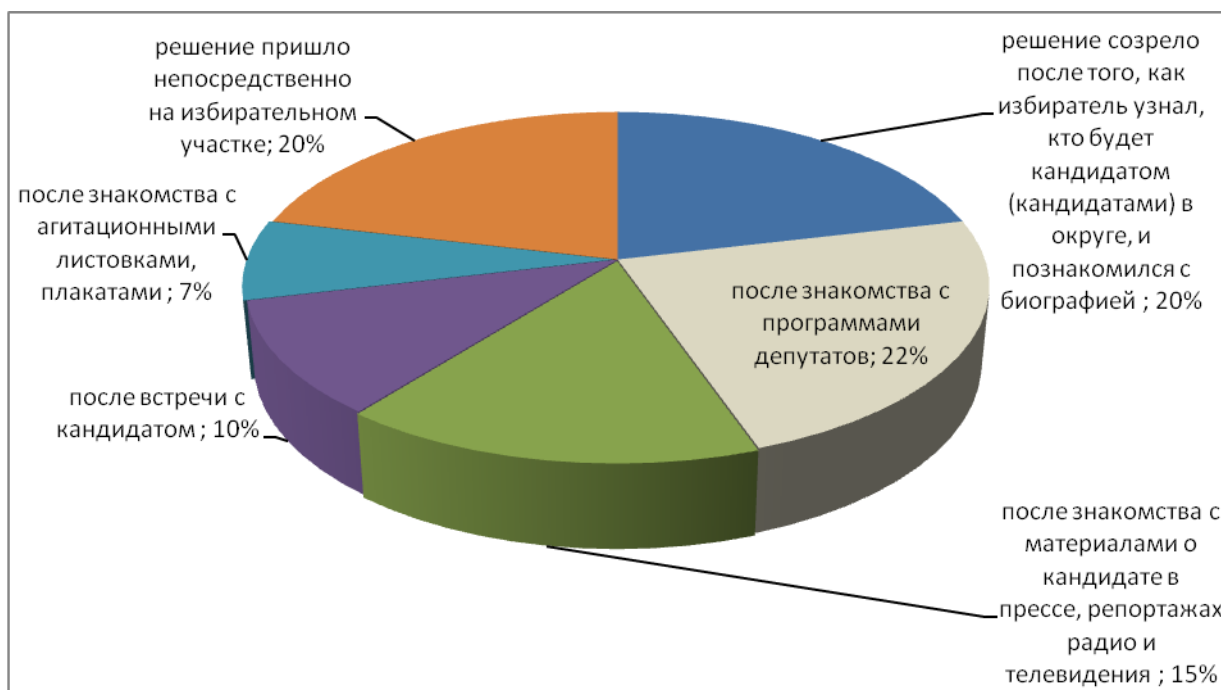
¹ См.: Фетисова Ю.В. Индикаторы развития самоопределения личности. // Социология власти. – 2008. – №3. – С.227-234.

² См.: Алисова Л.Н., Голенкова З.Т. и др. Политическая социология / отв. ред. В.Н. Иванов, Г.Ю. Семигин // <http://sbiblio.com/biblio/archive/politsoc/10.aspx>.

- 3) различные полиграфические материалы,
- 4) теледебаты и выступления кандидатов.

Рисунок 4

Распределение респондентов о принятии электорального решения



Электоральное решение в некоторых избирательных округах было затруднено большим количеством зарегистрированных кандидатов. В связи с этим избирателям было достаточно трудно определиться со своими предпочтениями. Особенно трудно пришлось в тех районах, где среди кандидатов не было достаточно известных в тех или иных областях личностей. Поэтому в силу отсутствия личностной характеристики наибольшее значение в плане мотивации уделялось предвыборным программам. Общий вывод по данным исследования следующий: отношение к предвыборной программе кандидата – достаточно важный фактор для электората, который способен привлечь внимание к любому кандидату, даже неизвестному.

В качестве субъектов политической борьбы выступают политические партии, движения, блоки. Данные эмпирических исследований позволяют сделать вывод о неэффективности индивидуальных программ кандидатов по сравнению с партийными платформами¹.

С позиции нашего исследования была рассмотрена роль социальной системы ценностей в мотивационном процессе принятия электорального решения. На сегодняшний день нет критериев, по которым устанавливаются связи между электоральными ценностями и избирательным процессом. Чаще всего среди критериев выбора называют политические, демографические, поведенческие показатели. Именно они непосредственно связаны с достижением электорального результата кандидатов, партий или движений.

¹ См.: Алисова Л.Н., Голенкова З.Т. и др. Политическая социология / отв. ред. В.Н. Иванов, Г.Ю. Семигин // <http://sbiblio.com/biblio/archive/politsoc/10.aspx>.

Рассмотрим зависимость электоральных предпочтений и ценностно-мотивационной сферы на примере партий Единая Россия и КПРФ.

В анкете представлен вопрос «Если Вы решили поддержать на выборах одну из партий, чем это обусловлено?» (респонденты могли выбирать несколько вариантов). Результаты на территории Брянской области следующие: электорат Единой России в качестве основных мотивов называет доверие лидеру партии (58,3%), поддержка партии В.В. Путиным (50%) и отражение интересов всего народа (50%) (рисунок 5).

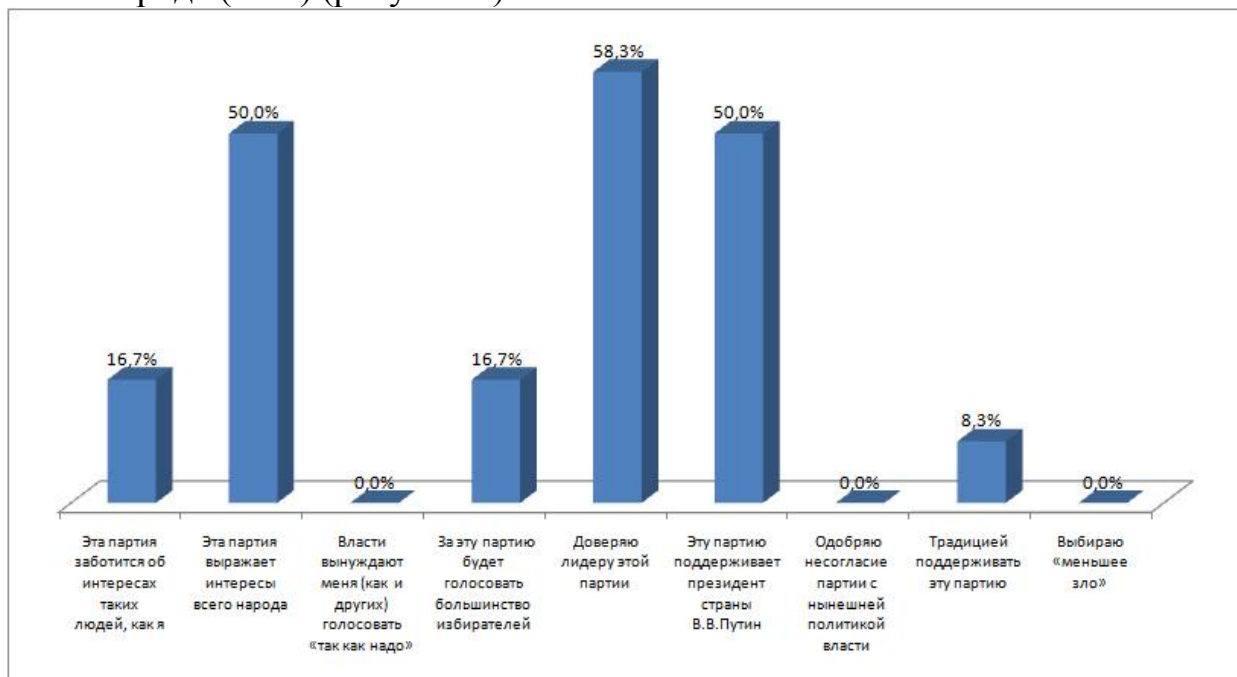


Рисунок 5 – Мотивация электората партии «Единая Россия»

Электоральные решения избирателей КПРФ обусловлены следующими причинами: по 50% набрали такие варианты, как «Эта партия заботится об интересах таких, людей, как я» и «Эта партия выражает интересы всего народа». Кроме того, 33,3% избирателей назвали в качестве мотива традицию поддерживать данную партию (рисунок 6).

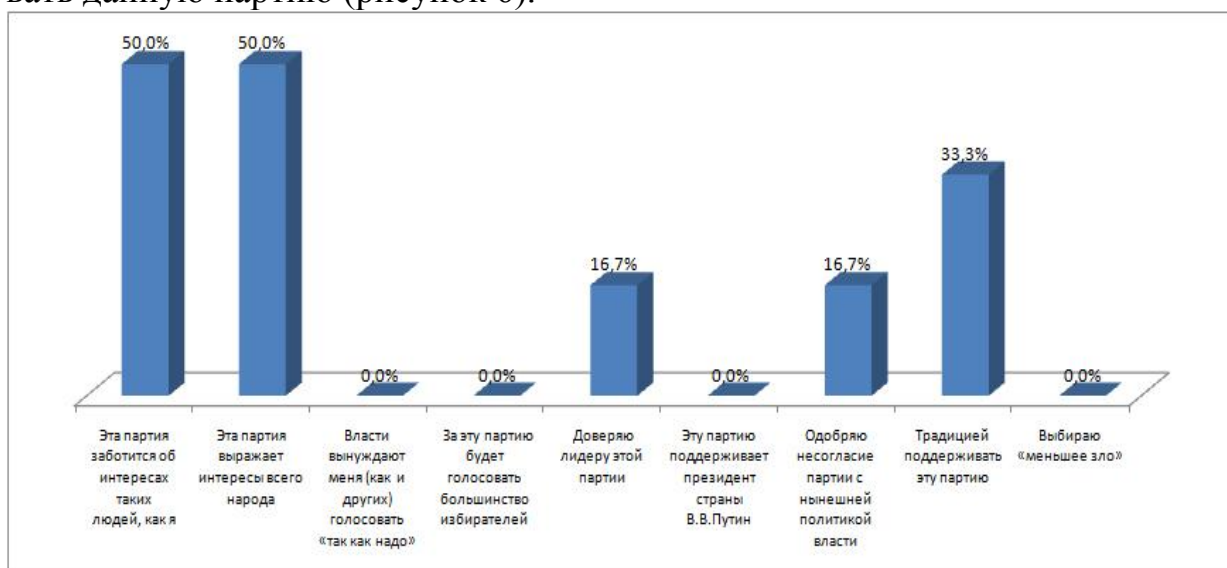


Рисунок 6 – Мотивация электората КПРФ

Анализируя мотивационную сферу электората Единой России и КПРФ, можно сделать вывод, что лидерский мотив преобладает у партии власти, тогда как избиратели КПРФ в первую очередь отмечают поддержку собственных интересов.

Накануне выборов 2011 г. в Государственную Думу автором было проведено исследование, позволяющее соотнести систему ценностных ориентаций и электоральный выбор. Сроки проведения опроса: 2-12 ноября 2011 г.. Место проведения – г. Брянск и Брянская область. Выборка – целевая. Объем выборочной совокупности составил 500 респондентов старше 18 лет, из них 55% женщин и 45% мужчин.

Анализируя процесс формирования электоральных предпочтений в российских условиях, можно прийти к выводу, что в основе разного рода связей (от семейных до политических) лежат ценностные идентификации. Поэтому анализ ценностей электората и их связи с политическим выбором поможет построить модели электорального поведения с целью использования их в предвыборных кампаниях.

Основная цель данного исследования может быть сформулирована как изучение влияния ценностного фактора на формирование политических предпочтений. Для выяснения природы и механизма данного влияния было проведено наше исследование.

Респонденты были отобраны по следующим характеристикам: пол, возраст, образование, род деятельности.

Условно вопросы анкеты можно разделить на три блока – выявление актуальных ценностей, определение социального портрета и уровня качества жизни респондентов, а также выявление электоральных предпочтений.

Опрос начали с определения наиболее приоритетных ценностей у респондентов. В системе терминальных ценностей испытуемых на первых местах в группе стоят ценности здоровья, любви, материально обеспеченной жизни. Наименьшую ценность для испытуемых представляют пассивные и абстрактные ценности (красота природы и искусства, счастье других, творчество, познание).

Следующий вопрос более конкретно позволил выявить наиболее ценные сферы жизни избирателей.

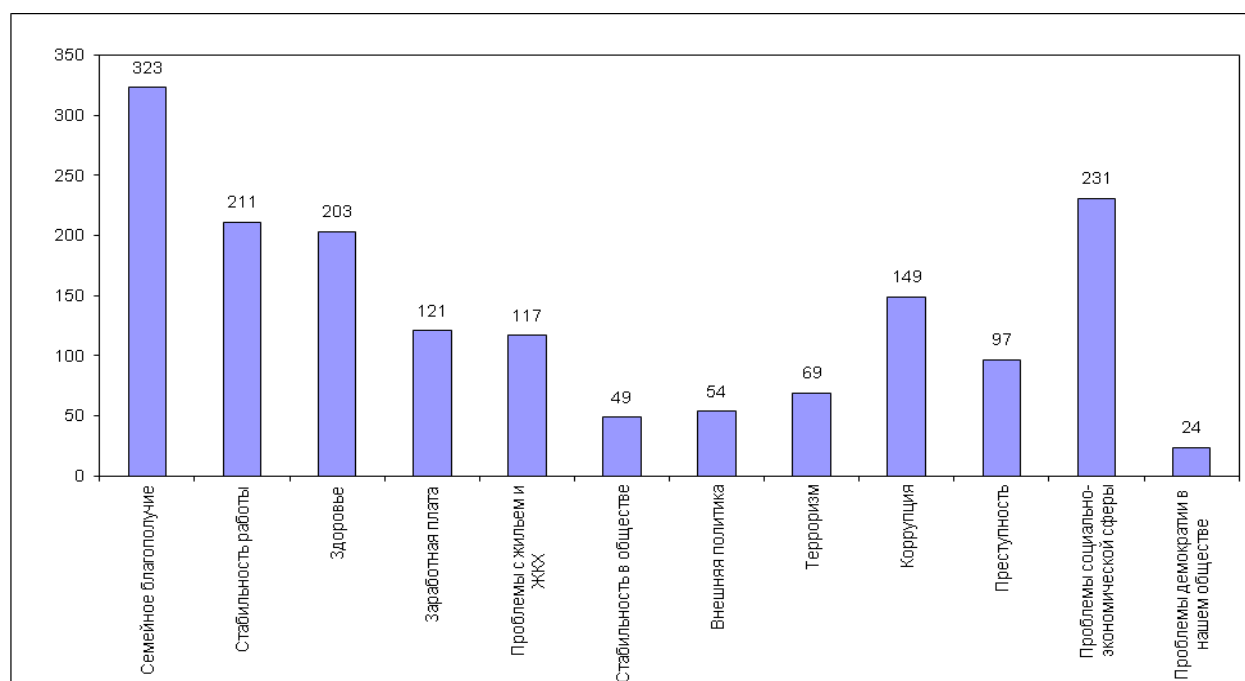
Общегрупповой ранг выглядит следующим образом:

- 1) общение с членами семьи, друзьями,
- 2) работа/ учеба,
- 3) творческая деятельность,
- 4) занятия спортом,
- 5) участие в общественно-политической деятельности.

Такие результаты в целом подтверждают результаты распределения ценностей, выявленные в первом вопросе.

Исследуя иерархию проблем, волнующих брянских избирателей, были получены следующие результаты (рисунок 7). Общее количество не равно 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов.

Результаты ответов на вопрос «Какие проблемы Вас волнуют в наибольшей степени?»



Традиционно самыми актуальными у избирателей стоят проблемы, отражающие социально-экономические трудности. Проблемы, отражающие демократические ценности, волнует лишь малую часть респондентов.

Таким образом, анализ результатов данного блока вопросов говорит о том, что большинство избирателей разделяют ценности, традиционные для российского общества. Такие ценности, как семья, любовь, здоровье, материальное благополучие, являются приоритетными практически у всех респондентов. Коррелируя эти данные с электоральными предпочтениями, можно прийти к выводу, что сторонники КПРФ делают свой выбор, основываясь на стремлении к стабильной жизни, базирующейся на системе социальных гарантий государства. Сторонники же «Единой России» основываются на индивидуалистических ценностях, желая упрочить и улучшить свое положение в настоящее время. На основании победы «партии власти» можно также сделать вывод, что современное общество по-прежнему ориентируется на ценности патриотизма, государственности и в некоторой степени державности.

Около 87% опрошенных хотя бы раз принимали участие в выборах в качестве избирателей. 7% заявили, что занимались более активной деятельностью на выборах (участвовали либо в работе избирательных комиссий, либо были наблюдателями).

Более 30% респондентов в качестве основного мотива участия в выборах указывают вариант «Выборы – гражданское право и обязанность». Примерно такая же часть обосновывают свое участие надеждой улучшить свою жизнь. Около 2% признают воздействие рекламы и СМИ, а около 10% реализуют свою партийную принадлежность.

36% респондентов заявили о своем неучастии в выборах. Это достаточно высокий показатель абсентеизма. Основными причинами неучастия в выборах в той или иной степени являются все предложенные варианты:

- 1) не доверяю кандидатам и партиям (30,2%),
- 2) не думаю, что мой голос может что-то изменить (32,3%),
- 3) мне все равно, кто будет избран (25,7),
- 4) против выборов вообще (11,8%).

Показательны с точки зрения учета ценностных ориентаций в ситуации электорального выбора ответы на вопрос «Чем Вы руководствуетесь, отдавая предпочтение партии или кандидату?». Необходимо отметить, что достаточно большой процент избирателей называют личные качества кандидата и их результаты деятельности (особенно это характерно для электората ЛДПР и «Единой России»). 34,8% руководствуются программой и партийной принадлежностью. 24,7% назвали рекомендации родных и друзей.

Основными источниками информации о ходе избирательной кампании респонденты назвали межличностное общение (около половины всех опрошенных). В последнее время увеличивается доля избирателей, следящих за выборами в сети Интернет (21,2%), особенно это характерно для группы молодых избирателей (в этом кластере показатель достигает 65%).

Брянская область традиционно входит в так называемый «красный пояс», базовыми ценностями для приверженцев КПРФ являются коллективизм, патриотизм, честность, справедливость. Сторонники «партии власти» характеризуются большей направленностью на демократические ценности, среди которых основными являются активная деятельность, материальное благополучие, индивидуализм.

Однако в настоящее время разделить сторонников той или иной партии по социально-демографическим показателям практически невозможно. Например, если традиционно основным электоратом КПРФ считались люди пожилого возраста, то результаты последних выборов в Государственную Думу показали высокий процент молодежи, голосующей за данную партию. Можно лишь предположить (хотя это предположение требует дальнейшего изучения и доказательства), что электоральные предпочтения дифференцируются внутри социально-демографических групп и что в основе такой дифференциации лежат именно уровень сформированности той или иной ценности. Построение предвыборных кампаний, не учитывающих систему ценностей избирателей, может привести к совершенно противоположным результатам, а возможно, и конфликтам.

Таким образом, выработка ценностных ориентаций и соответствующих форм поведения на основе групповых целей и идеалов сегментирует электоральное поведение по отношению к политическим лидерам, партиям и способам социально-политического участия. При этом необходим новый подход к изучению проблем регионального электорального процесса, связанный с анализом влияния меняющихся ценностных установок в моделях электорального поведения.

Литература

1. *Лазарсфельд П.* Выбор народа: Как избиратель принимает решения во время кампании по выборам президента. Нью-Йорк, 1944;
2. *Lipset S.M., Rokkan M.* Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments. An Introduction // Party Systems and Voter Alignments. N.Y., 1967.
3. *The American Voter / Campbell A. et al.* N.Y., 1960.
4. *Fiorina M.* Retrospective Voting in American National Elections. New Haven, 1981.
5. *Гостенина В.И., Лупенкова Е.Ю.* Потенциал социологического анализа качества жизни в прогнозе электорального выбора населения (на примере Брянской области). // Вестник Поволжской академии государственной службы. – Саратов, 2010. – №3 (24).
6. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. - М., 1995.
7. *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). - М., 1966
8. *Охременко И.В.* Электоральное поведение: теория вопроса. - Волгоград, 2002.
9. *Иванов В.Н.* Политическая социология. - М., 2000
10. *Фетисова Ю.В.* Индикаторы развития самоопределения личности. // Социология власти. – 2008. – №3.
11. *Алисова Л.Н., Голенкова З.Т. и др.* Политическая социология / отв. ред. *В.Н. Иванов, Г.Ю. Семигин* // <http://sbiblio.com/biblio/archive/politsoc/10.aspx>

Глава 3. Информационное общество: новая матрица социального неравенства

Мамедов А.К.

доктор социологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, Москва
akmnauka@yandex.ru

Коркия Э.Д.

кандидат социологических наук, доцент кафедры
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, Москва
ekakorkiya@mail.ru

М 22

УДК 316. 324. 8

ББК 60. 52

Аннотация: В статье утверждается посыл, согласно которому в информационном обществе, основанном на таких новых ресурсах, как знание и информация, происходит неявное латентное, но вполне реально осязаемое расширение социального неравенства. Это обусловлено всеобщим доступом к информационному потенциалу, а также наличием таких базовых атрибутов нового социокультурного феномена, как неистощаемость, бесконечность, которые системно связаны с иными свойствами, вследствие чего в информационном обществе принадлежность к высшему классу впервые начинает определяться с точки зрения новых критериев: интеллект, креативность и яркость личностного начала.

Ключевые слова: информационное общество, информационное неравенство, знание, информация, интеллект, образование, креативность, информационная культура, общество, гуманизация, статус, гетерогенность, цивилизация, наука.

Information Society: "birthmarks" inequality

Abstract: In this article we formulated the idea that in the information society that is based on the productive resources such as knowledge and information, there is a latent extension of social inequality. This is caused by the availability of information and the availability of its attributive qualities as inexhaustible, infinite that systematically associated with different properties, such as, - selectivity. On this basis, in the information society belonging to the upper class for the first time begins to be determined in terms of the new criteria: intelligence, creativity and brilliance of the personal principle.

Keywords: information society, information inequality, knowledge, information, intelligence, education, creativity.

Начало XXI в. обозначило иное культурное прочтение и проживание социального контекста, характеризующееся постепенным и обязательным «переживанием» новых трендов; каждая из сфер социальной реальности ощутила системное воздействие информационной революции, ставшей к тому времени новой онтологической действительностью. Принципиально новая трансформация была продиктована и детерминирована, в первую очередь, со все более возрастающим значением информационно-коммуникационных технологий и инноваций, которые невиданными доселе темпами и разнообразием технических решений стали распространяться во всем мире, охватывая все сферы жизнедеятельности. С широкомасштабным и глубинным (тотальным) использованием информации и научных знаний как доминантного стратегического ресурса для дальнейшей эволюции общества многие ученые связывают надежды на возможность преодоления глобального кризиса современной цивилизации, а также решения многих глобальных проблем. Так, популярный западный социолог М. Кастельс постулирует, что в современном мире наблюдается «трансформация нашей материальной культуры через работу новой технологической парадигмы, построенной вокруг информационных технологий» [5,71]. Происходит тотальная информатизация и сциентизация быта, технологии нового порядка начинают активно и повсеместно использоваться на всех уровнях социальной организации. Расширение доступа к информации становится само по себе (по определению) доминантным стимулирующим фактором системного изменения уровня жизни, формирования новых видов социальных практик, а также формирования нового типа социального устройства – «информационного». Как отмечал У. Мартин, «качество жизни, также как перспективы социальных изменений и экономического развития, в возрастающей степени зависят от информации и ее использования. В таком обществе стандарты жизни, формы труда и отдыха, система образования и рынок находятся под значительным влиянием достижений в сфере информации и знания» [17, 40], вследствие чего информация начинает восприниматься как главный ресурс и вектор развития общества, детерминирующего фактора современного социогенеза.

Но есть и иная, не всегда видимая (латентная), сторона данного процесса, на фоне которого информация и знание приобретают черты одного из главных ресурсов и источников социального богатства в рамках динамики общества информационного типа. Главным из значимых (весьма привлекательных) тезисов, сформулированных теоретиками информационного общества, было и является положение о преодолении существующего классового неравенства на основании бесконечно и открытого доступного, следовательно, и равного доступа к информации, которая должна быть свободной. Безусловно и не подлежит сомнению, что подобно тому, как некогда был в основном преодолен сословный принцип формирования общества, преимущественно построенный на родственных связях(непотизм), в информационном обществе достаточно быстро преодолевается существующая до сих пор классовая структура, имеющая в сво-

ем основании экономический (владения собственностью) принцип разделения. На социальной арене в силу ряда уже реализованных социокультурных причин появляется и выходит на первый план новый класс интеллектуалов, структура которого в первую очередь определяется прежде всего резким увеличением количества людей, имеющих престижное высшее образование. Происходит диверсификация социальных функций образования. Образование (как и культура в целом) легитимирует существующее в обществе социальное неравенство и тем самым как бы оправдывает его, проводит его аккумуляцию. Оправдывая социальное неравенство, культура помогает людям цивилизационно примириться с ним и придает устойчивость сложившейся стратификационной системе. В современной эпохе образование само по себе меняет системное предназначение, значительно теряет функции социального лифта, заменяя ее стигматизацией, «маркировкой» социального престижа [6, 23]. Так, например, отмечается, что в развитых странах доля представителей традиционного капиталистического класса среди высших менеджеров крупных компаний по сравнению с 1900 годом существенно сократилась к началу стремительного развития информационных технологий: если в 1900 годы она составляла порядка 50%, то во второй половине 1970-х годов данная доля уже не превышала и 5%. Классик современной социологии Д. Белл констатировал, что «если в течение последних ста лет главными фигурами были предприниматель, бизнесмен, руководитель промышленного предприятия, то сегодня "новыми людьми" являются ученые, математики, экономисты и представители новой интеллектуальной технологии» [1, 32]. Но возникает некий парадокс или новое глобальное противоречие.

Казалось бы, что при наличии равного доступа к информации и знанию можно говорить о процессе всеохватной демократизации общества, однако с появлением упомянутого выше класса интеллектуалов с его базовыми свойствами информация начинает восприниматься в качестве основы и критериев процесса образования новых социальных страт, т.к. основной принцип формирования подобных страт характеризуется владением информацией и широтой подключенности к знаниевому ресурсу. Как итог, формируется кардинально новый (не имеющий аналогов в истории) критерий современного классового деления, который выражается в первую очередь в доступе к качественному образованию и информации. Справедливым также является тезис, согласно которому мы говорим о процессе демократизации современного общества, поскольку сама информация в силу неограниченного доступа к ней является наиболее демократичным и доступным фактором производства и источника власти. С другой же стороны, — информация (как ни парадоксально) является и наименее демократичной в связи с тем, что простой доступ к ней отнюдь не означает автоматического владения ею. Происходит качественная метаморфоза в процессе собственнических отношений, вместе с которой меняется и социальная структура и социальная «ткань».

Безусловно, информацию — в ее отличие от иных системных ресурсов (нефть, уголь и иных атрибутов эпохи модерна) — характеризуют такие качества, как неистощимость, бесконечность, непотребляемость. В то же время она обладает таким качеством, как избирательность, основными решающими фак-

торами приобщения к этому ресурсу являются интеллект, креативность, яркость личностного начала. Исходя из этого, информационное общество уникально в том смысле, что в нем впервые в истории основным критерием принадлежности к высшему классу является не доступ (в силу статуса) к тем или иным материальным благам, а умение ими эффективно распоряжаться. Современные общества имеют собственный вариант объяснения (и оправдания) социального неравенства - миф о том, что человек сам кузнец своей судьбы-построения своей карьеры на основе демократичности современной культуры.

Но один лишь доступ, взятый в отрыве от других факторов, к информации вовсе еще не означает полноправного обладания ею. На сегодняшний день в развитых странах в первую очередь уровнем образования определяется социальный статус человека и — соответственно — классовые различия в обществе. Диплом престижного университета зачастую априори снимает основные препятствия в продвижении по службе; отсутствие же фундаментального образования, зафиксированного (институализированного) в дипломе элитарного вуза, приводит к формированию класса тех, кто стоит у основания социальной лестницы соответственно с заранее проигрышными позициями. И посему неравный доступ (явный или латентный) к образованию становится основой новой формы социального неравенства (скрытого, неявного, но весьма реального). Соответствующие системные изменения происходят и других сферах.

В результате системной трансформации даже в промышленном производстве, согласно П. Друкеру, базовым становится не класс работников физического труда, а работников именно интеллектуального труда. Параллельно с Друкером в 1962 году Ф. Махлуп институализирует данный процесс, вводя в научный оборот термин «работник интеллектуального труда» (knowledge worker) [11, 42], определяя его базовые содержательные характеристики в следующем виде: это человек, который ориентируется на оперирование информацией и знаниями; стремится к той деятельности, которая открывает широкие возможности для самовыражения и самореализации в обществе, как правило, вопреки получению сиюминутной выгоды; наконец, это человек, который обладает высокой мобильностью и является независимым от собственности на средства условия производства. Фиксируется «конец эпохи Меттерниха», где размеры территории, количество населения, армия, сельское хозяйство и тяжелая промышленность являлись определяющими детерминантами социального развития. В «новой волне» [12,3] рычагами развития становятся концентрация высоко образованного населения, ее здоровье, открытость и креативность, концентрация коммуникативных ресурсов. Вследствие чего преимущественное развитие получают те производственные отрасли, где работа напрямую связана с использованием знаний (так называемые knowledge industries) [13, 24] — в развитых странах до 60% валового национального продукта производится в технологически развитой сфере промышленности (смарт-экономике). Изменяется и характер самого труда, не требующий постоянного присутствия— основной становится работа по телекоммуникационным сетям, возникают многочисленные варианты «фрилансерства». Причем в США количество рабочих мест, имеющих «виртуальное» присутствие, стремительными темпами увеличилось за всего

одно десятилетие: с 3 млн. человек в 1990 году до 10 млн. в 1995 году и уже до 25 млн. в 2000 году [3, 42]. Закономерно, что в результате подобного технологического (да и социального) процесса закрывается (иногда это приводит к социальным катаклизмам) значительное количество традиционных рабочих мест (новая деиндустриализация) на производстве и создается гораздо больше площадок для среднего класса, которые по своему социальному положению все чаще напоминают рабочую интеллигенцию. Это процесс достаточно объективен, но поскольку он формирует новые социальные конструкты, а следовательно, создает новые формы «отчуждения», безусловно, этот процесс чреват и классовым противостоянием в обществе, но в иных социальных полях.

Выделение принципиально новой социальной страты, что определяет существование совершенно новой формы так называемой техноструктуры общества, с необходимостью повлекло за собой целый ряд значимых социальных последствий. Как уже отмечалось выше, наиболее серьезным из них стало формирование и институциализация новых форм классового неравенства. Так, по мнению известного мыслителя А. Турена, помимо достижения интеллектуального господства, класс технократов в силу своего доминантного статуса подавляет остальные классы и социально. При этом образовавшийся низший класс — так называемый «underclass» или «прекариат» - становится в ситуации социальной агнозии и апатии - не способен даже выступать как самостоятельный субъект социального процесса [20,70]. Р. Дарендорф же одним из первых стал определять в качестве «правлящего класса посткапиталистического общества» топ-менеджеров компаний и государственных управленцев административного персонала [10,160]. Эта новая социальная страта технократов включает в себя тех, кто создает специальные знания, применяет «талант и опыт в процесс группового принятия решений» [14,86].

Указанные процессы наметились и среди рабочих, где произошло внутреннее существенное расслоение на тех, кто смог в достаточной мере приспособиться и овладеть новыми технологиями — они вступили в транзитивный процесс перехода в разряд работников умственного труда — и тех, кто продолжает продавать не знания и способность ими владеть, а только свою рабочую силу в ее преимущественно физическом смысле. Последних «их более удачливые коллеги считают "неудачниками", "отсталыми", "ущербными", "гражданами второго сорта" и вообще "нижестоящими"» [11, 184]. Эти процессы были зафиксированы, в частности, А. Горцем, который выделил социальную группу «некласса не-рабочих», или «неопролетариата», вобравшую в себя всех тех, чьи интеллектуальные и творческие способности были фактически обесценены современными технологиями. «Работники этих профессий почти не охвачены профсоюзами, лишены определенной классовой принадлежности и находятся под постоянной угрозой потерять работу» [15,32]. Это привело к основанию аннигиляции рабочего класса, к концу 1970-х годов К. Реннер отметил, что рабочий класс, описанный в «Капитале» Маркса, «более не существует» [18, 254]. Поскольку статус и функции элиты перестали определяться в рамках устоявшегося иерархического положения в обществе, уступив свое «насиженное годами» место и социальную эстафету обладанию научной компетентностью, постольку

и границы нового класса становятся гибкими, подвижными, адекватными новой социальной динамики.

Однако здесь возникает и новый ряд системных противоречий - основное из них связано с необходимостью актуализации и понимания того, что определяет основу принадлежности к тому или иному социальному классу. По мнению В.Л. Иноземцева, ссылающегося на классическую работу М. Вебера, базовым признаком класса является «хозяйственный интерес его представителей, а не наличие собственности на средства производства или ее отсутствие» [4, 11]. Как отмечает отечественный исследователь, такой подход становится единственно возможным в условиях «информационной» экономики, где как никогда прежде становятся актуальными вопросы определения прав собственности. И если теоретики марксизма утверждали, что приход к власти рабочего класса (пролетариата) в силу особенностей социогенеза раз и навсегда уничтожает все классовые различия, то процесс формирования в информационном обществе «класса интеллектуалов» поневоле приводит к беспрецедентному расколу общества на разнородные группы. Подобный процесс безусловно сопровождается активным формированием ино-класса технократов, который не зависит от традиционного класса буржуа. Это позволяет сформулировать вывод о том, что в современном обществе появляются постмодернистские виды капитала — человеческий, интеллектуальный, структурный, — которые, как правило, не имеют воплощенной в материальные носители формы, но персонифицированы в их конкретных носителях (в умах креативного кластера).

Данный подход, на наш взгляд, позволяет рассматривать собственность в условиях становления и дальнейшей динамики информационного общества как своеобразную «внутреннюю собственность» (intra-ownership или intra-property), как некую «несобственность» (non-ownership). Утверждается, что собственность в ее классической форме в принципе утрачивает доминантное значение перед лицом знаний и информации, права владения которыми могут быть лишь ограниченными и условными [8,20].

Существенным образом возрастает роль личной собственности в противовес остальным устоявшимся формам, что поневоле отчуждает класс интеллектуалов от остальных. С ростом доли и роли личной собственности власть переходит от капиталистического класса к технократам; как отмечает П. Друкер, «класс интеллектуалов, а не капиталисты обладают (основными) властью и влиянием» в современном обществе [12, 99]. Следовательно, эксплуатации в той устоявшейся форме, какой она досталась от модерна, более не существует; происходит слияние капитала и работника в противоположность классической классовой теории общества. Она (эксплуатация) приобретает иную онтологию неравенства, совершенно новые контуры.

Технократический класс существенно отличается от всех остальных: высокая востребованность в самых разнообразных структурных подразделениях социальной иерархии, исключительная мобильность и креативность. Это приводит к возникновению принципиально иных методов управления, кардинально отличающихся от тех, что доминировали в индустриальном обществе. Управле-

ние инновационными работниками, являющимися «собственниками знаний», теперь аналогичны управлению добровольными автономными организациями, а выход работников за пределы компании должен рассматриваться как естественное и нормальное (не оспариваемое никем) проявление роста их личностного потенциала и капитала. В связи с этим в современной корпорации, как показал в своей работе «Пост-капиталистическое общество» П. Друкер, ни одна из сторон (ни работники, ни предприниматели) не является ни «зависимой», ни «независимой» — все они предстают как «взаимозависимые» [13,66]. Люди новой формации зачастую работают не в силу нужды или отсутствия средств производства, а потому что работа предполагает личный творческий интерес (принцип анти-Питера).

Здесь можно высказать предположение, что информация и знание всегда в истории были прерогативой управляющих классов и — таким образом — выступали как источник социального неравенства. Сама категория знания еще Ф. Бэконом воспринималась в качестве одноуровневой категории с властью (концепт «знание-сила»). В рамках постструктуралистского направления мысли из этой идеи М. Фуко был дедуцирован вывод, согласно которому борьба за знание характеризуется латентной борьбой за обладание властью в ее политическом смысле, где в обратном направлении и наука в целом как главный агрегат всего человеческого знания начинает использоваться в рамках принятия политических решений того или иного уровня [8, 101-103]. Все это указывает на имманентную природу дифференцирующей функции любого знания.

В традиционном (или доиндустриальном обществе), а также в гораздо более демократическом индустриальном в силу особенностей социальной структуры монополия на знание по «естеству» всегда принадлежала правящей элите, вершине социальной пирамиды. Вне зависимости от того, что социальный диапазон монопольного ресурса этих обществ был весьма различным - от архаичных сакральных учений, традицией, обычаев, военной силы или производственного капитала — персонификация этого ресурса всегда по статусному положению порождала и воспроизводила элиту. Несмотря на существенные различия в типологии элит, они имели общий системный признак — стремление к присвоению материальных и в первую очередь символических благ, которые непосредственно связаны с особым рода информацией (знанием). Соответственно, если в аграрном и индустриальном обществах основной социальный конфликт (вся социальная драма) разворачивался вокруг средств производства и ресурсов, а основными участниками подобного социального конфликта выступали большие и устоявшиеся социальные группы, владеющие ими и отчужденные от них, то в информационном же обществе социальное противостояние выходит на принципиально новый уровень социального текста. Оно (социальное противостояние), а, следовательно, и социальный конфликт возникает между людьми, обладающими определенными личностно-социальными характеристиками и уникальными навыками, и людьми, в силу ряда причин (происхождение, статус, роль, личностные черты) не имеющими таковых. По существу, речь идет о таком уровне социального конфликта, который возникает как причина и следствие неравного распределения самих сущностных человеческих

возможностей. Данное социальное поле приводит к тому, что современная ситуация классового противостояния приобретает небывалую остроту такого уровня, какой не знало ни аграрное, ни индустриальное общество. Эти страты состоят из «допущенных» и «не допущенных» не столько к распоряжению социальными благами, сколько к процессу их создания [7, 18]. Существуют и иные ракурсы проблемы (культурологические), суть которых заключается в том, что в настоящее время подавляющая часть знаний в области новейших достижений науки, техники и развития технологий представляется и в первую очередь распространяется в силу ряда причин на весьма ограниченном количестве языков передовых стран мирового (доминирующего) сообщества. К этим языкам относится в первую очередь английский язык, который в последние десятилетия де-факто становится наиболее популярным в мире языком представления и распространения научно-технической информации. В силу чего цивилизационно «отсекается» иная культурная ткань, иные языковые коды.

В современной социологической литературе это явление было актуализировано в различных концепциях - сообщества «второй» (индустриалисты) и «третьей» (постиндустриалисты) волн у О. Тоффлера, в противостоянии которых он видел главный политический конфликт современности, раскалывающий общество на две большие группы людей: тех, кто является сторонниками индустриального прошлого, и тех, кто видит невозможность решения современных глобальных проблем в рамках старого индустриального строя [19, 25]. Другой весьма интересный исследователь современного этапа развития общества Р. Инглхарт выделял сообщества «материалистов» и «постматериалистов», противостояние которых основывалось на различиях базового индивидуального опыта, что был приобретен в ходе значимых исторических трансформаций современного мира [2, 29]. Следует упомянуть также и сообщества индустриального и постиндустриального общества (Д. Белл), а также модернистского и постмодернистского этапов социального развития (С. Лэш, С. Крук). Возможно, несколько более точно процесс подобного противостояния зафиксировали Дж. К. Гэлбрейт и П. Друкер, говоря о сообществах капиталистического и посткапиталистического общества как о «knowledge — workers» и «consumption — workers», или о «knowledge workers» и «non — knowledge people» [4,29].

Данный социальный конфликт не характеризуется историческим «обнищанием» рабочего класса и готовностью рабочих к борьбе за социальное равенство, вместе с тем становится весьма существенным сравнение реальных доходов интеллектуалов (представителей технократического класса) и работников физического труда. В США за десятилетие с 1978 года по 1987 год доходы рабочих со средним уровнем образования упали на 4%, в то время как для выпускников колледжей повысились на 48%. Подобная тенденция имущественного расслоения на основе образовательного уровня в последующие десятилетия сохранилась, на ее фоне средняя почасовая зарплата обладателя диплома бакалавра за период 1987–1993 годов составила 15,71 американских долларов.

Закономерным образом в то же время ощутимо ухудшилось положение представителей традиционного среднего класса, некогда гаранта социальной

стабильности. Упомянутый выше В.Л. Иноземцев, ссылаясь на П. Кругмана, констатирует, что «средний американский рабочий не получал реальной прибавки к заработной плате со времени вступления в должность президента Р. Никсона» [16, 84]. Зарплата рабочих, не имеющих высшего образования, с 1973 по 1993 годы упала практически на 20% (и это несмотря на повышение производительности их труда не менее чем на 25%). Резкое падение заработной платы привело к тому, что доход многих работников, занятых полный рабочий день, не позволял им тем не менее подняться выше черты бедности. Эта социальная прослойка в середине 1980-х годов получила название «работающей бедноты» («working poor»). Причем их доля к 1990-м годам уже составляла почти 18% всего работающего населения, из которых более 15% официально находятся ниже черты бедности и существуют за счет государственных субсидий.

Становится очевидным тот факт, что уникальные навыки и образование являются ключом к приобщению к творческим или же креативным профессиям (ученые и деятели культуры, высококвалифицированных специалисты в области менеджмента и финансов, юристы, профессиональные эксперты и т.д.), и, следовательно, к вхождению в высший класс общества. Усиление влияния новой элиты на социальную жизнь проявляется в том, что за одно только десятилетие (1979–1989 годы) совокупный доход тех, кто составляет наиболее высокооплачиваемую группу профессиональных работников, увеличился более чем в 2 раза.

Подводя итог вышесказанному, укажем, что информационное общество, которое является неизбежным результатом произошедшей в недавнем прошлом технологической революции, системно трансформирует всю социальную действительность. Следствием подобного социогенеза является формирование такого типа общества, в основании которого вовсе не лежит всеобщее материальное и социальное равенство вопреки расхожему представлению адептов, которые описывали в подобных романтических категориях грядущие исторические и общественные тренды. Как выяснилось, информационное общество само уже по своему базисному предназначению создает новые социальные «тупики», социальные предпосылки для еще большего расслоения общества, но на основе знания и информации, подменяя (снимая) тем самым исторически отжившие формы классового расслоения, господствующие в прошлом, на новые, но не менее драматичные. Действительно, доступ к информации и знанию быть может и открыт практически в равной мере для всех людей, но дискретность нового информационного поля вовсе не предполагает свободного и демократического овладения данным ресурсом, поистине доминирующим в современной «мерцающей» информационной реальности.

Литература

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 1999.

2. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.
3. Иноземцев, В.Л. (2000а) «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе. М.: Логос, 2010.
4. Иноземцев, В.Л. (2000b) Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2010.
5. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. — М.: Высшая школа экономики, 2000.
6. Мамедов, А.К., Липай, Т.П. Стигматизация как социальный феномен (методология исследования). Электронный научный журнал «Актуальные инновационные исследования: наука и практика», <http://www.actualresearch.ru>, №1, 2011.
7. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Пер. с англ. М.: АСТ. 2002.
8. Михнева, С.Г. Интеллектуализация экономики: инновационное производство и человеческий капитал // Журнал Инновации. 2003, № 1.
9. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.— М., Касталь, 1996.
10. Dahrendorf, Ralf. The Modern Social Conflict. An Essay on the Principles of Liberty, Berkeley (Ca.), L.: Univ. of California Press., 1988.
11. Drucker, Peter F. The New Realities: In Government and Politics, in Economics and Business // Society and World View. Boston; Oxford: Butterworth-Heinemann., 1989.
12. Drucker, Peter F. Landmarks of Tomorrow. New York: Harper & Brothers., 1996.
13. Drucker, Peter F. Post-Capitalist Society. N. Y., 1995.
14. Galbraith, K. The New Industrial State. L., 1991.
15. Goldman, M. Lost Opportunity. What Has Made Economic Reform in Russia So Difficult. N. Y.; L., 1996.
16. Krugman, P. The Age of Diminishing Expectations. US Economic Policy in the 90s. 3rd ed. Cambridge (Ma.), 1998.
17. Martin W.J. The Information Society. — London: Aslib, 1988.
18. Renner, K. The Service Class // Bottomore T. B., Goode P. (eds.) Austro-Marxism. Oxford, 1978.
19. Toffler A., Toffler H. Creating a New Civilization. Atlanta, 1995.
20. Touraine, A. The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. N. Y.: Random House., 1974.

References

1. Bell, D. Grjadushee postindustrial'noe obshestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya. M. : Academia. 1999.

2. Inghart, R. Postmodern: menjayushiesja cennosti i izmenjayushiesja obshestva // Polis. 1997. № 4.
3. Inozemcev, V.L. (2000a) «Klass intelektualov» v postindustrial'nom obshestve. M.: Logos, 2010.
4. Inozemcev, V.L. (2000b) Sovremennoe postindustrial'noe obshestvo: priroda, protivorechija, perspektivy. M.: Logos, 2010.
5. Kastel's, M. Informacionnaja yepoha: yekonomika, obshestvo, kul'tura. – M.: Vysshaja shkola ekonomiki, 2000.
6. Mamedov, A.K., Lipai, T.P. Stigmatizacija kak social'nyi fenomen (metodologija issledovanija). Yelektronnyi nauchnyi zhurnal «Aktual'nye innovacionnye issledovanija: nauka i praktika», <http://www.actualresearch.ru.>, №1, 2011.
7. Markuze, G. Yeros i civilizacija. Odnomernyi chelovek. Per. s angl. M.: ASG. 2002.
8. Mihneva, S.G. Intellektualizacija yekonomiki: innovacionnoe proizvodstvo i chelovecheskii kapital // Zhurnal Innovacii. 2003, № 1.
9. Fuko, M. Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let. Per. s franc.— M., Kastal', 1996.
10. Dahrendorf, Ralf. The Modern Social Conflict. An Essay on the Principles of Liberty, Berkeley (Ca.), L. : Univ. of California Press., 1988.
11. Drucker, Peter F. The New Realities: In Government and Politics, in Economics and Business // Society and World View. Boston; Oxford: Butterworth-Heinemann., 1989.
12. Drucker, Peter F. Landmarks of Tomorrow. New York: Harper & Brothers., 1996.
13. Drucker, Peter F. Post-Capitalist Society. N. Y., 1995.
14. Galbraith, K. The New Industrial State. L., 1991.
15. Goldman, M. Lost Opportunity. What Has Made Economic Reform in Russia So Difficult. N. Y.; L., 1996.
16. Krugman, P. The Age of Diminishing Expectations. US Economic Policy in the 90s. 3rd ed. Cambridge (Ma.),1998.
17. Martin W.J. The Information Society. – London: Aslib, 1988.
18. Renner, K. The Service Class // Bottomore T. B., Goode P. (eds.) Austro-Marxism. Oxford, 1978.
19. Toffler A., Toffler H. Creating a New Civilization. Atlanta, 1995.
20. Touraine, A. The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. N. Y.: Random House., 1974.

Глава 4. Социальные риски современного общества: диссонансы информации в молодёжной среде

Мельников С.Л.
кандидат педагогических наук, профессор, первый проректор
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского
Россия, г. Брянск

М 48

УДК 316. 47

ББК 76. 0

Проблема социальных рисков в России существовала всегда. Однако в современном обществе эти вопросы приобрели особую актуальность. Фактором возникновения и нарастания остроты социальных рисков выступает общая тенденция развития мировой цивилизации в условиях глобализации и открытости социальных систем¹. В связи с этим современное общество предстает как сложно организованная система с социальными процессами, которая пребывает в постоянных изменениях. Социология исследует влияние процессов трансформации на производство и воспроизводство социальных рисков, где в центре внимания находятся деятельность индивида, социальных групп, их ценностные ориентации и модели поведения. В данном случае социальные риски являются основной чертой социальной действительности, где выбор действия – выбор из множества альтернатив, то есть весьма высока неопределенность будущего. Таким образом, любая деятельность социального субъекта сопровождается риском. Особенность учащейся молодежи как субъекта социальных рисков заключается в ее основной деятельности, направленной на приобретение образования. В условиях социальных трансформаций она наиболее подвержена социальным рискам. Сегодняшним студентам высших учебных заведений приходится адаптироваться к постоянным изменениям в системе образования. Это неизбежно приводит к возникновению профессионального типа социальных рисков учащейся молодежи: выбор профессии, учебного заведения задают общий жизненный настрой. Образование в данном случае является стартовой площадкой в жизни молодого человека.

Наряду с проблемами образования в начале жизненного пути учащаяся молодежь сталкивается с проблемами и в других направлениях индивидуального развития. Например, риски безработицы, связанные с динамично меняющимися условиями на рынке труда; риски семьи, связанные с изменениями жизненных позиций молодого поколения: выбор между рождением детей и профессиональным (карьерным) ростом, зарегистрированным и незарегистрированным браком и др.; риски здоровья (физического и духовного), вызванные не-

¹ Комбарова Е.В. Социальные риски учащейся молодежи в современных условиях. Автореферат дисс... канд.социол.н. Екатеринбург, 2011 // <http://refdb.ru/look/1228265-pall.html>

правильным образом жизни, соблазнами употребления алкоголя и наркотических веществ, влиянием неблагоприятной экологической обстановки и т.д. Также оказываются значительными риски в политической и экономической сферах жизнедеятельности учащейся молодежи, которые обусловлены, как правило, низкой политической активностью и слабой включенностью в экономическое пространство¹.

Таким образом, современное состояние российского общества – социально-экономические трансформации, реформирование системы образования и т.д., – порождает ряд социальных рисков, которые прямо воздействуют на учащуюся молодежь как элемент структуры общества, что непременно отражается на дальнейшей социализации личности.

Социальные риски — это риски социального происхождения; вероятные опасности, угрозы нарушения нормального (для данного общества) социального положения, вызываемые неустранимыми для данного общества причинами, коренящимися в самом его конкретно-историческом устройстве. Социально значимым нарушением можно считать существенное отклонение от социальной нормы какого-либо (или нескольких) важнейших параметров социального положения той или иной социальной группы².

Риски нарушения нормального социального положения имеют разную природу, т.е. возникают и могут воспроизводиться по разным причинам (стихийные бедствия, военные действия, эпидемии, революции, государственные перевороты, демографические взрывы и провалы и т.п.). Социальные риски выделяются в системе рисков тем, что они возникают и существуют не в чрезвычайных, а в обычных (нормальных) условиях развития общества, закономерно (а не случайно) сопровождают нормальное функционирование общества, и более того, имеют своими причинами именно базовые общественные отношения, нормальные (повседневные, регулярные) общественные порядки. Понимая, что данное общественное устройство само из себя постоянно порождает социальные риски, общество порождает и развивает систему защиты от социальных рисков — социальную защиту. Делает это в решающей мере государство. Ни один из других субъектов социальной политики с подобной общественной задачей не справится³.

С учетом объективной природы и в зависимости от влияния на трудоспособность человека социальные риски можно объединить в 4 группы (виды социальных рисков)⁴:

¹ Комбарова Е.В. Социальные риски учащейся молодежи в современных условиях. Автореферат дисс... канд.социол.н. Екатеринбург, 2011 // <http://refdb.ru/look/1228265-pall.html>

² Определение социальных рисков // <http://www.wayofsociology.ru/wospgs-191-1.html>

³ Определение социальных рисков // <http://www.wayofsociology.ru/wospgs-191-1.html>

⁴ Социальный риск: понятие, значение виды // <http://fimoze.ru/raznoe/ps0-zachet-otvety.htm>

Таблица 1



Таким образом, риск всегда социален, поскольку продуцируется социальными субъектами, а его последствия влияют на их существование и взаимодействие¹. Социальный риск можно рассмотреть как опасность, возникающую и проявляющуюся в рамках социальной сферы общества и которая может отрицательно сказываться на жизнедеятельности отдельных социальных групп. Рассматриваться риск может в совокупности с социальными изменениями, и выступать как результат несоответствия действий субъекта и объекта риска изменениям социальной среды².

Всякая социально значимая деятельность индивидуальна, «субъектна» по своей природе и, значит, интенциональна и ситуационна, поэтому целеобусловлена, мотивирована и содержит собственный механизм зарождения и реализации. Но именно этот «механизм», как правило, вне научных изысканий.

Особое внимание в социологических исследованиях последних лет уделяется молодежи и молодежной политике государства, что симптоматично, так как за молодыми людьми – будущее новой России³.

В трудах социологов затрагиваются различные аспекты данной проблемы⁴.

¹ Тарасов В.В. Социально-философский взгляд на социальные риски в условиях информационного общества // Вестник МГТУ Станкин. — 2013. — № 3 (26). — С. 122—125. С. 123.

² Самсонкина Е.А., Муха В.Н. Социальные риски в современном российском обществе // <http://sibac.info/16238>

³ См., например: Ключникова Т.Н., Исаева Е.Ю. Историческая память о Великой Отечественной войне как процесс формирования гражданской идентичности молодежи // Научный, информационно-аналитический журнал «Образование и общество» № 4 (87). Июль-август. 2014 С. 65-70; Ключникова Т.Н. Социальная активность граждан как источник преобразований в местном самоуправлении. - Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 2 (46). С. 155-170.

⁴ См., например, работы: Горшков, М.К., Крумм, Р., Тихонова, Н.Е., Андреев, А.Л., Аникин, В.А., Бараш, Р.Э., Бызов, Л.Г., Лежнина, Ю.П., Мареева, С.В., Мчедлова, М.М., Петухов, В.В., Тюрина, И.О. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.; Горшков, М.К., Шереги, Ф.Э. Исторические и теоретико-методологические предпосылки исследования молодежи в России // Россия и Китай: молодежь XXI века [монография] / отв. редакторы: М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. С. 7-32. Горшков, М. К., Шереги, Ф.Э. О жиз-

Нас же интересует аспект гражданской культуры молодого поколения, его информационные риски, как эти риски возникают и к чему могут привести. Приведем вторичный анализ социологических данных¹.

Были определены следующие цели анкетирования: 1) узнать, каков уровень гражданской культуры нынешней молодежи, 2) узнать, ощущает ли себя молодежь реальной силой, способной изменить положение в обществе, 3) обозначить информационные риски².

На вопрос «Как бы Вы лично оценили свою общественную позицию?», требующий только один ответ из 6 предложенных, в процентном отношении от числа респондентов 48,8% респондентов выбрали второй вариант ответа «2) слежу за происходящими событиями и по возможности участвую в том, что мне интересно» и 29,2% - третий «3) стараюсь всегда быть в курсе происходящего, но практически никогда не принимаю участия», активными участниками всех общественных процессов, протекающих в вузе, в регионе и стране, считают себя лишь 11,6% респондентов.

Диаграмма 1

Оценка своей общественной позиции (в %)



ненных планах российской молодежи: настоящее и будущее // Россия и Китай: молодежь XXI века [монография] / отв. редакторы: М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. С. 384-404.

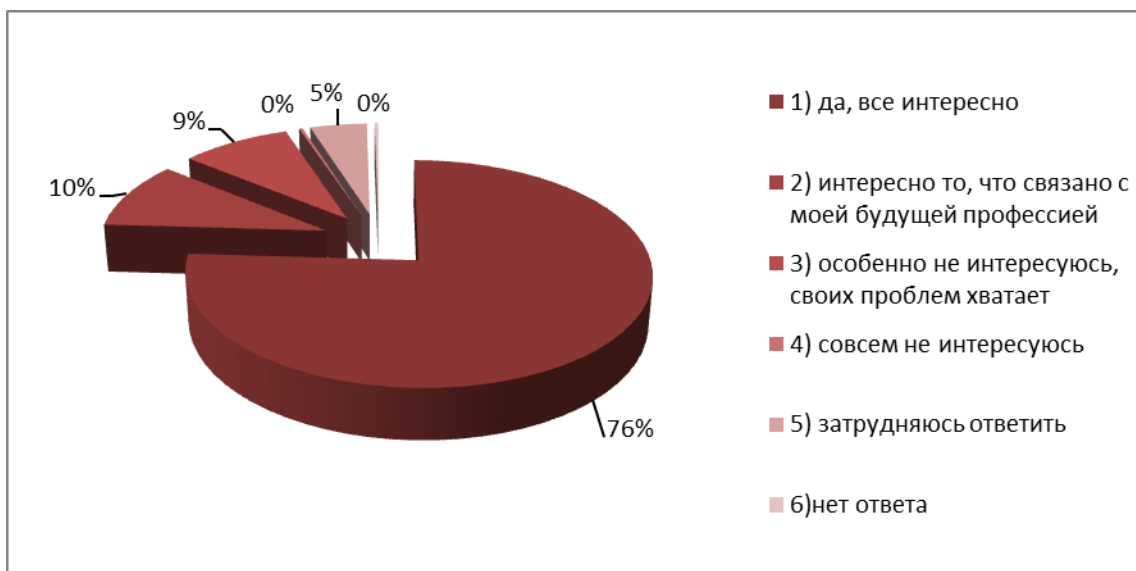
¹ В 2014 году был проведен анкетный опрос студентов 11 факультетов Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «БГУ им. И.Г. Петровского». Был опрошен 301 респондент, что соответствует квотной выборке (10% от количества обучающихся на том или ином факультете).

² Результаты представлены: Шилина С.А. Управленческий дискурс как технология коммуникации в системе отношений государства и общества. Дисс... докт.социол.н. – М., 2015. 311 с. С. 254-265.

На вопрос «Интересны ли Вам события, происходящие в стране и за рубежом?», требующий только один ответ из 5 предложенных, в процентном отношении от числа респондентов большинство 75,7% ответило «да, всё интересно», остальные ответы распределились между оставшимися двадцатью пятью процентами (ответ «интересно то, что связано с моей будущей профессией» – 10%; «особенно не интересуюсь, своих проблем хватает» - 9%; «совсем не интересуюсь» - 5,3 %).

Диаграмма 2

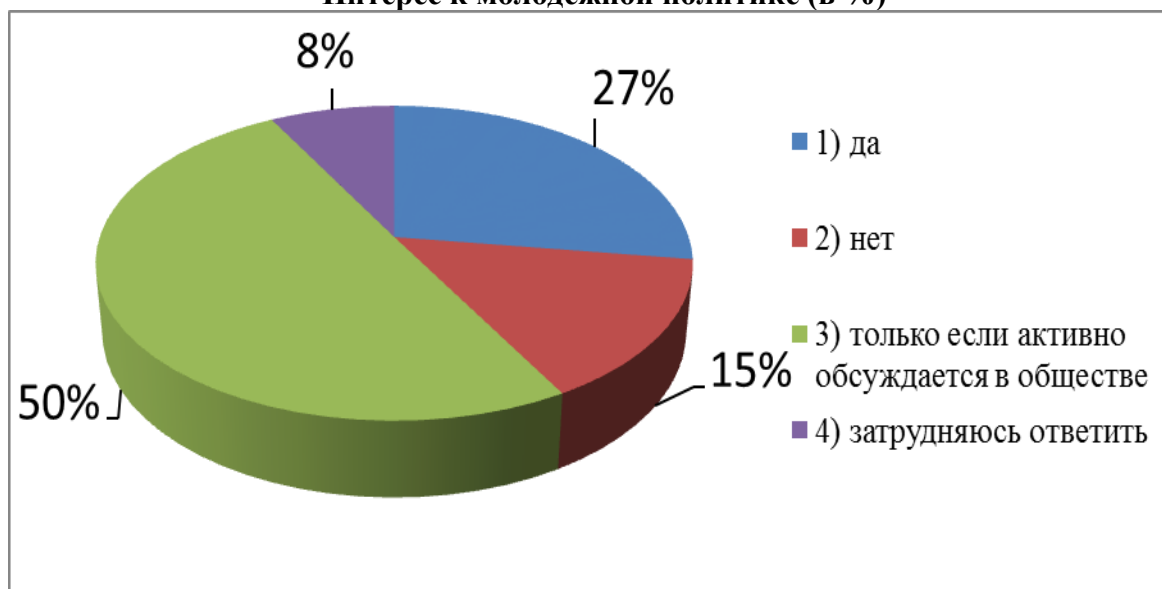
Интерес к событиям в стране и за рубежом (в %)



На вопрос «Интересуетесь ли Вы государственной молодёжной политикой?», требующий только один ответ из 4 предложенных, в процентном отношении от числа респондентов половина опрошенных выбрали третий ответ «3) только если активно обсуждается в обществе», 27,2% - первый ответ: «да», «нет» и «затрудняюсь ответить» соответственно 14,6% и 7,9%.

Диаграмма 3

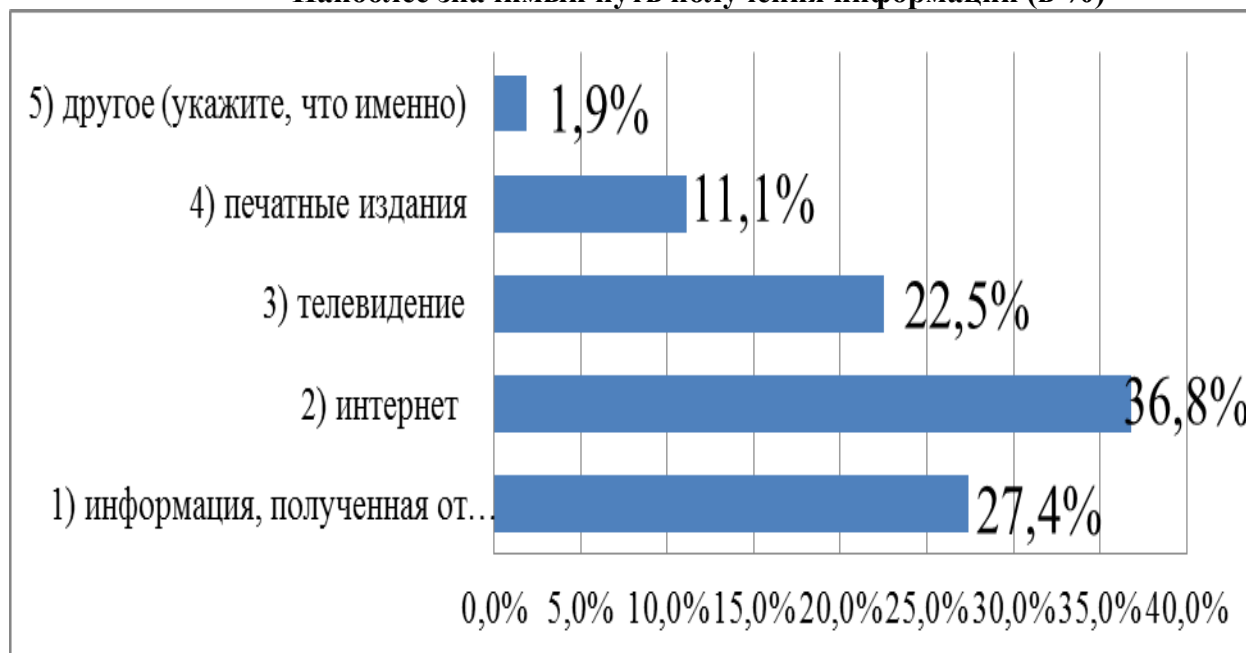
Интерес к молодёжной политике (в %)



На вопрос «Какой путь получения информации наиболее значим для Вас?», требующий один ответ и более из 5 предложенных, в процентном отношении от числа всех полученных ответов на данный вопрос Интернет оказался на первом месте – 36,8%, на десять процентов меньше отдают предпочтение информации, полученной от преподавателей, и почти 34%, то есть, как и из Интернета, получают значимую информацию из телевидения и печати.

Диаграмма 4

Наиболее значимый путь получения информации (в %)



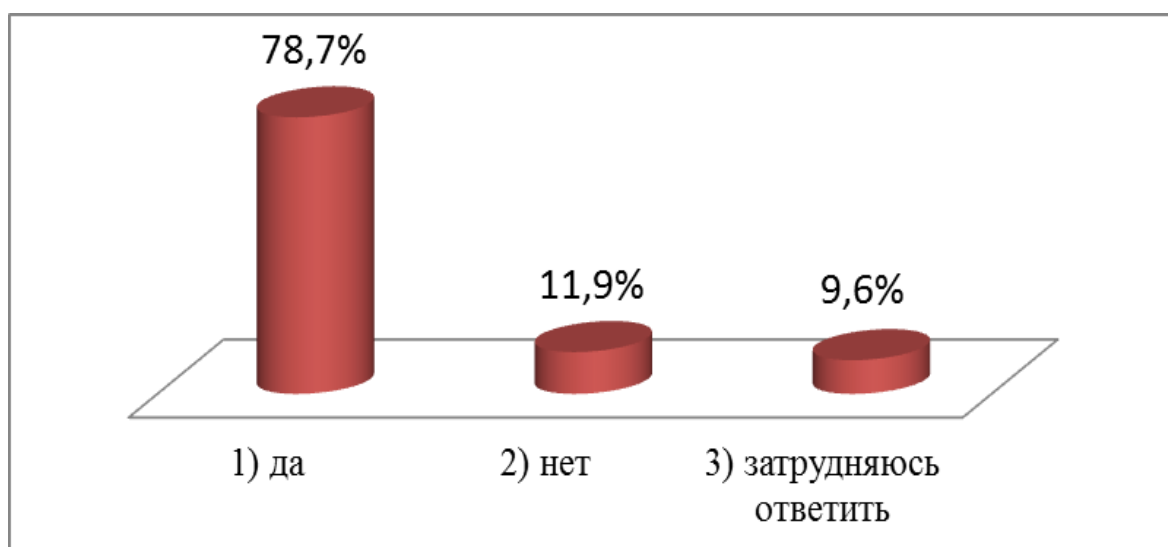
Таким образом, хотя ведущим видом деятельности во время обучения в вузе должна быть учебная, а следовательно, основной объем значимой для студентов информации должен быть получаем от преподавателей, но из опроса видно, что наиболее значима всё же информация из других источников – в совокупности около 70%.

На вопрос «Проводились ли в Вашей группе беседы об истории университета?», требующий только один ответ из 3 предложенных, в процентном отношении от числа респондентов 78,7% ответили положительно.

Заинтересованность самих студентов в том, чтобы узнать историю вуза, в котором они обучаются, не определялась в ходе анкетирования.

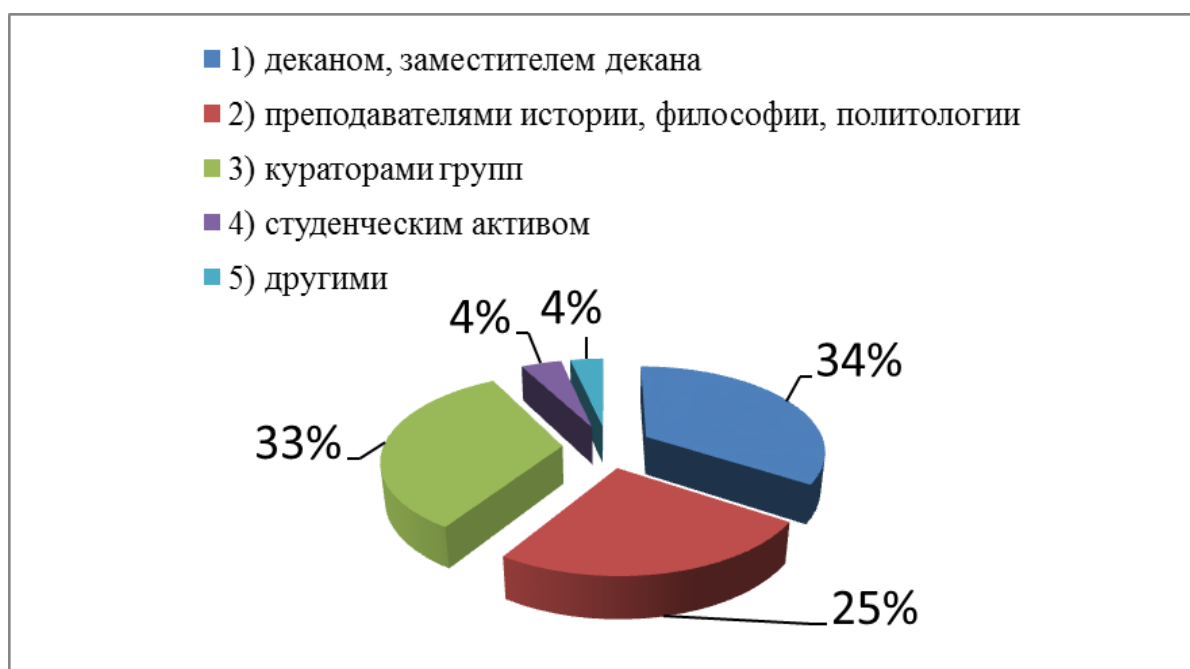
Но можно предположить, что при выборе учебного заведения, когда решался вопрос: «Куда пойти учиться», будущие абитуриенты через сеть Интернет всё же получали информацию о структуре выбранного вуза, о правилах приема и форме обучения, а также узнавали и исторические сведения о той или иной высшей школе.

Проведение бесед об истории университета (в %)



На вопрос «Кем организовывались эти беседы (в случае положительного ответа на предыдущий вопрос)?», требующий один ответ и более из 5 предложенных, в процентном отношении от числа полученных ответов, как видно из диаграммы, студенты, ответившие «да» на предыдущий вопрос, считают, что беседы об истории университета проводились как деканатом – 31,2% и кураторами групп – 31,7%, так и преподавателями истории, философии, политологии – 22%.

Организаторы бесед об истории университета (в %)



На вопрос «Проводились ли в Вашей группе беседы о соблюдении законодательства в области образования?», требующий только один ответ из 3 предложенных, в процентном отношении от числа респондентов 67,4% из оп-

рошенных ответили «да». Затруднилась ответить и ответила «нет» оставшаяся часть респондентов.

Диаграмма 7

Проведение бесед о соблюдении законодательства в области образования (в %)

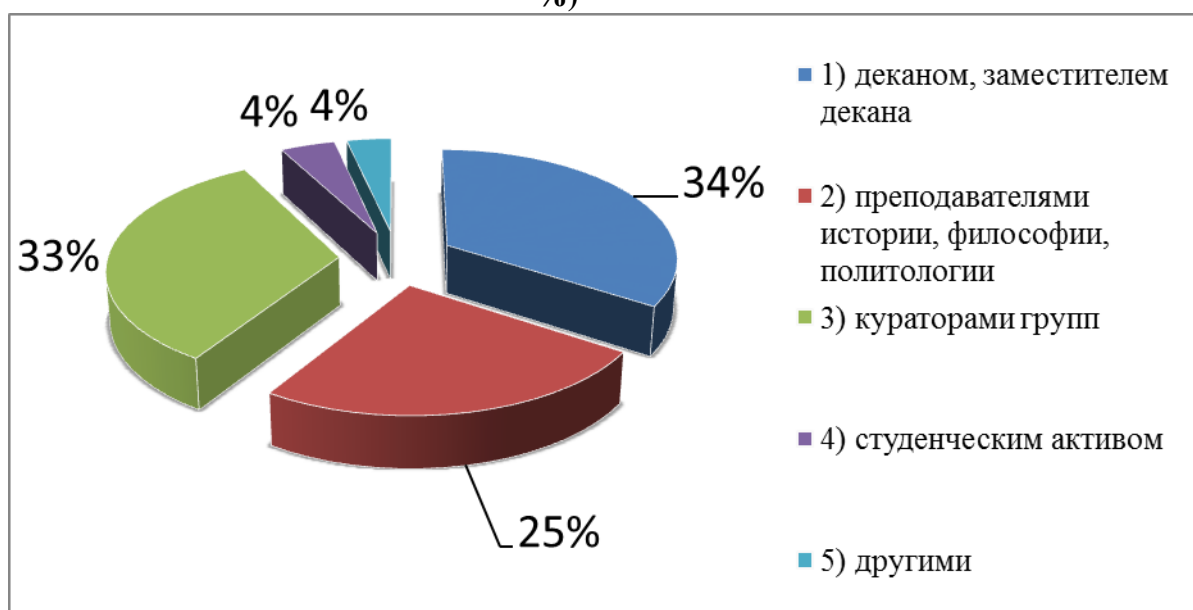


На вопрос «Кем организовывались эти беседы (в случае положительного ответа на предыдущий вопрос)?», требующий один ответ и более из 5 предложенных, в процентном отношении от числа респондентов, как и в предыдущем блоке, студенты в процентном соотношении отдали предпочтение деканату и кураторам (34% и 33% соответственно), и, как считает 24,8% опрошенных, эти беседы проводились преподавателями истории, философии, политологии.

Студенческий актив был упомянут 4% респондентов, столько же респондентов выбрали ответ «другими».

Диаграмма 8

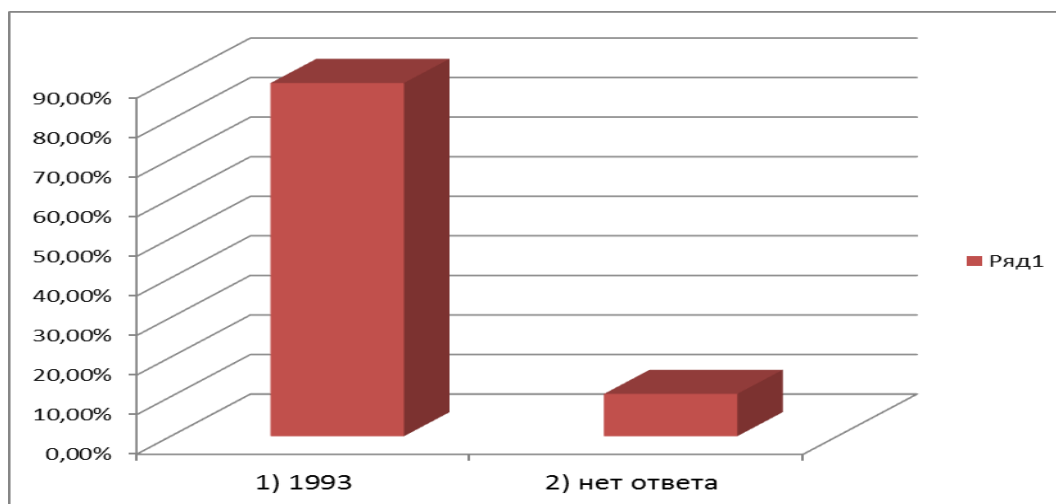
Организаторы бесед о соблюдении законодательства в области образования (в %)



На вопрос же «Укажите, когда была принята Конституция Российской Федерации?» почти 90% ответили правильно.

Диаграмма 9

Знание даты принятия Конституции РФ (в %)



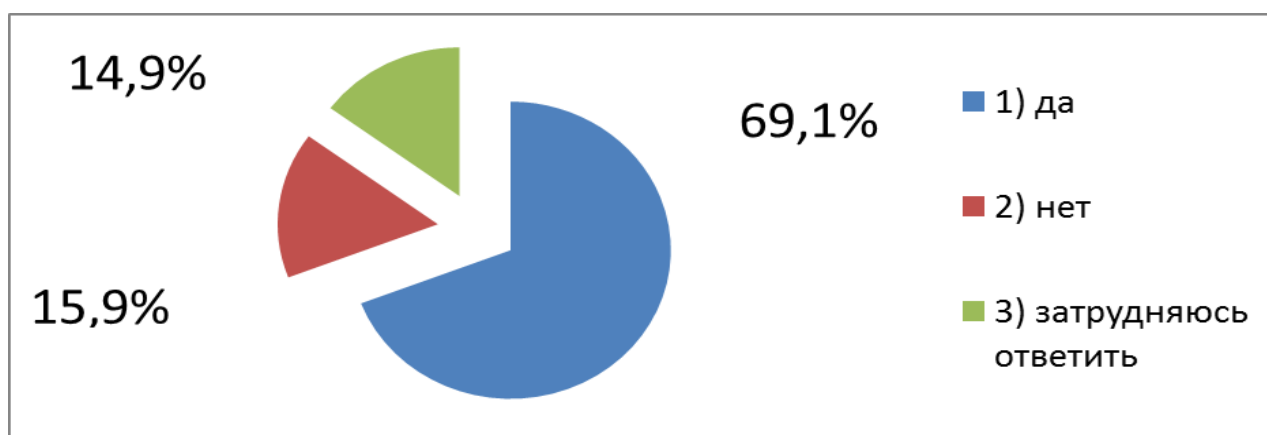
Сложнее обстоит дело с датой принятия «Закона об образовании». 62,1% респондентов указали правильную дату. На факультете физической культуры 100% назвали правильную дату, поэтому получилось свыше 50% по всем факультетам, но если смотреть на ответы некоторых факультетов, то из числа опрошенных нет даже половины правильных ответов.

На вопрос «Проводились ли в Вашей группе беседы о роли российских ученых, государственных и общественно-политических деятелей в развитии страны?», требующий только один ответ из 3 предложенных, в процентном отношении от числа респондентов около 70% респондентов ответили положительно на этот вопрос, но треть ответили отрицательно или испытали затруднения с ответом.

Объяснение тому, что треть респондентов не смогла ответить на заданный вопрос, можно найти в области субъективных факторов: большинство студентов уверено, что достаточно осведомленности, получаемой из сети Интернет (где в любой момент можно найти необходимую информацию).

Диаграмма 10

Проведение бесед о роли российских ученых, государственных и общественно-политических деятелей в развитии страны (в %)

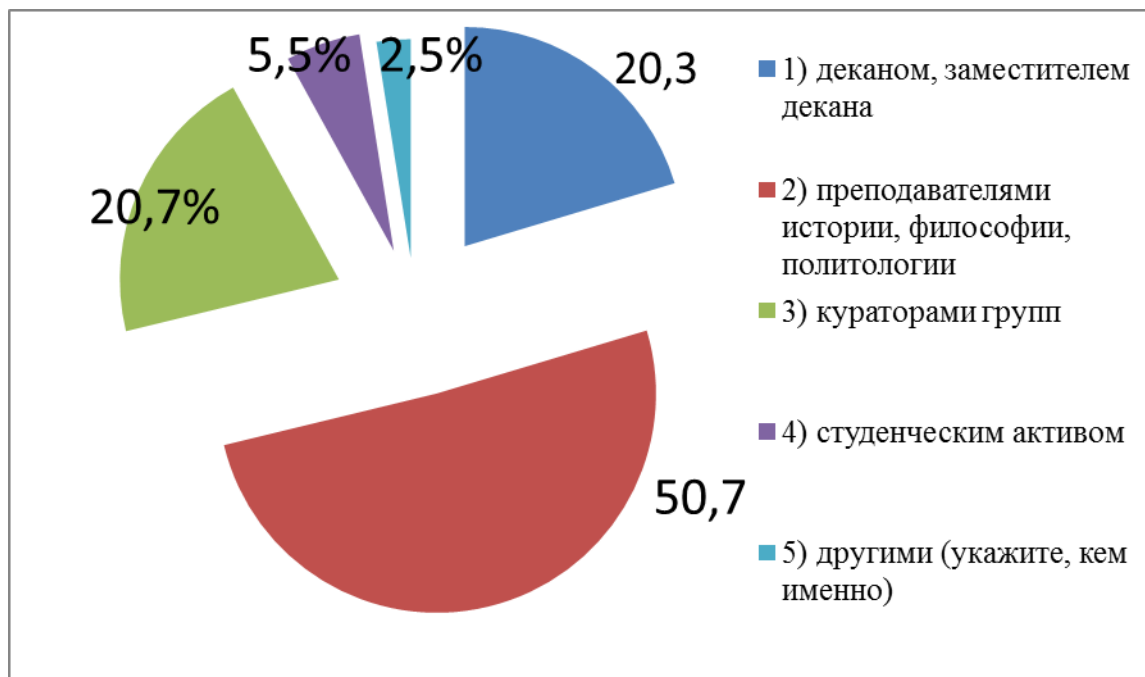


На вопрос «Кем организовывались эти беседы (в случае положительного ответа на предыдущий вопрос)?», требующий один ответ и более из 5 предложенных, в процентном отношении от числа всех ответов половина респондентов назвала преподавателей истории, философии, политологии, а также были названы представители деканата (20,3%) и кураторы (20,7%).

Студенческий актив упомянули 5,5% респондентов, оставшиеся 2,5% выбрали ответ «другими».

Диаграмма 11

Организаторы бесед о роли российских ученых, государственных и общественно-политических деятелей в развитии страны (в %)



Ответы на конкретные вопросы, которые должны бы стать показателем, что узнали студенты из этих бесед, свидетельствуют о нетвердом владении материалом.

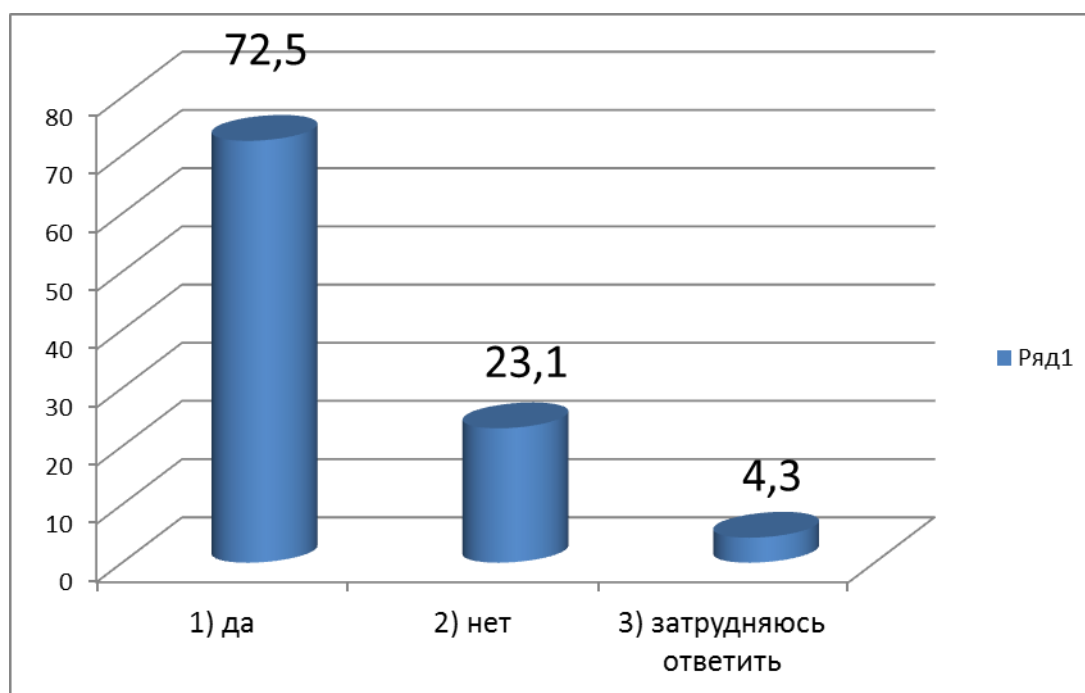
Если на вопрос «Укажите, кто является Председателем Правительства Российской Федерации?» ответили почти 94 процента респондентов, то на следующих два процента снизился.

На вопрос «Укажите, кто является уполномоченным по правам человека в Российской Федерации?» только 71% смог ответить, а на вопрос «17. Укажите, кто возглавляет Федеральное Собрание Российской Федерации?» 50,8% респондентов ответили правильно.

На вопрос «Проводились ли в Вашей группе встречи, посвященные организации выборов в органы законодательной и исполнительной власти?», требующий только один ответ из 3 предложенных, в процентном отношении от числа респондентов 72,5% ответили утвердительно. 23,1 респондентов выбрали ответ «нет», 4,3% затруднились с ответом.

Диаграмма 12

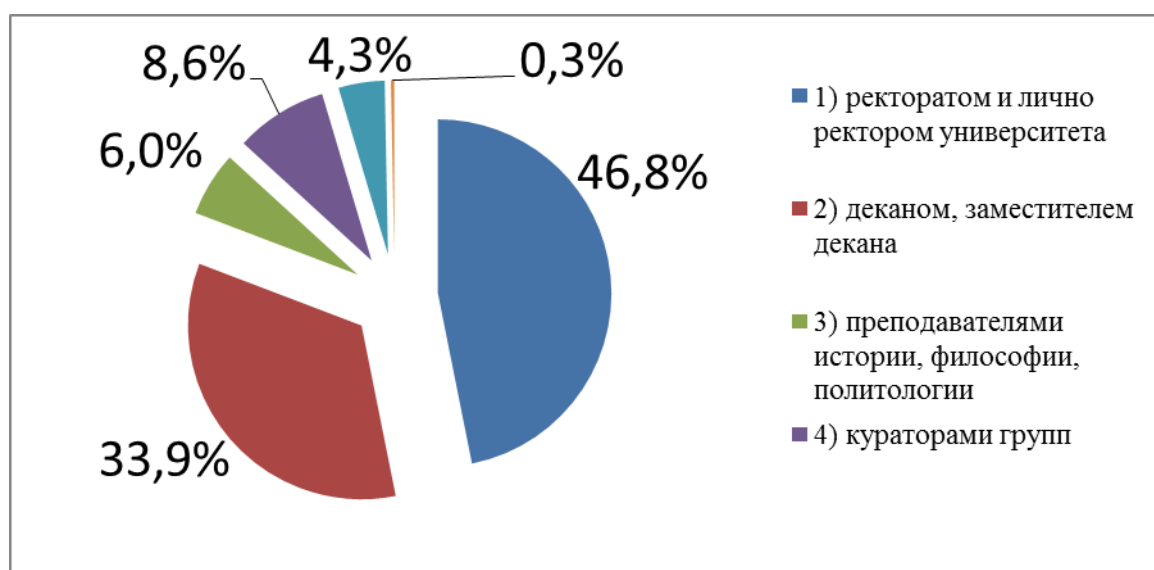
Проведение бесед по выборам в органы власти (в %)



На вопрос «Кем организовывались эти беседы (в случае положительного ответа на предыдущий вопрос)?», требующий один ответ и более из 5 предложенных, в процентном отношении от числа всех полученных ответов на данный вопрос почти 47% указали, что беседы проводились ректоратом и лично ректором, около 34% назвали деканат, и только 6% упомянули преподавателей истории, философии, политологии.

Диаграмма 13

Организаторы бесед по выборам в органы власти (в %)

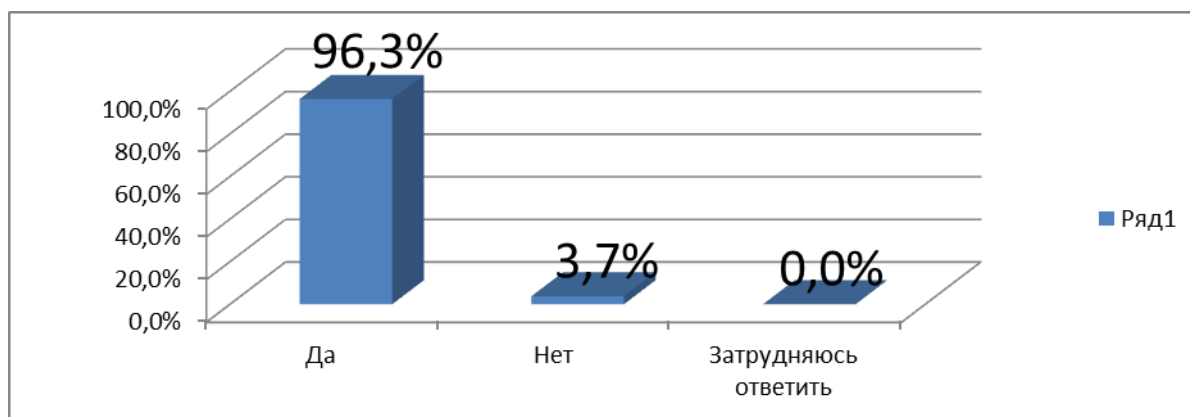


На вопрос «Принимали ли Вы участие в общегородских и областных социально-значимых мероприятиях (Парады поколений в честь Дня Победы и Дня города, встреча олимпийского огня, митинги в честь Дня России, Дня народного единства, митинги в поддержку присоединения Крыма и т.п.)», тре-

бующий только один ответ из 3 предложенных, в процентном отношении от числа респондентов 96,3% ответили «да».

Диаграмма 14

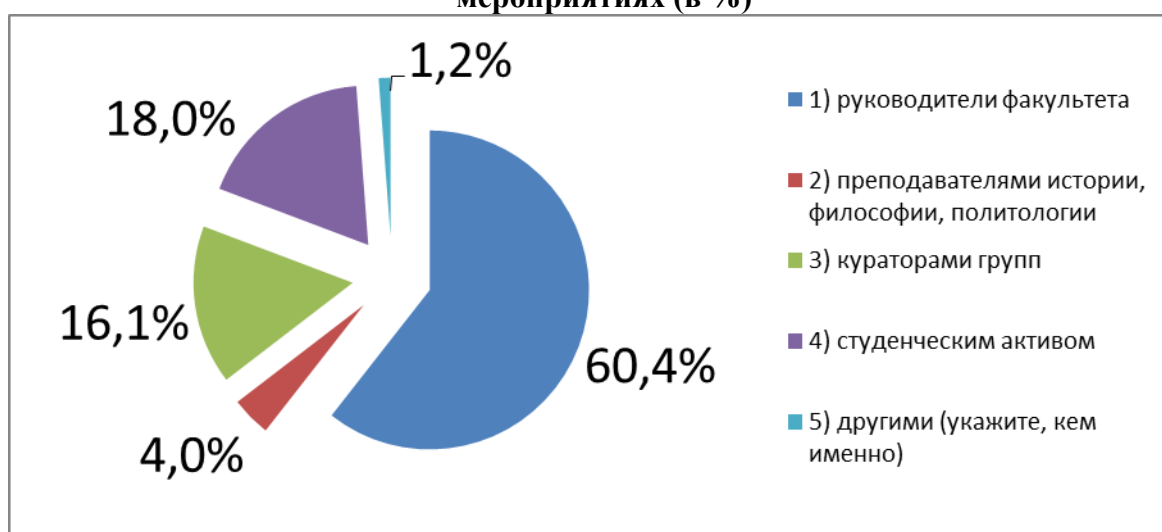
Участие в общегородских и областных социально-значимых мероприятиях (в %)



На вопрос «Кто организовывал студентов для участия в таких мероприятиях?», требующий один ответ и более из 5 предложенных, в процентном отношении от числа респондентов 60,4% опрошенных указали на организацию подобных мероприятий руководством факультета, 4% назвали преподавателей истории, философии, политологии.

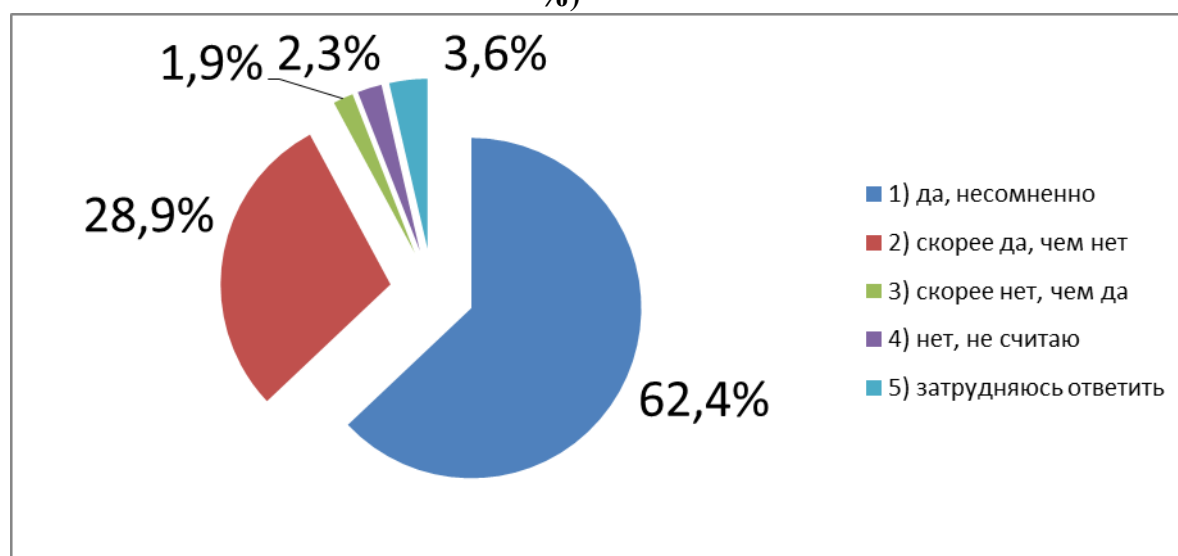
Диаграмма 15

Организаторы участия студентов в общественно значимых мероприятиях (в %)



На вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом России?», требующий один ответ из 5 предложенных, в процентном отношении от числа респондентов большинство ответили положительно (2 первых ответа вместе составляют более 90%).

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом России?» (в %)



Студенты в большинстве считают себя патриотами своей родины, но при этом только половина из опрошенных ответила, что они следят за происходящими событиями и по возможности участвуют в том, что им интересно, а активными участниками всех общественных процессов, протекающих в вузе, в регионе и стране считают себя лишь 11%.

О том, что в группе проводились те или иные значимые мероприятия, указано в большинстве анкет, но настораживает и процент тех, кто ответил нет или воздержался от ответа: от 10 до 20%. И только на последний вопрос отрицательные ответы не превысили 10%.

Большинство значимой для студенчества информации молодые люди предпочитают получать из СМИ и сети Интернет, а не от преподавателей, хотя ведущей деятельностью является у студентов обучение, а значит, именно преподаватели должны занимать в рейтинге передачи значимой информации ведущее место.

В ходе анализа и социологических, и социолингвистических данных мы пришли к следующему выводу.

Молодежь вынуждена принимать решения, и её активность направлена на поиск средств, необходимых для выхода из проблемных жизненных ситуаций. Такие ситуации не совпадают ни с объективными условиями жизни, ни с нашим самочувствием в тот или иной момент. Это динамические антропокультурные образования, интегрирующие так называемые объективные свойства среды с их индивидуальной интерпретацией личности, «стечения» значимых для человека событий и обстоятельств его жизни, рисков¹. Эти «стечения» преломляются в его собственном сознании и требуют от него определенных действий. В поисках выхода из таких ситуаций люди используют все доступные им средства, в том числе и коммуникативные. Поэтому так важно изучение социальных и информационных рисков.

¹ Киричѐк П.Н. Современная информационная политика: императивно-модусная трансформация. - Социологические исследования. 2007. № 10. С. 86-96.

Литература

1. Амлинский А. В рекламе нельзя быть гиперморалистом / А. Амлинский // Креатив. Рекламные идеи. – 2002. – № 2 (39). – С. 68-74.
2. Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е., Андреев А.Л., Аникин В.А., Бараш Р.Э., Бызов Л.Г., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Мчедлова М.М., Петухов В.В., Тюрина И.О. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.
3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Исторические и теоретико-методологические предпосылки исследования молодежи в России // Россия и Китай: молодежь XXI века [монография] / отв. редакторы: М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. С. 7-32.
4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. О жизненных планах российской молодежи: настоящее и будущее // Россия и Китай: молодежь XXI века [монография] / отв. редакторы: М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. С. 384-404.
5. Киричѐк П.Н. Современная информационная политика: императивно-модусная трансформация. - Социологические исследования. 2007. № 10. С. 86-96.
6. Шилина С.А. Управленческий дискурс как технология коммуникации в системе отношений государства и общества. Дисс... докт.социол.н. – М., 2015. 311 с.
7. Тарасов В.В. Социально-философский взгляд на социальные риски в условиях информационного общества // Вестник МГТУ Станкин. — 2013. — № 3 (26). — С. 122—125.

Электронные ресурсы

8. Комбарова Е.В. Социальные риски учащейся молодёжи в современных условиях. Автореферат дисс... канд.социол.н. Екатеринбург, 2011 // <http://refdb.ru/look/1228265-pall.html>
9. Самсонкина Е.А., Муха В.Н. Социальные риски в современном российском обществе // <http://sibac.info/> 16238
10. Определение социальных рисков // <http://www.wayofsociology.ru/wospgs-191-1.html>

Глава 5. Рынок труда Брянской области на фоне общероссийских тенденций кризиса

Новикова Н.В.

**кандидат экономических наук, доцент
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского
Россия, г. Брянск**

Н 73

УДК 331.5

ББК 62.240

В течение более чем двадцати последних лет российское общество, как и все постсоветское пространство, находится в состоянии общесистемного транзита – перехода к новому качественному уровню всех сфер его жизнедеятельности.

С середины 1980-х годов прошлого века состояние и динамики массового сознания и поведения россиян определяется контекстом новых реалий и вызовов времени. Процесс ломки сложившихся за предшествующую советскую эпоху основ идеологии, экономической, политической, социальной и духовной жизни, определяет адаптацию к тенденциям информационного и социального прогресса.

Исследование в таком контексте процессов занятости и состояния безработицы особенно на региональном уровне содержит практическую направленность и актуальна на фоне общероссийских тенденций кризиса.

Научное обоснование управлением занятости населения, решение проблем безработицы требует системного исследования комплекса теоретико-методологических концепций и анализа результатов прикладных исследований, особенно в условиях современного демократического транзита, осмысления отечественного и зарубежного опыта постсоветского развития и на этой основе – прогноза путей и средств успешного завершения модернизации, обеспечивающей эффективное развитие общества.

Дефиниция «транзитивное общество» тесно связано с рядом понятий «стратификация», «мобильность», «профессиональная мобильность», понятием «модернизация» [1].

Занятость в транзитивном обществе связана с неоднородной социальной структурой, традициями, нормами и механизмами социальной мобильности, ценностями. Национальная самодостаточность и самобытность государств приводит к определенной степени закрытости. В связи с этим следует сделать некоторые дополнительные замечания.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой в закрытых обществах процессы экономического и социального гомеостаза, т.е. воспроизводства социальных отношений и жизнедеятельности в целом, характеризуются нивелированием социального статуса, а материальная «одинаковость» населения порожд-

дает социальную удовлетворенность. В нашей стране такое положение воспринималось как самое лучшее в мире, и люди чувствовали гордость за это. После открытия «железного занавеса» процессы гомеостаза были нарушены. Примеры развитых стран демонстрировали значительно более высокий уровень жизни. Наша страна переживает опережение роста потребностей по сравнению с возможностями экономики. Это в свою очередь вызывает социальную напряженность и массовое недовольство страной, правительством, властью в целом. Ряд российских ученых считает, что возник эффект «потери будущего», когда люди стали опасаться за свою судьбу, за свое будущее. Потеря «культуры самодостаточности» вызвала психологическое напряжение, недовольство и социальный кризис. Перед странами встали проблемы модернизации и международной социализации.

Но процесс модернизации требует определенного времени. Этот период можно назвать транзитивным, т.е. периодом перехода, трансформации одного типа общества в другое. Сложность такого периода заключается в том, что общество имеет смешанную, неоднородную структуру ценностей и норм. Кросскультурный характер коллективного поведения и коллективных социальных продуктов (ритуалов, структур социальных институтов, фольклора, СМИ) констатирует потребности общества и гетерогенность ценностей и ценностных установок в обществе.

Сложность такого периода характеризуется кросскультурным характером, который выражается в социальном поведении и коллективном сознании населения. Это период, в котором потребности членов общества представляются как традиционной культурой, так и культурой модерна и постмодерна, который охватывает сферы административно – хозяйственного управления и расширения сфер бюрократического управления социально – трудовых отношений; аспектов социокультурной идентичности, характеризуется распространением маргинальности. Управлением качеством жизни населения в условиях транзита имеет свои особенности.

Классические подходы различных направлений науки находятся в поиске инвариантов, универсалий к объяснению причин транзитивности. Сюда относят безработицу, в целом нестабильность рынка труда и занятости, профессиональную неустойчивость. Общество сталкивается с проблемой рассогласования между потребностями экономики в квалифицированных кадрах и практикой регулирования государством потребностей в них. Результат данных рассогласований усиливает негативные социальные последствия. Особенности управления в социальной сфере складываются из существования трех основных дихотомий: рыночных цен против цен, устанавливаемых государством; рыночной дисциплины против государственного надзора; максимизации прибыли против потребностей производства.

Централизованное управление сочетается с механизмами, соответствующими рыночным требованиям.

В России особенности рынка труда характеризуются шестью признаками.

Управление представляет регулятивный механизм связей различной природы: экономических, социальных, физических, биологических, естественных и

искусственных. Синергетический метод, особенно в моделировании процессов управления с использованием обратной связи, соединением системной и синергетической методологий, позволяет провести анализ управления в системном и нелинейном аспектах и проследить его роль, значение и эффективность.

Взаимная обусловленность связей сторон труда перераспределение приоритетов резко меняет отношение к собственности и широкий спектр неэкономических переменных, формальные и неформальные институты, культуру и ценностные ориентации, без которых невозможно полноценное развитие. Процесс управления взаимодействием сторон в разноуровневых социальных порядках, к которому относится социально – трудовая сфера, характеризуется закономерными и стохастическими связями, присущими логике функционирования стабильного общества.

Нами перечислен далеко не весь спектр проблем, которые возникают в процессе управления рынком труда и регулированием безработицы, обозначены только самые острые.

Социально – экономическая сфера российского общества: имущественная дифференциация, глубокий раскол общества на приоритетное большинство бедных и абсолютное меньшинство богатых, снижение материальных доходов у большинства населения страны, включая квалифицированных работников, привели к деформации социально – профессиональных групп. Принудительное обуржуазивание и девальвация ценности труда сменили представление о престижных и непрестижных профессиях, что повлекло ослабление зависимости между трудом и доходом.

Транзит социального управления выявил рассогласование между острой потребностью общественной практики в эффективной системе управления занятостью и недостатком государственных механизмов регулирования занятости в обществе, обострение явлений безработицы.

Выводы можно проиллюстрировать социологическими данными о причинах попадания людей в сложную жизненную ситуацию. Выделяется 7 основных причин попадания людей в статус «социального дна»:

- потеря жилья - 25,1 % случаев;
- бывшие заключенные - 25,1 %;
- потеря работы - 15,5 %;
- семейные проблемы - 12,1 %;
- личный выбор - 7 %;
- психические расстройства - 7 %;
- процессы миграции (беженцы и вынужденные переселенцы) - 2,1 %;
- остальные причины - 6,1 %⁹.

На указанные 7 основных причин развития маргинальности приходится 93,9 % всех случаев попадания людей в условия «социального дна». Из практически 94% к причинам личного порядка, зависящим от воли субъекта, можно отнести те из них, когда человек становился маргиналом по семейным причинам или из – за личного выбора, что составляет примерно пятую часть от всех обстоятельств, послуживших причинами маргинальности.

Остальные же из перечисленных причин имеют социальный характер и появляются вследствие происходивших в обществе структурных изменений: изменений в законодательстве, экономике государства, а также деформации ценностных ориентиров.

Современные тенденции отношения к работе демонстрируют изменение факторов, влияющих на отношение к ней. Категории трудоустройства 90 - х годов ушли в прошлое; их заменили мотивы стабильности, профессионального развития, повышения социального статуса и др.

В зависимости от самооценки и мотивов работы формируются модели поведения субъектов рынка занятости. Их характер определяется устойчивой реакцией на явление занятости. Модели поведения зависят от силы влияния демографически значимых факторов, степени сформированности нормоценностных установок и степени устойчивости, ригидности.

Социальные изменения происходят в результате деятельности индивидов. Следовательно, теории структурных изменений должны показывать, как макропеременные воздействуют на мотивы и выбор индивидов и как этот выбор, в свою очередь, воздействует на макропеременные.

Эмпирическое подтверждение представленных постулатов найдем в многочисленных эмпирических исследованиях как российских, так и зарубежных авторов. Весь минувший год именно внешнеполитическая повестка дня определяла и умонастроения россиян, и их отношение к власти, отодвинув на второй план традиционные заботы, связанные с социальными и экономическими проблемами. Однако в первые месяцы 2015 г. восприятие россиянами ситуации в стране стало меняться прежде всего под влиянием экономического кризиса, последствий введенных против России санкций и встречных антизападных санкций, введенных Россией. И хотя явно не сбываются многочисленные прогнозы, согласно которым к весне 2015 г. страна подойдет в состоянии экономической разрухи и социальной депрессии, имеет место нарастание в обществе тревожных настроений.

Так, за последние шесть месяцев сократилась доля тех, кто оценивает ситуацию в стране как нормальную, спокойную (с 33 до 22%), и соответственно возросла доля тех, кто видит ее напряженной, кризисной (с 53 до 64%) (рис. 1). Однако как видно из приводимых данных, отмеченные сдвиги в психоэмоциональном состоянии населения произошли за счет основной массы граждан, испытывающих либо уравновешенное, либо тревожно-напряженное самочувствие, и практически не затронули группу людей, которые почти все общественные ситуации воспринимают через «катастрофическое сознание». Аналогичные процессы в колебаниях социально-психологического состояния общества наблюдались и в кризисные 2008 – 2009 годы.

Большими оптимистами в оценке ситуации в стране, как и следовало ожидать, является молодежь, а также материально обеспеченные слои общества. Например, среди респондентов, оценивающих свое материальное положение как хорошее, практически каждый третий оценивает и ситуацию в стране как благополучную.

Таблица 1

Оценка населением влияния финансово-экономического кризиса на положение их семей (Данные аналитической записки Института социологии РАН РФ, июнь, 2015, в %) (любое число ответов)

№п.п.	Вопросы по оценке населением влияния финансово – экономического кризиса на положение семей	
1.	Проиграли в финансовом отношении из-за того, что цены выросли очень значительно	70
2.	Из-за девальвации обесценились сбережения	13
3.	В связи с кризисом задерживают выплату зарплаты уже больше месяца	5
4.	В связи с кризисом потеряли работу	4
5.	В связи с кризисом оказались в неоплаченном отпуске или перед угрозой потери работы	3
6.	Испытывают затруднения из-за того, что не смогли получить свой банковский вклад	2
7.	Резко выросли выплаты по кредиту, взятому в валюте	2
8.	Не проиграли, так как получаете доходы в иностранной валюте (или ее рублевом эквиваленте)	1
9.	Даже выиграли от кризиса	1
10.	Не проиграли по другим причинам	10
11.	Сами лично не пострадали, но пострадали близкие, и это косвенно сказалось на Вас	17

В то время как среди малообеспеченных опрошенных – лишь каждый десятый. Интересно, что та немногочисленная группа россиян, которая негативно относится к В. Путину, одновременно и резко негативно оценивает текущую ситуацию в стране – 33% как катастрофическую и 50% как напряженную, кризисную.

Таблица 2

Оценки различными социальными группами населения ситуации в России, %

№ п.п.	Вопрос			
	Как Вы оцениваете нынешнюю ситуацию в России в целом?			
Социальные группы	Нормальная спокойная	Напряженная, кризисная	Катастрофическая	Затрудняюсь ответить
Среди всех опрошенных	22			
Возрастные группы				
18– 30 лет	28	58	7 7	-
31 – 40 лет	22	66	6	6
41 – 50 лет	21	64	10	5
51 – 60 лет	19	65	10	6
60 лет и старше	19	66	9	6
Оценка уровня материального обеспечения				
Хорошо	36	54	4	6
Удовлетворительно	23	64	6	7
Плохо	10	68	4	-
Отношение к деятельности В.Путина на посту Президента России				
Поддерживаю	28	62	4	6
Отчасти поддерживаю	14	70	10	6
Не поддерживаю	9	50	33	8

О том же говорят данные, которые фиксируют оценки динамики и вектора перемен. Для россиян очевидно, что страна начала меняться. Лишь 7% опрошенных считают, что в 2014 г. ничего принципиально нового в России не произошло.

Другой вопрос – вектор этих перемен: около четверти россиян (24%) полагают, что они привели к позитивным сдвигам в стране, в то время как существенно большее число опрошенных (69%) – скорее к негативным. Еще полгода назад, осенью минувшего года, соотношение этих показателей было иным: 45% оценивали изменения в стране со знаком «плюс» против 43%, оценивающих со знаком «минус».

Таким образом, общество ощущает ухудшение реальной социальной ситуации в стране, но не может оценить, насколько это всерьез и надолго, и каковы перспективы возвращения к привычным стандартам жизни. При этом катастрофические сценарии развития событий в стране россиянам представляются маловероятными. В том числе и потому, что главный источник угроз дестабилизации, по их мнению, лежит не внутри России, а за ее пределами.

За последние три года доля опрошенных, акцентирующих внимание на зарубежных угрозах, выросла с 42 до 79%. Соответственно, в массовом сознании падает значение внутренних угроз – с 58 до 21%. Тот факт, что основные проблемы и угрозы все сильнее перемещаются «вовне», в значительной степени «микширует» социальное напряжение, поскольку в возникающих проблемах население склонно обвинять не столько власти, олигархов, коррупционеров, сколько «мировые силы зла», намеренно причиняющие нашей стране экономические и политические трудности.

Применительно к исследованным институтом социологии РАН реалиям региональный рынок характеризуется следующими чертами.

В зависимости от самооценки и мотивов работы формируются модели поведения субъектов рынка занятости. Их характер определяется устойчивой реакцией на явление занятости. Модели поведения зависят от силы влияния демографически значимых факторов, степени сформированности нормоценностных установок, ригидности и изменение государственных механизмов регулирования занятости.

Так, в 2013 году государственные услуги в области содействия занятости населения Брянской области получили: содействие в поиске подходящей работы 43 тыс. чел. (численность населения 1264, 4 тыс. чел.), социальную адаптацию на рынке прошли труда 2105 безработных, профессиональную ориентацию – 28200 граждан, психологическая поддержка была оказана более 1200 чел., на оплачиваемых рабочих местах заняты 2,5 тыс. чел. из 33,7 тыс. из числа зарегистрированных в структурах занятости безработных граждан на 01.01.2014.

По итогам 2014 года в оплачиваемых общественных работах приняли участие 2171 чел. Перевыполнение контрольного показателя отмечается по г. Сельцо, Клетнянскому и Севскому, Жирятинскому районам отделу ГКЗ ЦЗН «Брянского района».

86% из них зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей, 6% - как юридические лица, 8% - как руководители крестьянского фермерского хозяйства. Дополнительное профессиональное образование получили 2148 безработных.

По данным Росстата, численность экономически активного населения в августе 2015 по Брянской области года составила 631,6 тыс. человек, или 51,2% от общей численности населения области (1232,9 тыс. чел.), в их числе 603,9 тыс. человек, или 95,6% экономически активного населения, были заняты в экономике и 27,7 тыс. человек (4,4%) не имели занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией Международной Организации Труда они классифицируются как безработные).

По сравнению с августом 2014 года численность занятого населения уменьшилась на 1,0% (в 2014 г. – 609,9 тыс. чел., в 2015 г. – 603,9 тыс. чел.), численность безработных уменьшилась на 3,7 тыс. человек (в 2014 г. – 31,4 тыс. чел., в 2015 г. – 27,7 тыс. чел.). (Экономически активное население: в августе 2014 г. – 641,4 тыс. чел., в августе 2015 г. – 631,6 тыс. чел.).

Уровень общей безработицы в августе 2015 года составил 4,4% от численности экономически активного населения, что ниже на 0,5 % пункта, чем в августе 2014 года (4,9%).

Уровень регистрируемой безработицы на конец третьего квартала 2015 года составил 1,3% от численности экономически активного населения и повысился на 0,3 п.п. по сравнению с 1 октября 2014 года (1,0%).

В течение 9 месяцев 2015 года зарегистрировано в органах службы занятости в качестве безработных 11157 граждан, что на 28,9% больше, чем в аналогичном периоде 2014 года (8655 чел.).

Необходимо отметить, что численность безработных граждан на 01.10.2015 г. по отношению к началу 2015 года увеличилась на 1226 чел., при этом за 9 месяцев 2015 года 1201 чел. были признаны безработными после высвобождения из организаций области по причине ликвидации либо сокращения численности или штата работников.

Всего за 9 месяцев 2015 года обратились в службу по труду и занятости населения после проведения организациями области мероприятий по высвобождению работников 2640 чел., или 41% от общего количества высвобожденных работников с начала 2015 года (6438 чел.), что на 71% больше, чем в аналогичном периоде 2014 года (1527 чел.). Предполагается к высвобождению по состоянию на 01.10.2015 г. 1483 чел., из которых большая часть граждан обратится за содействием в поиске работы в органы службы по труду и занятости населения.

По данным мониторинга, проводимого центрами занятости населения, на 01.10.2015 года находятся под риском увольнения 4262 работника организаций, в отношении которых введен режим неполного рабочего времени, что в 2,5 раза больше, чем в аналогичном периоде 2014 года (1640 чел.).

Система регулирования российского рынка труда и социально-трудовых отношений имеет свои особенности, которые определяют ее актуальность. По режиму и характеру работы заявленные вакансии на территории Брянской области распределяются следующим образом (рис.1,2).

Анализ вакансий по характеру работы



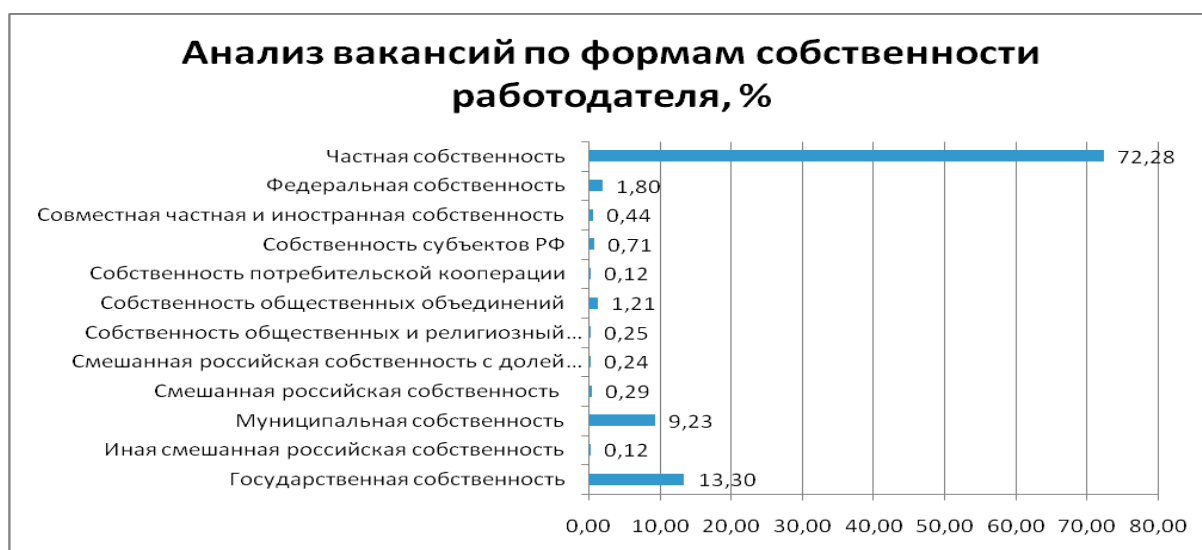
Рисунок 2

Анализ вакансий по режиму работы



Анализ вакансий по формам собственности работодателей показал, что подавляющее большинство вакансий было предоставлено работодателями с частной формой собственности (72,28%), работодатели с государственной формой собственности предоставили в ЦЗН 13,3% вакансий, с муниципальной – 9,23% (рис.3).

Анализ вакансий по формам собственности работодателя



Тенденция роста индекса сельскохозяйственного производства в области способствует повышению востребованности специалистов в сельском хозяйстве, в том числе при организации замкнутого цикла производства, включая переработку произведенной продукции, что приводит к необходимости подготовки высококвалифицированных специалистов из числа взрослого населения. Так, уже в 2015 году запланирована переподготовка 30 безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости, под целевые рабочие места на ООО «Дружба», входящего в состав Агрохолдинга «Охотно», реализующего инвестиционный проект.

С целью возможного трудоустройства высвобождаемых работников организаций в других регионах, включая содействие занятости работников организаций из числа инвалидов, родителей, воспитывающих несовершеннолетних детей, организовано взаимодействие управления государственной службы по труду и занятости населения области с органами в области содействия занятости населения других субъектов Российской Федерации в целях содействия в переезде и переселении трудовых ресурсов на территории, испытывающие дефицит в квалифицированной рабочей силе, в том числе в рамках программ повышения мобильности трудовых ресурсов.

В структуре вакансий на 01.09.2015 преобладали профессии рабочих - 74% (рис. 4).

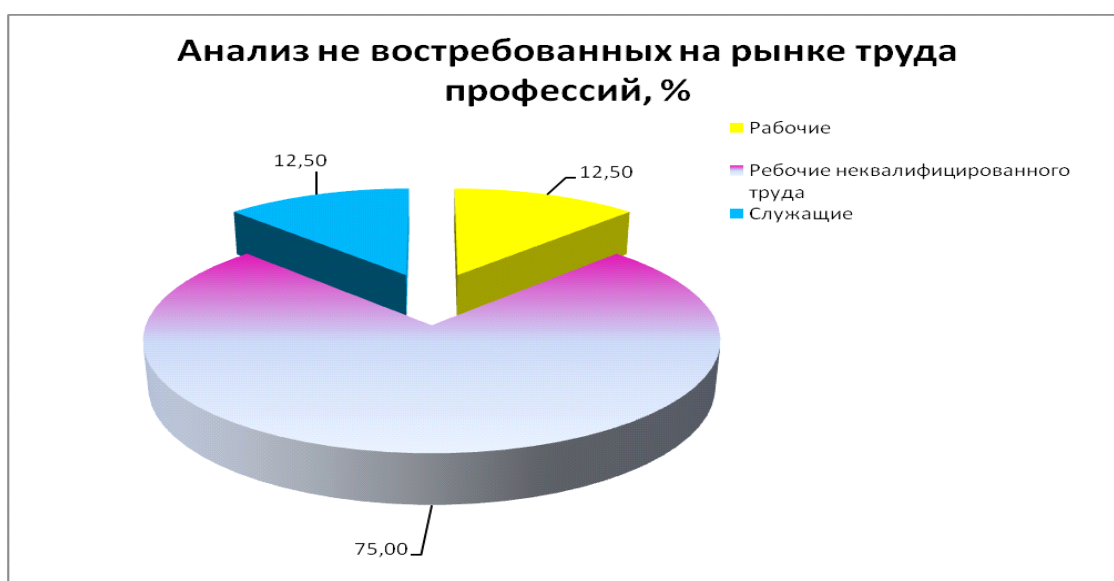
Структура вакансий



Проведен анализ наименее востребованных вакансий на рынке труда, т.е. выявлены вакансии, по которым в отчетном периоде длительное время не направлялись клиенты ввиду отсутствия зарегистрированных в целях поиска подходящей работы граждан с соответствующим образованием и/или опытом работы. Так, 37 вакантных рабочих места с потребностью в работниках из 112 человек не заняты более трех лет (рис. 5).

Рисунок 5

Анализ не востребованных на рынке труда профессий



Наиболее востребованные профессии на рынке труда, заявленные с начала года, представлены на рисунке 6.



Из числа наиболее востребованных вакансий 49,79% приходится на профессии неквалифицированного рабочего труда с заработной платой от 6269 рублей до 35737 рублей, 38,94% вакансий приходится на профессии рабочей категории с заработной платой от 6500 рублей до 37666 рублей и 11,27% вакансий приходится на вакансии по профессии служащих с заработной платой от 10131 рублей до 26149 рублей.

По направлению органов службы занятости за 01.09.2015 по причине трудоустройства была снята 1051 вакансия (14,8%).

Управлением государственной службы по труду и занятости населения Брянской области заключены Соглашения о сотрудничестве в области занятости населения с Министерством труда и социальной защиты Калужской области и Департаментом труда и занятости населения Новосибирской области, являющихся приоритетными территориями для привлечения трудовых ресурсов.

На текущий момент государственные учреждения службы занятости (центры занятости населения) области при подборе гражданам подходящей работы предлагают воспользоваться вакансиями на рынке труда Калужской области в количестве более 2000 единиц, а также вакансиями на рынке труда Новосибирской области в количестве 900 единиц.

С целью расширения межрегионального взаимодействия по трудоустройству предполагаемых к высвобождению работников управлением государственной службы по труду и занятости населения Брянской области заключены соглашения о сотрудничестве и взаимодействии со службами занятости Воронежской, Курской, Московской, Новгородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тверской и Тульской областей, Министерством труда и социального развития Республики Дагестан.

В соответствии с нормами Закона о занятости населения государственная политика в области содействия занятости направлена в том числе на предупреждение массовой и сокращение длительной (более одного года) безработицы; поощрение работодателей, сохраняющих действующие и создающих новые рабочие места прежде всего для граждан, испытывающих трудности в поиске работы, путем проведения мониторинга состояния и прогнозных оценок рынка

труда Брянской области с целью разработки и реализации региональных программ, предусматривающих мероприятия по содействию занятости населения, включая программы содействия занятости граждан, находящихся под риском увольнения, а также граждан, особо нуждающихся в социальной защите и испытывающих трудности в поиске работы.

Вместе с тем слабо регулирует поиск оптимальной глубины вмешательства государства в трудовые отношения. Наиболее распространенной технологией регулирования регионального рынка продолжает оставаться разработка программ занятости населения, организации общественных работ и оказание других государственных услуг. Современные тенденции отношения к работе демонстрирует изменения, которые выражаются в желании сохранить рабочее место, настрой на профессиональное развитие, повышения социального статуса и др.

Экономическая ситуация, принуждающая работников трудиться на нескольких рабочих местах, влияет на формирование новой идентичности, в которой разрушается традиционный уклад самоопределения в системе социальных связей. Человек вынужден адаптироваться не только к изменениям в экономической жизни, но и искать своё место в других сферах жизнедеятельности. Формируются новые направления идентификации населения с неопределённым статусом. Это говорит о том, что процесс маргинализации сознания достаточно интенсивен. Именно под влиянием этого процесса формируются существенные черты социальной жизни, стереотипные представления о том, что хорошо и что плохо. Самым ярким представлением о социальных преобразованиях является отношение к таким явлениям, как бедность и богатство.

Таким образом, группообразующие признаки регулирования труда в транзитивных преобразованиях – это социальные показатели конфликтности интересов, низкий уровень информированности населения региона о вакансиях, лишь четвертая часть безработных граждан обращаются к услугам центров занятости населения [6,7,8].

Особенности современного рынка труда связаны с плюрализмом собственности на средства производства, распределением власти и дохода. Показатели профессии, образования, адаптационные механизмы (социальные и психологические) для современного рынка труда мало значимы. Причем первые являются самыми значимыми, так как альтернативы этому блоку связаны с политикой властей, которая направлена на обогащение одних и разорение других.

С этим непосредственно связана невозможность получить хорошее образование, хорошую работу [9, 10, 11].

Литература

1. *Гостенина В.И.* Теоретические подходы и опыт эмпирических исследований определения целевой коммуникационной системы в транзитивных процессах общественного развития / Коллективная монография «Проблемы и реалии управленческого дискурса в целевых коммуникационных системах транзитивного общества», Брянск: «Издательство Курсив», 2013, с. 7-35.

2. *Гостенина В.И., Шилина С.А.* Коммуникативный код управления субъекта власти: формирование идиостиля. // Регионоведение, 2010, №2, с.25-34
3. *Информационно-аналитическое резюме* по итогам общенационального исследования. «Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем?» М., Институт социологии Российской Академии наук, 2015, апрель, с. 3-5.
4. *Информационный материал* о состоянии рынка труда и занятости населения Брянской области и организация социальной работы с безработными гражданами. Брянск: управление по труду и занятости населения, июль, 2015.
5. *Пояснительная записка* к бюджету Службы по труду и занятости населения Брянской области на 2016 год (общая)
6. *Гостенина В.И., Макаров А.А* и др. Транзитивное общество социологическое исследование процесса управления качеством жизни населения. // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2014год. Брянск: РИО БГУ, 2015, с.149-164.
7. *Гостенина В.И.* Социология управления. СПб: Питер, 2013, с. 122 – 135.
8. *Гостенина В.И.* Социокультурные факторы формирования статуса региона на примере Брянской области // Социологический альманах. Стратификационная модель современного общества. Орел: Издательство ОРАГС, 2012, вып. №4. – с. 7-12
9. *Турчинов А.И., Кононенко Т.А., Магомедов К.О.* Современная кадровая политика и управление персоналом в российских организациях: социологический анализ. М: МАКС- Пресс, 2013. – С. 43-51.
10. *Халиков М.С.* Социологическое моделирование состояние и развитие региональных рынков труда // Социс.- 2009. - №6. – С.26 – 39.
11. *Удальцова М.В.* Глобализация и транзитивность российского общества: парадоксы существования / Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Новосибирск: НГАЭиУ, 2010.

Глава 6. Социодинамика смыслов жизни личности в пространственно-временном континууме неоконсерватизма

Рогозянский М.Э.
кандидат педагогических наук, доцент
Орловский государственный институт культуры
Россия, г. Орел

Р 59

УДК 316. 354 +128

ББК 60. 84 + 87. 6

Второе десятилетие XXI века ознаменовало начало нового этапа в развитии всех сторон жизни России. Процессы реанимации сфер образования и культуры медленно, почти незаметно для большинства людей, наметившиеся в первые годы нового столетия, связанные с адаптацией системы к постперестроечным реалиям социокультурного пространства новой России, которые в отличие от предшествующего периода, именуемого «лихие девяностые», имеют вектор созидания, – сегодня уже невозможно игнорировать.

Однако отставание коллективного и индивидуального сознания, заключающееся в том, что большое количество граждан страны и даже целые общности, живущие решением насущных повседневных проблем, еще не соотнесли для себя новые реалии с собственными перспективами, пока тормозит набравшие определенную силу позитивные процессы. Это вступает в противоречие с теми задачами, которые стоят на новом этапе перед гражданами страны.

В послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 12 декабря 2013 г. утверждается роль России как защитника традиционных морально-нравственных ценностей: гражданственность и патриотизм, полноценная семья, выполняющая роль деторождения и воспитания духовно и интеллектуально ориентированной личности каждого ребенка, «традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей [...] подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира» [1].

Президент отмечает, что впервые за последние годы наметилась положительная динамика прироста коренного населения страны, а в некоторых регионах Сибири и Дальнего востока превалирование рождаемости над смертностью с реальным приростом населения. Вместе с тем для выполнения высокой миссии духовного протектората, для решения обозначенных задач требуется не просто определенное количество людей, а «качественные» исполнители, характеризующиеся высоким уровнем сознательности и самосознания.

Наблюдения же и опросы показывают [2], что торможение, детерминированное социальным пессимизмом, наблюдается даже в большей степени у людей среднего возраста, в основном от 35 до 45 лет (оценка действительности «плохо» доходит до 50%), и у большей части респондентов от 45 до 55 (суммарная с предыдущей возрастной группой оценка «более-менее удовлетвори-

тельно», что в достаточной степени показывает индифферентность респондентов, – доходит до 66,9%), чьи личностное становление и социализация, или же становление профессиональной и семейной сфер их жизнедеятельности, проходили в сложных условиях ломки СССР – в «искривляющемся» социокультурном пространстве перестроечной России и в реалиях «смутного времени» – последнего десятилетия ушедшего XX века.

Нельзя не обратить внимания на статистику социального самочувствия пожилых людей, так как 22% населения нашей страны – пожилые люди пенсионного возраста, их численность превышает численность детей и подростков. По прогнозам процесс старения населения Российской Федерации будет продолжаться, к 2020 году каждый пятый житель России будет старше 65 лет. В этой возрастной группе в последнее время несколько более, чем раньше, выражена тенденция социального оптимизма, что обусловлено большим спектром сравнительных характеристик.

Во-первых, это связано как со шкалой ценностей пожилых людей, где высший ранг занимают здоровье (80%), счастливый брак, дети, семья (51%), стабильность, спокойная старость (49%), на четвертом месте – материальное благополучие (43%), затем с большим отрывом от этой четверки идут следующие ценности: мир в стране (18%), хорошие друзья, соседи (17%), уважение окружающих (16%), чистая совесть (10%), интересный досуг (7%).

Во-вторых, с позитивными сдвигами в соцобеспечении этой категории населения в последние годы (кроме повысившихся пенсионных выплат 78% из общего числа опрошенных пользуются мерами социальной поддержки на основании какого-либо льготного статуса, то есть ежемесячно помимо пенсии получают социальные пособия в виде ЕДВ, ЕДВ на оплату ЖКУ). Таким образом, свое материальное положение показателем «хорошее» оценили 18% респондентов, «удовлетворительное» - 71%, «плохое» - 11%.

При этом картина оценок молодежью до 26 лет нынешней действительности несколько иная. Недавние выпускники ВУЗов наиболее одобряют в современной России и отмечают для себя ценности, связанные с таким понятием, как свобода, которые стоят на первом месте шкалы, на втором месте располагаются такие ценности, как культура и искусство. Практически каждый пятый опрошенный (21,5%) назвал их в качестве предметов гордости за свою страну, что вполне логично для высокообразованных людей. 87 % россиян в возрасте 17-26 лет, которые оценивают свое материальное положение как благополучное, жизнь в России в целом нравится и только 13 % не нравится.

К проблемам молодежь относит социальную незащищенность" (35,8%), что включает низкий уровень жизни определенных слоев населения и высокие цены (в том числе на товары первой необходимости). Пассивность и безысходность ощущают 12,7% респондентов.

Результаты крупномасштабного социологического исследования «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты», проведенного Институтом социологии РАН, позволяют разбить молодежь на ряд групп согласно их жизненным притязаниям [2]:

- «семейные» (13%) — молодые люди, которые говорят в первую очередь о том, что хотят и им по силам создать прочную семью и воспитать хороших детей;

- «труженики» (17 %) — та часть молодежи, которая заявляет о том, что им по силам получить хорошее образование, престижную и интересную работу, заниматься любимым делом;

- «предприимчивые» (20 %) — россияне в возрасте от 17 до 26 лет, которые утверждают, что они в силах добиться создания собственного бизнеса, посещения разных стран мира, достижения богатства и материального достатка;

- «гедонисты» (10 %) — молодые россияне, которые в первую очередь рассчитывают иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие;

- «максималисты» (19 %) — молодые люди, которые рассчитывают достичь успехов практически во всех сферах. Данная группа не является более молодой, чем другие, и ее стремления нельзя назвать юношеским максимализмом. Возрастное распределение внутри нее соответствует распределению среди молодежи в целом;

- «карьеристы» (6 %) — молодежь, которая полагает, что ей по силам достичь результатов во многих сферах жизни, но не стремится жить в свое удовольствие или быть самому себе хозяином. По сути они в чем-то схожи с «предприимчивыми». Но если для последних бизнес — больше работа и возможность обеспечить себе безбедное существование, то для первых это еще и возможность реализации честолюбивых планов — стать известными, обладать властью и т.д.;

- «отчаявшиеся» (5 %) — молодежь, которая не видит в себе сил достичь тех или иных успехов;

- «тщеславные» (1 %) — молодые люди, которые рассчитывают стать знаменитыми, сделать карьеру и иметь доступ к власти.

Эти цифры говорят о положительных изменениях в структуре ценностных ориентаций молодежи двухтысячных по отношению к их предшественникам. По данным опроса, проведенного социологами МГУ в 1998 г. [7], в иерархии качеств, которым отдается предпочтение, позиция "быть образованным, духовно-богатым человеком" занимала в сознании 17-летних 10-е место (из 15), а у 24-летних - 12-е.

Примечательно, что сходные признаки гражданской индифферентности у советской молодежи отмечались социологами накануне распада СССР. Так, данные социологического опроса С. Катаева, проведенного в 1989 г. среди студенчества, позволили исследователю сделать осторожный, но с долей оптимизма вывод: "Лишенная четких ориентиров, вызывающих доверие, мобилизующих на деятельность, молодежь временно приберегает свою активность до лучших времен". "Лучшие времена", кажется, настали, но молодежь по-прежнему "приберегает" свою активность. Каждый четвертый полагает такое

проявление бесполезным, 27% объясняют свою пассивность недоверием к политикам, а 40,2% - "наличием более важных проблем"[7].

Исходя из вышеизложенных фактов, можно констатировать, что нынешняя молодежь как наиболее приспособленная к текучести и изменчивости реальности современного мира, к его более сложной и многовариантной структуре часть населения, выступает сегодня важнейшим ресурсом позитивных перемен в стране. Хотя при этом в большой степени связывает свои предпочтения к родной стране в выборе места реализации своего жизненного потенциала с материальными факторами.

Безусловно, у молодежи удовлетворенность жизнью не сводится исключительно к материальным благам: по данным социологов из Санкт-Петербургского государственного университета 78 % опрошенных молодых людей выбрали семью в качестве важнейшей ценности, 36 % отметили значимость ценности «самореализация» и 34 % — «гармонии с собой и людьми», что говорит о направленности современной молодежи на базовые, духовные, нематериальные ценности. Однако корреляция между уровнем жизни и плохим отношением к жизни в собственной стране наблюдается у 60 %, и только 40 % молодых людей говорят об обратном.

Степень научной разработанности проблемы изучения молодежи как наиболее активной, устремленной в историко-культурную перспективу и составляющей основной объект воздействия конструируемого пространства смыслов жизни личности в учреждениях культуры и образования группы, нашла отражение в следующих подходах:

- структурно-функциональный подход к исследованию молодежи (В. Райх, Г. Маркузе), в рамках которого молодежная группа рассматривается как система структурных позиций, заполняемых индивидами, вследствие чего приобретаются социальный статус и соответствующие социальные роли;
- культурологический подход, представители которого (П. Бергер, Т. Лукман и др.) стремятся осмыслить мир молодежи в соответствии с конкретными представлениями, целями, поведенческими мотивами реально действующих индивидов, отражающимися в определенных типах культуры;
- исследование молодежи в рамках теории общественного воспроизводства (В. И. Чупров), которая акцентирует внимание на функционировании и развитии молодежи как субъекта общественного производства и общественной жизни с ее основными социальными функциями — воспроизводственной, инновационной, трансляционной;
- рискологический подход (Ю. А. Зубок), который приобретает актуальность в условиях, когда риск становится всеобщим основанием современности;
- концепция повседневности (Е. Омельченко, Е. Лукьянова и др.), изучающая разнообразные социальные практики молодежи (труда, досуга, потребления, формирующиеся вне взрослого контроля) как следствия различных значений и смыслов, значимых индивидуальных и групповых стратегий;
- социально-воспроизводственный подход, в соответствии с которым социальная сущность молодежи определяется становлением ее субъектности в

общественном воспроизводстве и выявляются ее основные социальные функции: воспроизводственная, инновационная, трансляционная.

Разрабатываемая же нами концепция педагогической регуляции деятельности учреждений культуры и образования как процесса конструирования пространства смыслов жизни личности базируется на конструировании социальной и культурной реальности, основанной на принципах взаимосвязи объектно-субъектных характеристик различных возрастных групп, в том числе молодежи, и окружающей социальной реальности, определяющих групповую специфику, а также сам процесс конструирования по К. Г. Юнгу и св. Августину «архетипами», согласно К. В. Титову, «эгрегорами» этих групп.

Теоретическим фундаментом педагогической регуляции деятельности учреждений культуры и образования как процесса конструирования пространства смыслов жизни личности являются положения, выработанные в различных областях гуманитарных наук. Философское осмысление смысложизненных начал содержится в трудах древнегреческих мыслителей Гераклита, Эмпедокла, Анаксагора, Демокрита, Платона, Аристотеля и раскрывается через соотношения формы и содержания. В средневековой философии семантика эйдоса актуализируется как архетипической основы вещей: *archetipium*, как прообраз вещей в мышлении Божьем (в ортодоксальной схоластике); *haecceitas*, «это-вость» вещи как предшествующая «самости» и актуализирующаяся в свободном креационном волеизъявлении Божьем¹ (); концепция *species* (образ, лат. эквивалент эйдоса) в позднем скотизме; презумпция *visiones* (мысленных образов) у Николая Кузанского и др.

В позднеклассической и неклассической философии понятие эйдоса обретает «второе дыхание» и раскрывается через формы разворачивания содержания Абсолютной идеи до объективации ее в инобытии природы у Гегеля; учение о «мире разумных идей» у Шопенгауэра. В феноменологии Гуссерля термин «эйдос», отчасти в латинском переводе *species*, означает наивысшую мыслительную абстракцию, которая тем не менее дана конкретно, наглядно и вполне самостоятельно, то есть равняется сущности.

Проблемы развития личности в онтогенезе изучались такими отечественными учеными, как Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, М. И. Лисина, С. Л. Рубинштейн, Д. И. Фельдштейн и др. Становление самосознания рассматривается как многокомпонентный процесс, связанный с проблемами социальной перцепции (А. А. Бодалев и др.), особенностями формирования самооценок и их взаимосвязи с оценками социокультурного окружения (Л. И. Божович и др.), с историко-культурными аспектами развития личности (И. С. Кон и др.), ее профессиональным развитием (Е. А. Климов).

Учеными выделены функциональные взаимосвязанные компоненты самосознания, внешние и внутренние условия его становления: самоактуализация, самопознание, саморегуляция, самопонимание. Изучению психологических условий формирования и развития потребности к саморазвитию посвящен ряд работ К. Изарда, А. Маслоу, В. Франкла, Э. Фромма и др.

¹ Иоанн Дунс Скот

Детальная разработка вопросов самосознания личности, обретения ею идентичности, выработки так называемой Я-концепции (системы установок относительно собственной личности) дана в трудах зарубежных ученых (К. Роджерс, Э. Эриксон, Р. Бернс, У. Джеймс и др.).

Педагогическое влияние социально-культурного пространства-времени на деятельность учреждений культуры и образования и условия его позитивного влияния на процесс формирования самосознания учащейся молодежи рассматривается в работе А. В. Калянова, постулаты которой зиждутся на работах современных теоретиков психолого-педагогической науки, где социально-культурное пространство-время интерпретируется как важнейший фактор формирования личности в процессе обучения в средних и высших профессиональных учебных заведениях (М. А. Ариарский, А. Д. Жарков, Л. С. Жаркова и др.); как необходимое условие организации учебного процесса, обеспечивающего взаимодействие, продуктивную коммуникацию, сотрудничество учителя и учащегося (А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов и др.); как основа индивидуализации образования (О. С. Газмана, Т. М. Ковалева, Д. Хагривз и др.).

Исследователи показывают, что в построении педагогических моделей индивидуализации необходимо предусматривать соотношение социального и индивидуального начал в структуре личности, что обуславливает взаимодействие персонализации, отражающей потребности государства, общества и личности на данном историческом этапе в формировании социально значимых субъектных качеств личности, позволяющих эффективно выполнять социальные и профессиональные роли, и персонификации, основанной на потребности личности в обретении позитивной «Я-концепции», что позволяет свободно проявлять свои индивидуальные качества, поступать в соответствии с собственными интересами, взглядами, мировоззрением.

Ученые отмечают необходимость целостного формирования личности в социально-культурном пространстве-времени. Так, С. П. Иванов делает вывод о том, что «...психологическое и личностное развитие субъекта деятельности в социокультурном пространстве как целостный и многоплановый процесс закономерен и естественно включает в свою структуру духовное развитие».

Идеи развития личности, ее «ценностных ориентаций», содержатся в трудах русских философов, ученых и педагогов Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. В. Зеньковского, И. А. Ильина, А. Ф. Лосева, Н. О. Лосского, В. С. Соловьева, Г. П. Федотова; современных ученых, посвященных проблеме общественного взаимодействия на основе восприятия и усвоения духовных ценностей, Б. Г. Ананьева, Б. М. Сапунова, В. С. Хелемендика, Т. Шибутани и др.

Активно разрабатывают социально-культурное направление в педагогике, опираясь на отечественные ценности, патриотические традиции, такие ученые, как М. А. Ариарский, А. А. Аронов, В. Н. Гагин, А. Д. Жарков, Л. С. Жаркова, Л. С. Зорилова, А. С. Каргин, А. А. Конович, Ю. Д. Красильников, И. Н. Романцов, В. Я. Суртаев, В. В. Туев, Н. Н. Ярошенко и др.

Идеи авторской концепции также опираются на идеи философской системы И. Канта о смысле бытия, который возникает в среде общественных от-

ношений на теорию социального пространства П. Бурдьё, концепцию информационного общества (М. Кастельс, Э. Тоффлер), на положения теории педагогического потенциала социально-культурной деятельности (И.В. Бестужев-Лада, А.Д. Жарков, Ю.У. Фохт-Бабушкин и др.), на философское осмысление парадигмального подхода к развитию личности в условиях социально-культурной деятельности (А. А. Жаркова).

Важнейшей детерминантой процессов, происходящих сегодня в сфере образования и культуры, является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации", вступивший в силу 1 сентября 2013 г. Новые реалии нормативно-правовой базы деятельности учреждений культуры и образования также говорят о необходимости переосмысления концептуальных оснований педагогической регуляции конструктивных элементов системы.

Дальнейшая детализация законодательной базы образования связана не только с компетентностным подходом, с ориентацией на узкопрофессиональные установки будущих специалистов. По словам Президента РФ, «...нам нужны школы, которые не просто учат, что чрезвычайно важно, [...] но и школы, которые воспитывают личность. Граждан страны, впитавших её ценности, историю и традиции. Людей с широким кругозором, обладающих высокой внутренней культурой, способных творчески и самостоятельно мыслить».

Такой подход можно назвать неоконсерватистским, в том смысле, что на государственном уровне запущен процесс разворота к традиционным ценностям. На этом пути также имеется противоречие, заключающееся в разности и даже прямой противоположности ценностям «общества потребления», выросшим в Западном мире и совершающим активную экспансию на Восток во второй половине XX в начале XXI веков.

Главный постулат неоконсерватизма озвучил В. В. Путин в своем Послании Федеральному собранию 12 декабря 2013 г.: «Сегодня во многих странах пересматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции и различия наций и культур. От общества теперь требуют не только здравого признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и обязательного признания равноценности, как это ни покажется странным, добра и зла, противоположных по смыслу понятий.

Подобное разрушение традиционных ценностей "сверху" не только ведёт за собой негативные последствия для обществ, но и в корне антидемократично, поскольку проводится в жизнь, исходя из абстрактных, отвлечённых идей, вопреки воле народного большинства, которое не принимает происходящей перемены и предлагаемой ревизии. И мы знаем, что в мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей [...] Конечно, это консервативная позиция. Но, говоря словами Николая Бердяева, смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперёд и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию» [1].

В результате проведенного анализа нами выявлено существенное рассогласование между общественным запросом и отсутствием системного психоло-

го-педагогической разработки теоретико-методологических основ этого процесса, а также их дальнейшей апробации в практике. В связи с этим исследование было направлено на определение позитивно стимулирующих факторов и педагогических условий реализации современных эффективных моделей педагогической регуляции деятельности учреждений культуры и образования как процесса конструирования пространства смыслов жизни личности.

Литература

1. Послание президента Федеральному собранию 12 декабря 2013 года [электронный ресурс] / Издание «Рулента». – М., 2013. – Режим доступа: <http://ru-lenta.com/politika/poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniiu-12-dekabria-2013-goda-0000128072.html> <http://ru-lenta.com/politika/poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniiu-12-dekabria-2013-goda-0000128072.html>
2. Беспалова, Ю. М., Герцен, С. Ценностные ориентации молодежи современной России (межпоколенческий подход) / Ю. М. Беспалова, С. М. Герцен // Вестник Тюменского гос. Ун-та., 2009. – № 4. – С. 117-126.
3. Добрина Е. К. Педагогическая регуляция патриотического воспитания молодежи в учреждениях культуры на основе личностноориентированного подхода // Вестник МГУКИ. – 2011. - №5. – С.100-103.
4. Жаркова, А. А. Развитие личности в условиях социально-культурной деятельности на основе парадигмального подхода: теоретические аспекты : монография / А. А. Жаркова. – М., МГУКИ, 2011. – 177с.
5. Калянов, А. В. Теоретико-методологические основы влияния социально-культурного пространства-времени на деятельность учреждений культуры и образования в формировании самосознания у учащейся молодежи / А. В. Калянов.. – М: МГУКИ, 2011. – 200 с.
6. Леонтьев, Д. А. Динамика смысловых процессов / Д. А. Леонтьев // Психологический журнал, 1997. – № 6., т.18. – С. 13-25.
7. Лисовский, В.Т. Динамика социальных изменений: Опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи / В.Т. Лисовский // Социологические исследования, 1998. – № 5. – С. 98-104.

Глава 7. Мифотворчество как тренд современной культуры

Пантюхина Т.Л.
кандидат исторических наук, доцент
Курганский государственный университет
Россия, г. Курган

П 16

УДК 008

ББК 71. 0

Для прошедшего XX столетия характерен большой интерес к мифу как явлению культуры в связи с ростом его влияния на общественное сознание.

Этимология дефиниции «культура» заставляет обратиться к толкованию данного социального феномена в широком смысле как составной части эволюции общества. Понятие культуры является объектом исследования многих научных дисциплин и направлений деятельности. Научно – теоретические подходы к определению культуры имеет свои особенности. Интерес к дефиниции обозначен ее прикладным значением. Широта определения и использования понятия приводят к тому, что оно не вполне строго, но чаще всего используется в различных и даже пересекающихся контекстах.

Семантический ряд лексемы «культура» - возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание - ограничим рамкой анализа определений, характеризующих явление в его собирательном, методологическом значении как эволюции общества. Распространим его как на самого человека «действующего» (Турен: 1998), так и на мир, символически, по определению антропологов, обозначающий небологические аспекты человеческого общества. Культура - это то, чему можно «научиться». Язык, обычаи, традиции и социально – лингвистические условия проявления личности в социуме, т. е. культура, обозначает всю конвенциональную обусловленность связей, отношений и поведения людей. Культура в таком контексте определяется в качестве механизма социальной и статусно – ранговой стратификации со свойственной фрагментацией образа жизни.

В научном дискурсе культура предстает механизмом с цементирующим (Аберкромби: 2004) эффектом, который закрепляет структуру и ценностные ориентации членов общества. Такое отличие культуры представлено Т. Парсонсом (Парсонс: 1997, 2002). С одной стороны, культура обозначает противоположность структуре, с другой - именно культура обеспечивает интеграцию общества и целеполагание социальной системы.

В немецкой социальной мысли культура – сосредоточение всего самого лучшего в человеческом мире, противоположность природному состоянию. Средоточие совершенства и духовных ценностей. В данном ракурсе культура характеризуется в качестве отличного от цивилизации материального развития, которое влечет массовость и в которой заложен потенциальный подрыв индивидуальной духовности. В данном определении заложено понимание культу-

ры как социального капитала, как тождественной противоположности миру повседневности (Пригожин: 2003,2006, Тощенко: 2006, Шарков: 2002, Щербина: 1996, 2008), как праксеологии, имеющей художественный характер (Бурдье:1993, Ж.П.Бодрийяр)

Понимание культуры в реальной повседневности представлено (Щютц: 2003; Бергер, Лукман: 2006; Кравченко: 2002, 2006) вкусами, интересами человека в области моды, телевидения, рекламы (А. Горц:1990, Юдина: 2002). Краткий экскурс в историю культурологию и научно – теоретические подходы к определению культуры невозможно представить без анализа явления марксистами и неомарксистами. Для них культура – это сфера убеждений, идей, социальных практик, формат которых определяет экономическая доминанта. В данном предметном поле анализа обращают на себя внимание культурные депривации, т. е. неспособность детей их низших слоев к достижению того же уровня успехов в образовании, что достигают дети из среднего сословия. Это неспособность семьи и ближайшего социального окружения обеспечить детей мотивацией социальной ценности знания и надлежащей лингвистической основой для достижения успеха в образовании. Явление в условиях культуры новой России неисследованное и представленное в научной литературе фрагментарно.

Наконец праксеология (П. Бурдье) чаще всего оперирует понятием организационная или корпоративная культура, обозначая общепринятые образцы поведения и общие, корпоративные ценности, убеждения и допущения, символы, принятые в рамках социальных групп. В работах Э. Шейна (Schein: 1990,2002;), Г. Трайса (Trice: 1984), Дж. Бейера (Beyer: 1984), Э. Берна (Beyrn: 2001) управление корпоративной культурой трактуется как феноменологическая, логически мыслимая система, в которой руководство компанией выступает лицами, селективирующими ее. Описание корпоративной культуры в терминах мыслительных или символических выражают ее логикой смыслов, ритуалов, мифов, позволяющих конструировать социальную, поведенческую ситуацию как внутри компании, так и во внешнем окружении и среде стейкхолдеров (Романов: 2004).

Организационная культура чаще всего рассматривается как продукт опыта социальных групп и наличие благоприятных, найденных группами решений двух групп проблем: внутренней интеграции и адаптации к среде стейкхолдеров.

Концептуальный аппарат методологии символического интеракционизма Дж. Г. Мида, Г. Блумера в контексте этнометодологии использует дефиницию «культура» для описания социокультурной сущности взаимодействия в корпорации моделей поведения отдельных микрогрупп компании, цель которого - формирование корпоративной идентичности не только в организации, но и в условиях повседневности [1, 14].

Ричард Шмук (R. Schmuck) и Мэтью Майлз (M. Miles) определили процесс формирования корпоративной культуры как запланированное и непрерывное изменение организации на основе применения знаний поведенческой науки для улучшения функционирования корпорации. Ньютон Маргулис (N. Margulies) и Энтони Райа (A. Raia) предложили свое понимание феномена, ко-

торый в определенной степени преодолевает все недостатки предыдущих авторов. Ученые соединили понимание корпоративной и организационной культуры, охарактеризовав явление как ценностно – ориентированный процесс самооценки и запланированных изменений, включающий в себя применение специальных стратегий, технологий управления.

Можно сказать, что эпоха мифотворчества как нераздельная часть культуры не ограничивается периодом становления человечества. Век XX стал веком нового мировоззрения и сознания. Границы мира как бы сжались, мир стал единым, с общей судьбой и общим будущим, которое остается неясным. Кажется, что все бывшее в истории переместилось в настоящее и существует в виде неразрешимых проблем, которые есть и будут. Последовательность в истории превращается в одновременность, и люди разных времен оказываются современниками перед лицом одних и тех же проблем. Это совмещение диахронического и синхронического аспектов в мышлении современного человека является характерным свойством именно мифологического мышления.

Миф возникает в результате мифотворчества, главной особенностью которого является конструирование различных форм конкретно-чувственной образности. Образ – это сложно сконструированный феномен, но именно он дает человеку некий ориентир, образец для подражания. Образы мифологии есть олицетворение заложенных в мифе идей, а идея – это основное содержание мифа

Мифотворчество в XX в. становится весьма распространенным явлением, и в этом есть своя закономерность. Мифологическое мышление как специфическая особенность духовной культуры этого века нуждалось все в новых и новых мифах. В XX в. наблюдалось сознательное обращение к мифологии таких писателей, как Г.Гессе, Ф.Кафка, Т.Манн, У.Фолкнер и многих других. Мифотворчество как конструирование образов оказывалось реалистическим искусством, поскольку искусственное и сконструировало сам мир людей XX в.

В некотором смысле миф вечен, так как мифологические первообразы и переживания укоренены в бессознательных основах человеческой души. К.Юнг пришел к выводу, что миф лежит в самой основе человеческой души, в том числе и души современного человека. Именно миф дает человеку чувство единения с первоосновами жизни, приводит душу к согласию с бессознательными архетипами. Отсюда и универсальность роли мифа, а «мифы религиозного происхождения можно интерпретировать как вид ментальной терапии для обеспокоенного и страдающего человечества в целом – голод, войны, болезнь, старость, смерть» [2, 73]. Современный человек, с точки зрения Юнга, находится во власти архетипов не меньше, чем первобытный человек. Всю историю культуры Юнг рассматривал как трансформацию мифов, возведение их на более высокие ступени. Тем самым признавалось, что мифологическому мышлению присущи свойства, сближающие его с научным: обобщение, анализ, классификация. К.Леви-Стросс полагал, что миф связан с прошлыми событиями, которые образуют постоянную структуру, одновременную для прошлого, настоящего и будущего. Миф содержит в себе строгую структуру, и он есть логически и диалектически необходимая категория сознания и бытия.

Мифологизация общественного сознания усиливается в связи с появлением массового сознания и массовой культуры. С помощью масс-медиа происходит мифологизация личности. Управляемость общественными процессами, которая зачастую носит анонимный характер, создает почву для всевозможных мифов: политических, идеологических, социальных. Широкое распространение получают идеологические мифы. Так, например, немецкий нацизм возрождал и использовал древнегерманские мифы и создавал новые. В результате человечество стало свидетелем того, как по идущим из глубины веков архаическим моделям в современной политике и идеологии воссоздаются старые мифы в новых социальных и национальных оболочках. XX в. показал, к каким последствиям может привести их реализация на практике.

Идеологический миф основан на традиционных архетипах и подражает древним моделям объяснения реальности. Он подчинен вполне определенным целям, его конечной задачей является направление человека к необходимым социальным реакциям путем формирования у него нужного для создателей мифов представления. Соответственно господствующей сферой функционирования идеологических мифов является политика. Под воздействием идеологических мифов историю любой нации можно мифологизировать настолько, что объективный ее анализ будет почти невозможен из-за идеологизированности информационных источников.

Идеология активно использует социальные мифы, обращаясь к эмоциям, верованиям, страстям, надеждам массы. Социальный мир является одной из форм современного мифотворчества как продуктивного механизма культуры. Социальная мифология конструирует образ альтернативной социальной реальности, который может полностью заслонять собой действительное положение вещей, создавая привлекательный образ социального строя. Со стороны общественного сознания социальный миф может выступать как мечта о лучшем будущем. А со стороны власти социальный миф выступает как способ социального управления и контроля, как своеобразное «идеологическое давление», когда власть через идеологию формулирует общие исторические цели и ощущение общности исторической судьбы [3]. Социальные мифы, используемые идеологией, выступают как форма нормативного и информативного управления личностью. При этом личность, стремясь к социальному одобрению своих действий, вынуждена корректировать свое поведение в соответствии с нормативной системой общества.

Идеологические и социальные мифы не обладают длительной устойчивостью, что связано с динамичностью современного общественного сознания и социальных изменений: войн, смен политического курса, изменений в сфере идеологии, науки и т.д. Одни мифы утрачивают свою функциональную значимость, исчезают из широкого культурного употребления или вытесняются на периферию культуры и общественного сознания. На смену им конструируются новые. Современные мифы активно используют символические образы и структуры. Они тесно связаны с ценностной системой общества и создаются для поддержания социальной солидарности и упрочения стабильности общества. Личность в ходе социализации усваивает принятые в обществе мифологиче-

ские системы и создает новые. На основе этого формируется сознание людей, вырабатывается отношение к обществу и самому себе [4, 54-55].

Идеологические мифы ярко проявили себя в тоталитарных режимах, сыграв немалую роль в их становлении и укреплении. В условиях тоталитаризма политическая мифология должна быть простой и понятной, обращаться не к уму людей, а к их чувствам. Поэтому в идеологии большое значение имеет символика, авторитеты и ритуальные действия. Этим мифам присуща высокая эмоциональная насыщенность, они вызывают у людей амбивалентное чувство любви, страха, обожания и ужаса. Для того чтобы объединить людей, возникает мифологическое противопоставление «свои – чужие», актуализируется образ государства-крепости, окруженной многочисленными врагами. Народ должен не просто покориться власти, а откровенно поверить в необходимость и правильность такого порядка вещей, при котором необходимо терпеть, например, бедность и жертвовать собственной жизнью.

Политическая культура – часть общей культуры, включающая исторический опыт, память о социальных и политических событиях, политические ценности, ориентации и навыки, непосредственно влияющие на политическое поведение и политическое сознание. Для того чтобы сформировалась определенная политическая культура, необходимо взаимодействие множества факторов, которые ее формируют: личные взгляды и убеждения, политические симпатии и антипатии, но и зачастую подсознательные стереотипы и привычки, вырабатываемые под влиянием окружающей социальной среды и передаваемые из поколения в поколение. На формирование политической культуры, безусловно, оказывает влияние и политическое сознание как отдельных личностей, непосредственно политических деятелей, так и формируемое сознание отдельного гражданина страны.

Политическое сознание человека начало формироваться еще в эпоху античности как ответ на реальную социальную потребность в осмыслении таких новых явлений, как государство и государственная власть, роль индивида в политической и социальной жизни страны, полиса. Невозможно было говорить о гражданине как представителе античного общества без рассмотрения его политического сознания, формируемого им и обществом в целом мировоззрения.

Под политическим сознанием будем иметь в виду многообразные проявления человеческой духовности, отражающие деятельность механизмов политической власти и направляющие поведение людей в сфере политических отношений. Те или иные компоненты сознания приобретают политическое значение, когда от хода дел в регулируемой ими сфере социальных отношений в решающей степени зависит реализация социальных, национальных интересов, целей, стоящих над государством.

Политическое сознание отражает все те идеалы, нормы и иные воззрения человека, на которые он ориентируется и которые использует для адаптации к механизмам власти и выполнения в политике присущих ему функций. Политическое сознание многомерно, и важнейшие наиболее значимые компоненты его структуры определяются теми функциями, которые оно выполняет в политике. Среди них выделяются следующие: 1) объективное отражение политической

реальности, которое осуществляется с помощью таких структурных компонентов политического сознания, как политическая наука и политическая теория; 2) ориентация деятельности субъекта в мире политики через выражение его интересов в концептуальной форме, средством реализации этой функции служит идеология; 3) эмоциональное реагирование в разнообразных проявлениях политической психологии, ведь именно психологические импульсы побуждают людей к действию. Политическое сознание, будучи проявлением непосредственных интересов практической деятельности людей, в наиболее выпуклой и яркой форме отражает социально-экономическую основу жизни общества, которая в других формах общественного сознания имеет более опосредованное выражение. В этой близости к непосредственным экономическим интересам состоит специфика политического сознания.

Политическое сознание общества не может быть однородным, так как оно охватывает область отношений всех классов, социальных групп к государству и правительству, область взаимоотношений между всеми социальными силами. Политическая оценка действительности зависит от того конкретного положения, которое занимает носитель этой оценки (индивид, социальная группа, социальный слой) в данном общественном устройстве. В обществе происходит постоянное столкновение политических интересов в борьбе за государственную власть.

Устройство государственной власти – центральная проблема политического мышления. Политическая борьба за определение, устройство задач и содержания деятельности государства исторически облекалось в самые разнообразные формы, начиная от гласного обсуждения социальных проблем, от парламентских дискуссий и экономических требований, ведущих к частным реформам, и кончая насильственными государственными переворотами, социальными революциями. К примеру, формирование Еврзоны при помощи референдума, противоположная ситуация так называемых «цветных революций».

Политика, политическая борьба властно вторгаются во все сферы бытия, пронизывают все формы сознания. Это не особая, замкнутая область деятельности политиков-профессионалов. По существу, жизнь любого общества пропитана политическими интересами, политической борьбой. Политика концентрирует в себе напряжение социальных противоречий. Она стержень всех объединений и размежеваний, содружества и столкновений.

Неотъемлемой частью нашей современной жизни является мифотворчество политическое, которое формирует поведение и уклад жизни современного человека вне зависимости от его непосредственного участия в политической деятельности. Человек вторгается в природу, пытается понять и изучить ее. А затем он хочет подчинить ее себе, считая, что он все знает и все может, но люди не могут познать весь мир в силу ограниченности своих знаний, способностей, наконец, возможностей. Однако человек живет в плену мифа о бескрайних возможностях человека. Яркой иллюстрацией этого может служить отчасти созданный и политиками, и учеными миф о комфортности и неуязвимости европейской культуры, уровня жизни и развитости технической оснащенности.

Европоцентризм, который и сейчас характеризует сознание не только европейских народов, но и русских людей, по-прежнему определяет отношение между народами и отдельными людьми. Это еще один пример мифа, который имеет влияние на протяжении многих лет. Но недавние события ставят под вопрос и миф о превосходстве человеческой техники над природой, и о том комфорте и мобильности, которые могут так легко разрушиться. Ситуация с извержением вулкана в Исландии наглядно показала всю призрачность мифов о могуществе человеческой техники, ввергнув практически всю Европу в транспортный коллапс. В процессе овладения техническими знаниями происходит идеализация возможностей техники, формируется миф о неограниченных возможностях технического прогресса. Человек по-прежнему остается во власти мифов, хотя признать ему это довольно сложно.

В политической мифологии как явлению можно выделить два совершенно самостоятельных направления. С одной стороны, изучение связи современных политических мифологий с сюжетами классических, традиционных мифов (эта связь особенно заметна при изучении современных идеологий). Примерами таких мифов могут служить мифы о происхождении мира, о героях и богах, национальные мифы, религиозные. С другой стороны, это вполне осознанное мифотворчество, впервые откровенно провозглашенное как необходимость во второй половине XIX века (Ницше, Шопенгауэр), а в наше время скрывающееся за такими политическими процессами, как формирование общественного мнения, избирательные технологии, являющиеся по сути технологиями манипулирования общественным сознанием. Таким образом, мы становимся свидетелями совершенно нового явления, когда коллективное человеческое сознание оказывается в плену у мифов, созданных конкретными живыми людьми, нашими современниками, а не неведомыми богами или далекими предками, как это было в классической (традиционной) мифологии.

Формируясь непосредственно под воздействие экономических и социальных условий политической жизни, массовое сознание в полной мере отражает ее противоречивость и динамизм, однако в его рамках не происходит необходимый для выработки целенаправленного политического действия процесс теоретического освоения этого многообразия. Реальная противоречивость факторов политического бытия здесь преодолевается, как правило, наиболее доступным способом – за счет абсолютизации значения того или иного элемента политической реальности. Массовое сознание может как стимулировать политическую деятельность многих людей, привлекая внимание и социальную энергию к решению какой-то реальной проблемы, так и существенно затруднять, деформировать ее, если эта проблема на самом деле не столь важна и актуальна. В этом случае конечно можно прибегнуть к своеобразным методам воздействия на сознание человека, иными словами, процесс воздействия на конкретного гражданина или целый народ называется политическим манипулированием.

Политическое манипулирование – это скрытое управление политическим сознанием и поведением людей с целью принудить их действовать или бездействовать в интересах манипуляторов, навязывание воли манипулятора манипу-

лируемому в форме скрытого воздействия. Обычно понятию манипуляции придается негативный оттенок.

Чтобы связать все компоненты мифа воедино, направить их могущественную силу на создание правильного образа и получить максимальную эффективность от архетипа, требуется огромная работа и «привязка» мифологемы к определенному уровню «нужд и потребностей» общества. Как правило, миф становится наиболее прочным элементом массового сознания именно в моменты славы и власти «героя», то есть того образа, который создан заранее и нацелен на утверждение положительного восприятия. Многие исследователи считают, что предназначение политического деятеля состоит в том, чтобы такого рода элементы создавать, на то должна быть нацелена его магия – личная харизма (природный дар) и политический ритуал (профессиональная технология пиарщика). Недостающая харизма, по его мнению, должна быть замещена убедительными для массы ритуальными действиями. Результатом становится актуализация национальной мифологии, прояснение национальной идеологии, которая в лице политического героя обретает понятное для народа воплощение.

Политическая мифология не отражает реальность и не стремится ее объяснить; она призвана управлять коллективным сознанием и поведением человеческих масс. Политическая мифология должна оперировать не отвлечёнными представлениями, а доходчивыми, визуально представленными образами («враг», «товарищ» и др.). Вообще она апеллирует не столько к разуму человека, сколько к его чувствам и эмоциям, к его личному психологическому опыту (неслучайно так значимы в политической мифологии образы отца, матери, брата, сына). Она малопроницаема для опыта и критики извне.

Политическая мифология становится важнейшим средством консолидации общества и противопоставления «своих» и «чужих». Она дает человеку силы преодолевать житейские трудности и надежду на то, что все его лишения окупит счастливое будущее всего человечества. В этом отношении политический миф глубоко дегуманизирован; он внушает человеку мысль о том, что его индивидуальная жизнь ничтожна по сравнению с теми задачами, которые стоят перед партией и государством, по крайней мере, именно так обстояло дело в тоталитарных режимах. Наиболее благоприятны для политической мифологии эпохи тоталитарного правления. Тоталитарный режим превращает свою идеологию в своеобразную мифологию, поскольку приписывает ей абсолютную истинность, считая любые другие взгляды в лучшем случае ложными, а в худшем – враждебными. Такое отношение распространяется и на науку, которая призвана подтвердить на конкретном материале справедливость данной идеологии и ложный характер любого другого взгляда на вещи.

Стоит говорить не только о влиянии подобной мифологии на политическую жизнь народа, конкретного государства, но и о влиянии такого рода политики на культуру в целом. Обычно в такие моменты развития истории и культуры народа наблюдаются некие спады развития, возможно торможение или временная деградация, поскольку все направляется на создание некоего образа, мифа, столь желанного идеологами, что приходится многим жертвовать в угоду политическим интересам. Закономерно формируется образ своего государства

как осажденной крепости, со всех сторон окруженной врагами. При этом и внутренние проблемы объясняются происками внешнего врага, а несогласные объявляются шпионами иноземных держав. Своему же государству придается мессианское значение. Считается, что это не просто одно из существующих государств, а самое лучшее и передовое; оно представляет собой образец для других государств и народов; это воплотившаяся мечта всего человечества. Тут прослеживается параллель с вечной темой, которую можно найти и в библейских текстах, и в утопиях, написанных в XVI веке, например, произведения Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы, до сих пор привлекающих умы людей.

Ю.Лотман выделял цивилизации тернарного типа, в которых система стремилась приспособить идеал к реальности, и цивилизации бинарного типа, пытающиеся осуществить на практике неосуществимый идеал [5, 142]. Идеалы получали свое научное, религиозное, художественное обоснование. Мифы через деятельность носителей мифологического сознания – героев – всегда выстраивали ту основу, на которой это обоснование прочно стояло, будь то петровская идея «догнать и перегнать Европу» (в период между Нарвской битвой и Ништадским миром) или более памятные «пяtilетки в четыре года» [5, 148]. Одни мифы утрачивали свою функциональную значимость, исчезали из широкого культурного употребления, а на смену им конструировались новые, идеологические мифы, ярко проявившие себя в период тоталитарного режима.

В условиях тоталитаризма политическая мифология должна была быть простой и понятной и обращаться к чувствам людей. Этой мифологии была присуща высокая эмоциональная насыщенность, символичность, вызывающая у людей амбивалентное чувство любви, страха, обожания и ужаса. Для того чтобы объединить людей, возникало мифологическое противопоставление «свои – чужие», актуализировался образ государства-крепости, окруженной многочисленными врагами. Народ должен был не просто покориться власти, а откровенно поверить в необходимость такого порядка вещей, при котором надо было терпеть бедность или жертвовать собственной жизнью. В сознание людей «внедрялся» образ доброго по природе социалистического государства, которое по-отечески заботилось о нуждах народа, партии-рулевым, видевшей дальше, чем все остальное общество. По этой причине в советской культуре сформировалось превратное представление, согласно которому не народ содержал государство, а государство и партия своими заботами сохраняло жизнь народа. Мифологическая модель «свой – чужой» была направлена на воспитание чувства подозрительности, недоверия, нелюбви к тем, кто не вписывался в эту модель. В Советском Союзе, например, знание внешнеполитических проблем оценивалось как признак высшей культуры.

Если в обществе и со стороны социума, и со стороны личности есть потребность в мифе, то он будет жить и тогда, когда уйдут в прошлое и страна советов, и советский человек, носитель мифологической культуры. Как отмечает Л.Воеводина, «анализ мифотворчества определяет необходимость рассмотрения мифа как продукта интерактивной деятельности людей, которая регулирует многие общественные процессы, но в то же время создано обществом. Современные мифы – это динамические символические системы, которые выступают

как часть идеационной сферы общества, они подкрепляют собой смысловой универсум общества и индивидуальный смысл человеческого существования» [6, 52].

Современная культура продолжает интенсивно продуцировать мифы, призванные связать и канонизировать общественную энергию, удовлетворить запросы общества массового потребления, например, простимулировать потребление продуктов, как это делает реклама, создать с помощью телевидения привлекательный образ политического деятеля или эстрадной звезды, занять внимание зрителя очередным боевиком или «мыльной оперой» [7].

В сегодняшней культуре реализация мифов прямо связана с новейшими технологиями манипуляции массовым сознанием. Главной целью такого манипулирования является сознание нужного «манипуляторам» поведения личности и социальных групп. При этом у них сохраняется иллюзия свободы выбора. Осуществляется это через массированное информационное влияние посредством методов подсознательного стимулирования, когда отношение аудитории к тем или другим явлениям действительности формируется в результате использования стандартных упрощенных представлений. Они вовлекаются в поток новостей, автоматически вызывая в массовом сознании необходимую реакцию на конкретное событие.

Итак, подводя некоторый итог сказанному и опираясь на идеи К.Леви-Стросса и А.Лосева, можно утверждать, что миф есть реальность, а не вымысел. Утверждение «миф как реальность и реальность как миф» вполне подходит к современной цивилизации. Может возникнуть вопрос: а существует ли объективный критерий для различия мифа и реальности? Человек не может жить без вымыслов и иллюзий, всего того, что составляет его особенность как человека. Что остается, если из человеческой психики изъять миф? Гете говорил, что все в этом мире есть символ. Если продолжить эту мысль, то можно утверждать, что все в этом мире есть миф. Но ведь существует в мифе и что-то реальное. И это реальное связано с развитием личностного сознания или самосознания.

Нужна ли человечеству научная систематизация заведомых фантазий? Религия, мифы, легенды, сказки, фантазии, искусство, литература являются частью нашей жизни и достойны изучения. Реальные факты, которые мы узнаем с помощью других наук или по каналам массовой информации, настолько подавляют нашу психику, что она нуждается в компенсации. Раньше функцию утешения исполняли религия и фольклор, в последующие эпохи функция компенсатора перешла к гуманитарным наукам и искусству.

Одновременно миф, фантазия являются в современной культуре заместителями истины бытия. Миф и человеческая фантазия, по мнению А.Я.Флиера, являются такой же органичной частью нашего мира, как реальность. Мифы - это своеобразный щит нашей психики. Именно из фантазий, мечтаний, иллюзий в основном состоит человеческое знание о мире. Теоретик культуры и писатель фантаст С.Лем писал: «...с незапамятных времен люди блуждают от одного безумия к другому, выдумывая себе те или иные сказочные предания, тотемы, божества, откровения, и по каким-то глубоко скрытым причинам не мо-

гут попасть в «самую точку», где, наконец, получили бы удовлетворение» [8, 10-12].

Литература

1. *Гостенина В.И.* Культура: научно – теоретические подходы к определению дефиниции в социологии. // Социологический альманах. Социологическая культура в современной России. Выпуск3 , Орел, 2011
2. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. – М., 1991.
3. *Воеводина Л.Н.* Социальный миф как способ конструирования реальности // Вестник МГУКиИ. – 2006. - № 1, январь-март; *Мазурицкий А.М.* Идеология национал-социализма: современный взгляд // Вестник МГУКиИ. – 2003. - № 2, апрель-июнь.
4. *Воеводина Л.Н.* Миф в контексте интерактивных процессов // Вестник МГУКиИ. – 2003. - № 2.
5. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2001.
6. *Воеводина Л.Н.* Мифология как часть символического универсума // Вестник МГУКиИ. – 2014. - № 5. – С.51-56.
7. *Воеводина Л.Н.* Мифология и культура. – М., 2002.
8. *Флиер А.Я.* Наука, изучающая неправду // Вестник МГУКиИ. – 2008. - № 3, май-июнь.

Глава 8. Зависимость от мобильного телефона в зеркале социологической экспертизы

Разгонова А.В.
кандидат исторических наук, доцент
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского
Россия, г. Брянск

Р 17

УДК 316. 6

ББК 88. 5

В последнее время развитие мобильной связи приобрело глобальный масштаб. Телефон перестал быть показателем статуса, став незаменимым спутником человека. Статистика утверждает, что сотовый телефон есть у 9 из 10 жителей развитых стран. Кроме того, современный телефон оснащен рядом дополнительных функций: фото-, видеокамера, игры, записная книжка, планировщик, будильник, текстовые редакторы, МРЗ- плеер, радио, телевидение и т.д.

Имея мобильный телефон, человек, с одной стороны, обладает надежным средством коммуникации, позволяющим всегда быть на связи, а с другой – приобретает зависимость от набора микросхем.

Чем опасно чрезмерное увлечение мобильной связью? Что такое мобильная зависимость? Мобильная зависимость – это психическое состояние, при котором телефон становится предметом культа: практически не осознавая свои действия, человек совершает звонок ради самого звонка¹.

Ученые не могут определить физическое воздействие «мобильника» на здоровье человека, но зависимость от него очевидна. Особенно настораживает наличие таковой у детей и подростков: в школе и дома они слушают музыку, играют, общаются, смотрят фото, видео- ролики, многие из которых не прошли цензуру.

Исследователи называют десять признаков страдающего телефонной зависимостью человека. Они могут проявляться по отдельности или вместе².

1. Для зависимого говорить по мобильному проще, чем без него. Телефонноманы, общаясь с коллегами по работе или с друзьями в неформальной обстановке, не могут связать двух слов. Однако, набрав номер, говорят и не могут остановиться. Такие люди часами висят на телефоне, общаясь с соседом, живущим двумя этажами ниже, терроризируют своих родных частыми звонками по каждому пустяку.

¹ Что такое зависимость от мобильных телефонов // <http://healthystyle.info/psychology/item/2688-что-такое-zavisimost-ot-mobilnykh-telefonov> (дата обращения 10.08.2015).

² Калинина И. Зависимость от мобильного телефона // <http://calinina.ru/forum/zavisimost-mobilnogo-telefona-t481.htm> (дата обращения 12.08.2015)

2. Телефономаны тратят каждую свободную минуту на SMS-сообщение. Такие люди постоянно строчат кому-то письма, даже если позвонить и дешевле, и проще. В последнее время хирурги США сталкиваются с нестандартным вывихом большого пальца. Этим заболеванием страдают любители отправлять SMS или блуждать по Интернету при помощи мобильного телефона.

3. Зависимые живут в постоянном ожидании звонка. Чувство тревоги заставляет их повсюду брать телефон с собой: в душ, в постель, в туалет. Если долго нет звонков или SMS, такой человек начинает нервничать, периодически подходит к телефону и с надеждой всматривается в темный экран: вдруг я просто не услышал?

4. Отсутствие мобильного телефона у такого человека вызывает дискомфорт. Он чувствует себя ущемленным, оторванным от мира, лишенным всех радостей жизни. Возможны даже приступы агрессии.

5. Телефономаны стремятся закачать в телефон все самое новенькое. У них, как правило, почти всегда включен Bluetooth или Интернет. Они проводят часы в поисках картинок, заставок и рингтонов.

6. Зависимые тратят большие деньги на услуги связи. Даже самый экономичный тариф не сможет уменьшить их расходы: деньгам всегда найдется применение – звонок, SMS, картинка, мелодия, игра или видео.

7. Телефономаны меняют телефоны как перчатки. Главное для них – «навороченность» их мобильного друга. Зачастую они не используют и половины возможностей телефона. Не успев как следует изучить один мобильник, они уже думают о новом. Причем следующий телефон дороже и сложнее предыдущего. Такое поведение психологи называют гаджет-аддикцией.

8. Люди, находящиеся в зависимости от мобильного телефона, постоянно держат его в руках, демонстрируя коллегам и друзьям фото, видео, игры и мелодии. Даже если телефон нужно убрать, рука телефонмана не поднимется положить его в сумку. Трубка будет висеть на шее или лежать в кармане.

9. Страдающие телефонноманией не желают отдавать свой мобильник в чужие руки. Посмотреть на него можно только из их рук. В противном случае можно стать свидетелем неадекватного поведения и необоснованной агрессии. Чаще всего телефоны у таких людей превращены в произведения искусства при помощи страз, наклеек и т.д., имеют несколько разноцветных панелек, множество чехлов и шнурочков, на них болтаются всякие фенечки.

10. Зависимому мало просторов одной сети, и он расширяет свои владения, приобретая SIM-карты других операторов. Причем покупка новых карт не продиктована никакой выгодой. Целью зависимого является лишь обладание ими. Бывает, что для каждой SIM-карты покупается новый телефон¹.

Писатели-фантасты всегда видели угрозу для человека в больших машинах – кровожадных роботах, злобных компьютерах. А в это время маленькие мобильные телефоны ласково завлекали нас в плен нежными, как у сирен, рингто-

¹ Телефонная зависимость (телефономания) // <http://ladiesmagazine.ru/otnosheniya/shkola-obshcheniya/369-telefonnaya-zavisimost> (дата обращения 15.08.2015).

нами. Потихоньку они залезли в карманы, незаметно затянули петлю шнура на шею, и к началу XXI века человек превратился в раба трубки.

У учёных появились термины – «мобильная зависимость», «SMS-мания». За границей ставят такие диагнозы и лечат в клиниках. Ученые утверждают, что психологическая зависимость от мобильного телефона сильнее, чем от сигарет. От нее сложнее избавиться, чем от компьютерной: мобильник всегда с собой.

Телефонные мании можно классифицировать следующим образом.

1. Мобильная зависимость – телефон всегда с собой, хозяин считает его частью себя, без него чувствует себя неполноценным.

2. SMS-зависимость – зависимый строчит сотни сообщений в день, даже если позвонить проще.

3. Гаджет-аддикция – стремление покупать самые модные технические новинки. Они признак социального статуса и источник радости. Ради новых игрушек человек готов отказаться от жизненно важных вещей.

4. Зависимость от возможностей телефона – знакомство, игры, фото, видео, Интернет и т.д.¹

Причин для возникновения мобильной зависимости может быть великое множество. Это может быть самая обыкновенная неуверенность в себе, желание выделиться или преподнести себя. Но самое страшное - зависимость осознает только один из ста, а добровольно пытаться бороться с ней не хочет никто, ведь в одиночку это практически нереально. Без мобильного мы не можем выйти даже на пять минут за хлебом: а вдруг я пропущу важный звонок?! Да и кто сможет указать человеку на его проблемы, ведь окружают его такие же зависимые.

Выбор темы исследования

Проблема мобильной зависимости становится все более актуальной в молодежной среде. Телефон стал не просто средством связи, а превратился в своеобразного идола, в жертву которому приносится время, которое могло бы быть потрачено на самообразование. Чтобы узнать, как проявляется мобильная зависимость, и выяснить, какой процент молодежи ей подвержен, мы проводим это социологическое исследование.

Социальная проблема

Преподаватели обеспокоены проблемой отвлечения внимания студентов на мобильный телефон во время занятий.

Цель исследования

Изучить отношение к мобильной зависимости в студенческой среде.

Объект исследования

Студенты БГУ

Тип выборки

¹ Что такое зависимость от мобильных телефонов // <http://healthystyle.info/psychology/item/2688-что-такое-zavisimost-ot-mobilnykh-telefonov> (дата обращения 10.08.2015); Номофобия, или патологическая зависимость от мобильного телефона – как лечить болезнь 21 века? // <http://www.colady.ru/nomofobiya-ili-patologicheskaya-zavisimost-ot-mobilnogo-telefona-kak-lechit-bolezn-21-veka.html> (дата обращения 15.08.2015).

Целевая

Метод исследования

Анкетирование

2. Исследование отношения студентов к мобильной зависимости

В качестве испытуемых выступали студенты 3 курса в возрасте 20 лет мужского и женского пола (среди опрошенных 35,6% юношей и 64,4% девушек) общей численностью 200 человек, обучающихся на юридическом, естественно-географическом, физико-математическом и финансово-экономическом факультетах Брянского госуниверситета.

Таблица №1

Распределение респондентов по полу

Пол	Часть выборки в %
Мужской	35,6
Женский	64,4

Исследование выявило, что в данный момент (на занятии) мобильный телефон отсутствует только у 3-х человек (у девочек 1,5%).

Было обнаружено одинаковое стремление к частой смене телефонов как у юношей, так и у девушек: первый и единственный телефон - у 0,9% опрошенных; второй по счету - у 7,9%; третий и четвертый – у 46,5% респондентов; пятый и шестой – у 33,6%; седьмой – у 14,8% опрошенных.

Таблица №2

Какой телефон по счету

Социально-демографические группы	Первый	Второй	Третий-четвертый	Пятый-шестой	Седьмой
Все опрошенные	0,9%	7,9%	46,5%	33,6%	14,8%
Мужчины	2,7%	8,3%	63,8%	22,2%	16,6%
Женщины	1,5%	7,7%	36,9%	40%	13,8%

Анализ показал преобладание третьего и четвертого телефона у опрашиваемых (46,5%), причем значительное преобладание таковых у юношей (63,8%) и только 36,9% у девушек. Следовательно, юноши чаще меняют мобильные телефоны, нежели девушки.

Выявлена некая зависимость между приверженностью к смене телефонов и тратой на оплату услуг мобильной связи. Лишь малое число опрошенных – юношей (4,1%), у девушек (1,5%) тратят в месяц на услуги связи менее 100 рублей. Приблизительно равное число студентов – 41,6% юноши и 44,6% девушек тратят в месяц 300-500 рублей «на телефон». Различия, причем существенные, наблюдаются в тратах в пределах 100-200 рублей. Из таковых 40% девушки и 22,2% юноши. Суммой в 600-1000 рублей обходятся 25% юношей и лишь 9,2% девушек. В значительных тратах более 1000 рублей юноши вообще

не злоупотребляют, девушки – 4,6%. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что многие могут забывать о всех своих тратах на телефон.

Таблица №3

Затраты студента на услуги мобильной связи

Социально-демографические группы	Менее 100 р.	100-200 р.	300-500 р.	600-1000 р.	Более 1000 р.
Все опрошенные	4,9%	33,6%	33,6%	14,8%	2,9%
Мужчины	4,1%	22,2%	41,6%	25%	-
Женщины	1,5%	40%	44,6%	9,2%	4,6%

Обнаружилось, что студенты предпочитают использовать телефон более для разговоров, нежели для отправления текстовых сообщений (SMS). Из опрошенных значительное большинство – 83,4% юношей и 78,6% девушек – отправляют в день менее 10 SMS. Пишут от 10 до 20 SMS в день – 5,5% юношей и 16,9% девушек. Более 30-50 SMS – 5,6% юношей и только 1,5% девушек. Отправляют в день от 60 до 100 SMS 1,5% девушек, у юношей полное отсутствие ответов. Более 100 SMS отправляют 5,5% юношей, у девушек удивительное постоянство – 1,5%.

Таблица №4

Количество отправляемых опрашиваемыми за 1 день SMS

Социально-демографические группы	Менее 10	10-20	30-50	60-100	Более 100
Все опрошенные	79,2%	12,8%	3,9%	0,9%	2,9%
Мужчины	83,4%	5,5%	5,6%	-	5,5%
Женщины	78,6%	16,9%	1,5%	1,5%	1,5%

Никогда не забывают взять с собой телефон 83,3% молодых людей и 89,2% опрошенных девушек – подавляющее большинство. Забывают 16,7% юношей и 10,8% девушек.

Таблица №5

Постоянное наличие телефона у респондентов

Социально-демографические группы	Да	Нет
Все опрошенные	87,1%	12,9%
Мужчины	83,3%	16,7%
Женщины	89,2%	10,8%

Анализ самоидентификации мобильной зависимости показал, что не могут обходиться без телефона 27,8% юношей, при этом не относят себя к людям, которые не могут жить без мобильного телефона 72,2% из них. У девушек наоборот: зависимыми себя признают 61,5%, а не относят себя к таковым – 38,5%.

Таблица №6

Самооценка мобильной зависимости

Социально-демографические группы	Не могут жить без мобильного телефона	Не относят себя к людям, которые не могут жить без мобильного телефона
Все опрошенные	49,5%	50,5%
Мужчины	27,8%	72,2%
Женщины	61,5%	38,5%

То же подтверждается ответами, полученными на вопрос: «Как вы поступите, если забыли свой телефон дома?». 19,4% юношей и 12,3% девушек предпочитают вернуться домой за телефоном. Не будут возвращаться, но будут испытывать дискомфорт 15% мужчин и подавляющее большинство женщин (76,9%). Свободно обойдутся без телефона 38,9% и только 10,9 % девушек.

Таблица №7

Как поступают, если забыли свой телефон дома

Социально-демографические группы	Вернулись домой за телефоном	Возвращаться не будут, но весь день будут чувствовать дискомфорт	Обойдусь без телефона
Все опрошенные	14,8%	64,3%	20,8%
Мужчины	19,4%	15%	38,9%
Женщины	12,3%	76,9%	10,8%

Выявлена подавляющая мобильная зависимость у девушек.

Еще одним проявлением зависимости служит психологическая реакция, когда кто-либо берет в руки ваш телефон. Исследование показало, что девушки испытывают раздражение в два раза чаще (36,9%), нежели молодые люди (19,4%). Не испытывают такого чувства подавляющее большинство юношей (80,6%) и значительное число девушек (63,1%).

Таблица №8

Наличие чувства раздражения, если кто-то берет в руки ваш телефон

Социально-демографические группы	Да	Нет
Все опрошенные	30,7%	69,3%
Мужчины	19,4%	80,6%

Женщины	36,9%	63,1%
---------	-------	-------

Самая раздражающая современного преподавателя проблема – проблема использования студентами мобильного телефона во время занятий. Опрос показал, что всегда отключают телефон во время занятий незначительное число респондентов – 2,7% юношей и 4,6% девушек. Никогда не отключают (боясь пропустить важный звонок) значительное число студентов – мужчины (80,5%), женщины (72,3%). Отключают телефон время от времени – 16,7% молодых людей и 23,1% девушек.

Таблица №9

Респонденты, отключающие телефон во время занятий

Социально-демографические группы	Не отключают	Отключают время от времени	Всегда отключают
Все опрошенные	75,3%	20,1%	3,9%
Мужчины	80,5%	16,7%	2,7%
Женщины	72,3%	23,1%	4,6%

Телефоны последнего поколения выполняют массу удивительных функций. Исследование выявило, что опрошенные студенты чаще используют его, чтобы выйти в Интернет, – 97,2% юношей и 90,8% девушек. Не менее часто респонденты посылают и отправляют SMS: 94,4% мужчин и 98,5% женщин. На третьем месте по привлекательности располагается игровая функция телефона: юноши играют чаще (86,1%), девушки на 5% реже (81,5%). Как обнаружилось, телефон нередко используют как доступную шпаргалку на экзамене или зачете, при выполнении контрольных или тестовых заданий: молодые люди 75%, девушки 63,1%. Слушают музыку с помощью телефона в равной мере все опрошенные: мужчины 63,8%, девушки 64,6%. Другое использование телефона, не совсем по назначению: как часы, зеркало, общение в ICQ, смотреть и передавать фото и видео: юноши (54,3%), девушки (44,6%).

Таблица №10

Что делают студенты с телефоном во время занятий

Социально-демографические группы	Заходят в Интернет	Посылают и принимают SMS	Играют	Пользуются мобильными шпаргалками	Слушают музыку	Другое: используют как часы, зеркало, общаются в ICQ, смотрят и передают фото и видео
Все опрошенные	83,1%	97,1%	83,1%	67,3%	64,5%	37,6%
Мужчины	97,2%	94,4%	86,1%	75%	63,8%	54,3%
Женщины	90,8%	98,5%	81,5%	63,1%	64,6%	44,6%

Еще одним подтверждением психологической зависимости студентов являются ответы на вопрос о причине использования мобильного телефона во время занятия. Он помогает провести время и не устать во время лекции большей части девушек (52,3%), другая половина респонденток (47,7%) полагает, что мобильник лишь отвлекает от учебы. У юношей треть опрошенных (33,3%) пользуется телефоном во время занятий, подавляющее большинство (66,7%) уверено, что телефон мешает усваивать учебный материал.

Таблица №11

Использование мобильного телефона во время занятий мешает учебе или помогает проводить время

Социально-демографические группы	Помогает провести время, отдохнуть, не устать во время лекции	Мешает, отвлекает от учебы
Все опрошенные	45,5%	54,5%
Мужчины	33,3%	66,7%
Женщины	52,3%	47,7%

Результаты исследования показывают, что респонденты замечают у себя следующие признаки мобильной зависимости:

- постоянно обращаются к «трубке» половина опрошенных девушек (50,4%) и менее четверти опрошенных юношей (19,4%);
- склонны к частой смене телефонов 11,1% молодых людей и только 3,1% девушек;
- говорят по телефону много и часто 36,9% женщин и 16,7% мужчин;
- посылают много SMS и даже без особой нужды – 11,1% юношей и 12,3% девушек;
- постоянно говорят о «трубках» и преимуществах того или иного вида связи – 2,7% мужчин и 0% опрошенных женщин;
- немаловажно, что не обнаружили у себя ни одного из перечисленных признаков – 75% опрошенных юношей и 29,2% опрошенных девушек.

Таблица № 12

Замечают у себя следующие признаки мобильной зависимости (сумма превышает 100%, т.к. возможны были несколько вариантов ответов)

Социально-демографические группы	Постоянное обращение к «трубке»	Тяга к частой смене телефонов	Говорят по телефону много и часто	Посылают много SMS без особой необходимости	Постоянно говорят о «трубках» и связи	Не обнаружили у себя ни один из перечисленных признаков
Все опрошенные	39,6%	5,9%	29,7%	11,8%	0,9%	45,5%
Мужчины	19,4%	11,1%	16,7%	11,1%	2,7%	75%
Женщины	50,8%	3,1%	36,9%	12,3%	0%	29,2%

Выводы

Анализ ответов респондентов на вопросы анкеты выявил ряд проблем.

1. О наличии мобильной зависимости у студентов говорят следующие результаты исследования:

- 98,5% опрошенных имели при себе на момент анкетирования мобильный телефон;
- 87,1% опрошенных всегда берут телефон с собой;
- 49,5% опрошенных отнесли себя к людям, которые не могут жить без мобильного телефона;
- 64,3% будут испытывать дискомфорт, если оставили телефон дома;
- 75,3% опрошенных не отключают телефон во время занятий;
- 45,5% полагают, что телефон помогает отдохнуть во время занятий.

2. Обнаружилось стремление студентов к частой смене телефонов. У половины опрошенных (46,5%) в наличии третий или четвертый телефон. Причем юноши чаще (63,8%) меняют телефоны, нежели девушки (36,9%). Первый и единственный телефон только у 0,9% опрошенных. Впрочем, седьмой телефон тоже у незначительного числа респондентов. (14,8%).

Тесная взаимосвязь выявлена между стремлением к смене телефонов и тратой на оплату услуг мобильной связи. В среднем за месяц студенты тратят 300-500 рублей. Лишь малое число опрошенных (у юношей 4,1%, у девушек – 1,5%) тратят в месяц на услуги связи менее 100 рублей. Однако юноши не платят более 1000 рублей в месяц, а девушки (4,6%) делают это. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что респонденты могут забывать обо всех оплатах услуг мобильной связи.

3. Студенты предпочитают пользоваться телефоном для разговоров, нежели для отправления текстовых сообщений (SMS). Большинство респондентов (83,4% юношей и 78,6% девушек) отправляют в день менее 10 SMS. Более 100 SMS отправляет лишь незначительное число опрошенных (5,5% мужчин и 1,5% девушек).

4. Молодые люди, за исключением 27,8% опрошенных, не признают себя зависимыми от мобильного телефона. Девушки в большинстве своем (61,5%) указывают на свою зависимость. Если студенты забывают телефон дома, то подавляющее число девушек (76,9%) будут испытывать дискомфорт в течение всего дня :налицо мобильная зависимость.

5. В большинстве своем опрошенные не отключают телефон даже во время занятий (боясь пропустить важный звонок). Студенты чаще всего используют телефон, чтобы выйти в Интернет, отсылают и получают SMS, не менее редко юноши и девушки играют. В большинстве случаев студенты слушают музыку и обращаются к мобильному как удобной шпаргалке во время сессии. При этом половина девушек и 2/3 юношей абсолютно уверены, что использование телефона во время занятий мешает усваивать учебный материал.

6. По результатам исследования студенты должны были сами выявить у себя те или иные признаки зависимости от мобильного телефона, но 75% опрошенных мужчин не нашли в себе ни одного из описанных признаков.

3. Заключение.

Результаты изучения мобильной зависимости показали, что телефон может вызывать такую же зависимость, как курение или азартные игры. При этом подобная психологическая зависимость сильнее, чем от сигарет или компьютера. От нее сложнее отвязаться.

Психологи выделяют следующие причины зависимости.

1. Люди, подверженные частой смене телефонов, неуверенны в себе, у них ярко выражено чувство неполноценности, несостоятельности. За счет постоянного обновления мобильного телефона человек пытается самоутвердиться. Велика роль дополнительного фактора – фактора технологической зависимости. Покупая себе функционально насыщенную модель мобильного телефона, человек пытается не отстать от современных течений и полностью зависит от их направленности, не осознавая своих реальных потребностей.

2. Люди, склонные совершать звонки без причины, могут беспокоить любого адресата записной книжки. Основа их расстройств чаще всего заключается в недостаточности живого общения.

3. Те, кто превращает звонки по телефону в многочасовые беседы, жаждут чем-либо заполнить пустоты в своей душе, создать иллюзию общения и полноты существования. Человек перестает контролировать свои расходы, существенно опустошая карман себе или близким.

4. Самая распространенная форма неблагоприятного привыкания среди молодежи – отправление SMS без особой на то причины. Количество SMS зависимых растет в геометрической прогрессии. Появилась новая форма повседневного общения, заменившая живой человеческий разговор.

5. Находясь в зависимости от мнения окружающих, человек считает, что он обязан обладать самым дорогим или суперфункциональным гаджетом. Данная мания проявляется в постоянном наличии телефона на виду, зависимый не выпускает его из рук ни на минуту. Человек пытается выделиться в своей группе за счет престижности трубки. Псевдопрестиж позволяет им думать, что их статус напрямую зависит от модели и стоимости аппарата.

6. Жизнь в ожидании «важного» звонка. Зависимый не выключает телефон 24 часа в сутки, даже засыпая, кладет его рядом, чтобы не пропустить «важнейший» в своей жизни звонок.

7. Молодые люди чаще всего становятся заложниками технического прогресса и боятся пропустить даже незначительное нововведение. Технозависимость – самая распространенная зависимость среди абонентов до 30 лет. Они готовы платить любые деньги, лишь бы их мобильный обладал камерой с самым большим числом мегапикселей, экран имел максимальную диагональ, а новейшая версия программного обеспечения была самой современной¹.

Британские ученые выделяют три степени зависимости от мобильного телефона:

¹ Подростки, телефоны, зависимость // <http://www.mobiset.ru/articles/text/?id=214> (дата обращения 10.08.2015); «SMS-зомби» // <http://www.rg.ru/2013/02/28/nomofobia.html> (дата обращения 12.08.2015).

1) «непривязанные» - люди, которые спокойно живут и с телефоном и без него, для них мобильник средство связи и не более того,

2) «протезированные» - испытывают беспокойство при отсутствии телефона, но могут обойтись и без него,

3) «киборги» - не мыслят себя без трубки в руке, мобильники практически выросли в их ладонь.

Мобильный телефон влияет на наши эмоции. Разговоры с друзьями и родными позволяют чувствовать: я не один, меня любят, готовы выслушать. Когда телефон молчит, все наоборот: я один, меня все бросили.

Научно доказано: если трубка разрядилась или осталась дома, хозяин испытывает сильнейшее беспокойство, нервозность и даже панику. Случались также скачки артериального давления и неприятные ощущения в желудке.

В чем проявляется мобильная зависимость? Исследование выявило следующие критерии – человек носит телефон с собой повсюду, страшно нервничает, если трубка разряжена или осталась дома, не представляет себе, как можно не купить новую модель, скачивает все рингтоны и игры и вообще считает мобильник частью себя, а без него чувствует себя неполноценным.

SMS-зависимость – «больной» строчит сотни сообщений в день, даже когда проще и дешевле позвонить.

Инфомания – постоянная готовность человека к получению информации. Зависимый постоянно проверяет электронную почту или мобильный. Его мозг просто не в состоянии переварить такой объем информации, выделить важное и отбросить ненужное. В итоге подсаживается на «наркотик» и требует еще и еще.

Гаджет-аддикция – стремление покупать самые новые технические новинки. «Навороченный» телефон становится признаком социального статуса и источником радости. Ради новой игрушки человек готов отказаться от жизненно необходимых вещей.

Причины зависимости от Интернета, алкоголя, табака и мобильного телефона одинаковы. Человек пытается «зацепить» свои удовольствия за что-то во внешнем мире. Люди, которые уходят в виртуальное общение, не научены с детства ценить живое общение. В семье им не показали, насколько важно, когда тебя любят и понимают.

Психологи предлагают следующие способы борьбы с мобильной зависимостью.

1. Нужно постараться, чтобы один разговор не длился более 10 минут. Этого времени вполне должно хватить, чтобы обсудить какую-то проблему.

2. Необходимо взять себе за правило считать количество SMS отправленных за день – их должно быть не более 10.

3. Нужно постараться класть свой мобильник в определенное место, а не носить его повсюду за собой по квартире. Нельзя ночью класть его под подушку.

4. Надо убедить себя оставить телефон дома, если отправляетесь в магазин, за почтой и выносить мусор – не будет лишнего повода сделать ненужный звонок или отправить SMS.

5. Необходимо установить лимит средств, которые вы можете потратить на общение по телефону.

6. Нужно переписать все важные номера в записную книжку: благодаря этой процедуре можно уменьшить стресс, который неизбежно появится при потере телефона.

7. Полезно иногда отключать телефон на целые сутки. У человека сразу появится много свободного времени для чтения, живого общения, посещения кино или театра и много другого.

Важно помнить: признать существование проблемы значит пройти полпути к ее решению.

Если обратиться к проблеме использования мобильных телефонов в университете во время занятий, то бороться с этим с помощью насильственных мер бесполезно. Следует дать понять студентам, что главное для них - уважать труд преподавателя, не мешать ему проводить занятия, делать сигнал телефона неслышным. Самим преподавателям необходимо суметь завладеть вниманием студентов. Длинную, обильную научными терминами лекцию довольно трудно воспринимать без каких-либо передышек. В ней необходимо делать паузы, помогающие рассеять внимание слушателей и дать им отдых. Несколько минут отвлечения будет достаточно для того, чтобы студенты отдохнули и с новыми силами приступили к восприятию информации.

Литература

1. Вред мобильных телефонов // <http://www.list7i.ru/?mod=boards&id=25>.
2. Зависимость от мобильного и гаджетов // <http://www.proity.com.ua/forum/viewtopic.php?p=4742>
3. Зависимость от мобильного телефона // <http://osoznanie.org/2248-zavisimost-ot-mobilnogo-telefona.html>.
4. Зависимость от мобильного телефона // <http://www.health.yoread.ru/news.php?readmore=166>.
5. Зависимость от мобильного? – форум // <http://mtz.3bb.ru/viewtopic.php?id=9>.
6. Зависимость от мобильного телефона // <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=513788>.
7. Зависимость от мобильных телефонов // http://www.moideti.com/index.php?id_lang=1&id_struct=15&key=627
8. Зависимость от мобильного телефона схожа с наркотической // <http://www.content-review.com/articles/170/>
9. Зависимость от мобильных телефонов у студентов // <http://medbe.ru/news/meditsinskie-issledovaniya/zavisimost-ot-mobilnykh-telefonov-u-studentov/>
10. Зависимость от телефона // http://be-no.ru/raznoe_/zavisimost-ot-telefona.
11. Зависимость от телефона – что это и как с ней бороться // http://www.zakachay.mobi/articles/obshee/mobilnaja_zavisimost/

- 12.Иванова А. Исследования увлечения мобильными телефонами у студентов // <http://www.psychology-online.net/articles/doc-742.html>
<http://www.psychology-online.net/articles/doc-742.html>
- 13.Как победить зависимость от гаджетов //<http://www.vitamarg.com/article/vliynie/4260-kak-pobedit-zavisimost-ot-gadzhetov>.
- 14.Как победить зависимость от мобильных телефонов // <http://ru.wikihow.com>
- 15.Калинина И. Зависимость от мобильного телефона //<http://calinina.ru/forum/zavisimost-mobilnogo-telefona-t481.html>.
- 16.Мобильная зависимость (симптомы и профилактика) //<http://www.kabanik.ru/page/mobile-dependence>.
17. Номофобия – зависимость от мобильного телефона, когда гаджет становится продолжением руки //<http://brosaem.info/zavisimost-ot-mobilnika.php>
- 18.Номофобия, или зависимость от мобильного телефона //http://www.domashniy.ru/article/psihologiya-otnosheniy/psihologiya-lichnosti/nomofobiya_ili_zavisimost_ot_telefona.html.
- 19.3.Номофобия, или патологическая зависимость от мобильного телефона – как лечить болезнь 21 века? //<http://www.colady.ru/nomofobiya-ili-patologicheskaya-zavisimost-ot-mobilnogo-telefona-kak-lechit-bolezn-21-veka.html>.
- 20.Подростки, телефоны, зависимость // <http://www.mobiset.ru/articles/text/?id=214>.
- 21.«SMS-зомби» // <http://www.rg.ru/2013/02/28/nomofobia.html>.
- 22.Телефонная зависимость (телефономания) //<http://ladiesmagazine.ru/otnosheniya/shkola-obshcheniya/369-telefonnaya-zavisimost>.
- 23.Тест: зависимость от мобильного телефона //<http://ulady.ru/content/view/715/>.
24. Что такое зависимость от мобильных телефонов // <http://healthystyle.info/psychology/item/2688-что-такое-zavisimost-ot-mobilnykh-telefonov>.

Раздел 2. Информационно – коммуникативная парадигма масс - медиа
Глава 1. Анализ критериев, образующих имидж города с целью формирования территориальной стратегии маркетинга

Вертай С. П.

кандидат экономических наук, доцент

e-mail: vertai@tut.by

Васильченко А.О.

кандидат экономических наук, доцент

e-mail: vasilchenko.2012@inbox.ru

Мискевич Е. В.

магистр экономических наук

e-mail: miskevich.ekaterina@rambler.ru

Костюкович Н. П.

магистрант

e-mail: natakostyuk123@gmail.com

УО «Полесский государственный университет»

Республика Беларусь, г. Пинск

В 35

УДК 332 + 33. 05 + 711

ББК 65. 04 + 65. 291. 3

Необходимость разработки маркетинговой стратегии города Пинска, сформированной в соответствии с потребностями и запросами целевых групп, заключается в реализации проекта по формированию благоприятного имиджа города, что позволит повысить общий экономический уровень, обеспечит узнаваемость и создаст благоприятную эмоциональную атмосферу для жителей города и групп влияния.

Исследование проводилось в ходе выполнения научно-исследовательской темы «Разработка стратегии территориального маркетинга (брендинга) города Пинска», выполняемой в рамках проекта «Pinsk Invest Weekend».

В ходе полевых работ, сбора и систематизации данных принимали участие студенты, магистранты и преподаватели кафедр менеджмента и маркетинга, а также туризма и гостеприимства УО «Полесский государственный университет».

Цель исследования - определить основные факторы, формирующие идентичность города, на основании чего разработать маркетинговую стратегию территории и механизм ее продвижения.

Пинск – третий по численности населения город Брестской области. В 2014 году население города составило 136 тысяч человек. Экономически активное население города составляет 42,4 % (57,6 тыс. чел.).

В настоящее время уровень экономического развития города Пинска достаточно высок, однако его известность и узнаваемость являются недостаточными. Вследствие чего необходим ряд мероприятий по популяризации имеющихся ресурсов города, в том числе богатого туристического потенциала. Продвижение

Пинска является актуальной задачей социально-экономического развития города, позволяющей существенно повысить его конкурентоспособность на национальном и международном рынке товаров и услуг.

Брендинг территории позволяет привлекать людей, социальные институты, компании, инвестиции и другие ресурсы, то есть при эффективном использовании от него можно ожидать различные экономические эффекты [1].

Рабочая гипотеза основана на изучении теоретических аспектов формирования стратегии территорий, в соответствии с которой территориальный маркетинг (брендинг) территорий повышает конкурентоспособность территорий в борьбе за информационные потоки и инвестиции, повышает уровень жизни населения, усиливает уникальность территории в регионе [2]. В ходе реализации проекта будет сформирована стратегия территориального маркетинга (брендинга), отражающая ключевые направления развития города и формулированная в соответствии с запросами и потребностями целевых групп:

- жители г. Пинска – город, в котором хочется жить (внутренний брендинг);
- гости города, туристическая составляющая – город, в который хочется приезжать;
- бизнес-среда – город для работы и развития бизнеса (отечественные и зарубежные бизнес-структуры, предприниматели, инвесторы).

Таким образом, планируется разработать стратегию, сочетающую три категории:

- 1) внутренний бренд: потребители- жители города. Цель: город, в котором хочется жить,
- 2) внешний бренд: потребители - гости города, туристы. Цель: город, в который хочется приезжать,
- 3) бизнес-бренд : потребители - отечественные и зарубежные бизнес-структуры, предприниматели, инвесторы. Цель: город, в котором хочется работать и развивать бизнес.

Проект состоит из четырех этапов, каждый из которых может являться самостоятельным исследованием с конкретными практическими результатами:

- 1) стратегический анализ основных трендов социального и экономического окружения;
- 2) разработка концепции маркетинговой стратегии территории;
- 3) формирование информационной среды бренда;
- 4) разработка визуального стиля и бренда города (конкурс), разработка проектов по продвижению города в рамках выбранных ключевых направлениях.

В ходе реализации проекта содержание будет конкретизироваться, так как формирование «пространства города», основанное на применении ограниченных ресурсов в сферах с наивысшей отдачей не может быть шаблонным или типовым.

На первом этапе изучены основные социально-экономические характеристики города, анализ которых представлен в аналитических обзорах.

Далее проведено анкетирование, в ходе которого произведен анализ уже сложившегося имиджа города у следующих целевых групп: жители и гости города. Также существующих и перспективных направлений развития, возможных «точек роста», которые необходимо учесть при разработке бренда города и программ по его продвижению.

При анализе позиционирования города Пинска были использованы две выборки: жители города Пинска (далее «Жители») и гости города Пинска (далее «Гости»). Выборка случайная, районированная:

1) при определении структуры выборки учитывались туристические районы города (для группы «Гости»). Были опрошены туристические группы, спортивные команды, а также индивидуальные туристы.

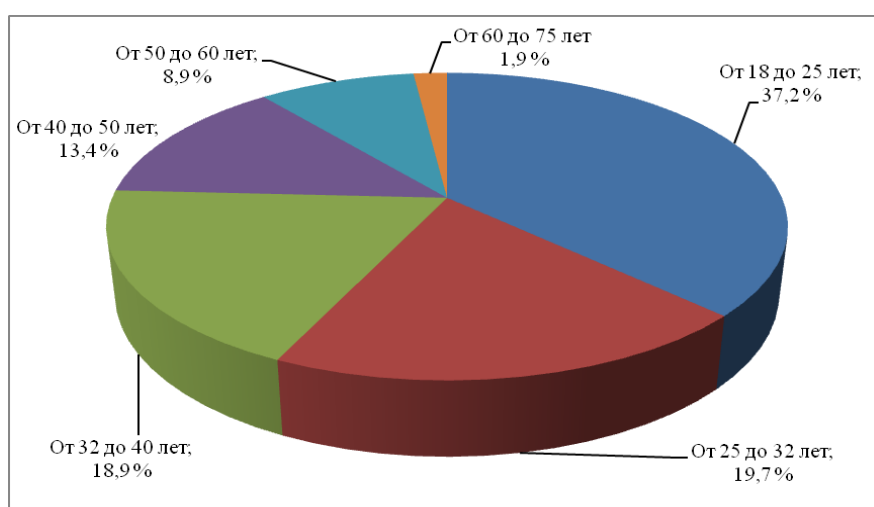
2) организации города (для группы «Жители»): ОАО «Кузлитмаш», ЗАО «Холдинговая компания «Пинскдрев», ООО «Белинвестторг», УО «Полесский государственный университет», Филиал РУП «БрестЭнерго» Пинские электросети, инфекционная больница «Молотковичи», «Белгосстрах», сотрудники гимназий и школ города, Департамент охраны г.Пинска, Пинский диспансер спортивной медицины, ОАО «Пинский мясокомбинат», а также представители Городского исполнительного комитета, а также индивидуальные предприниматели.

Размер выборки составил: «Гости» – 200 чел., «Жители» – 1000 чел. В ходе логического контроля были исключены 41 анкета из группы «Гости» и 171 анкета из группы «Жители», итоговый размер выборки составил соответственно 159 и 829 респондентов соответственно.

Выборка «Жители» представлена горожанами в возрасте от 18 до 75 лет (рисунок 1).

Рисунок 1

Возрастная характеристика респондентов по выборке «Жители»

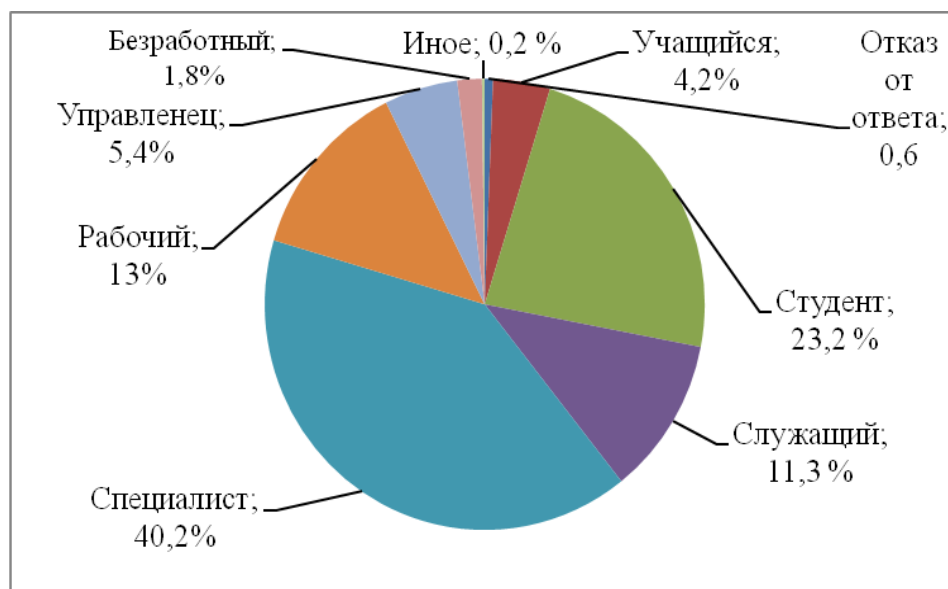


Так как выборка представлена респондентами различных организаций с широким диапазоном социальных статусов (рисунок 2), характеризующихся длительным проживанием в городе и имеющих представление о тенденциях его

развития (категория «коренные жители» составили 52,7% выборки, «живут в городе более 20 лет» – 18,8 %, «от 5 до 10 лет» – 14,2%), она может быть репрезентативна всем жителям г. Пинска.

Рисунок 2

Социальный статус респондентов по выборке «Жители»

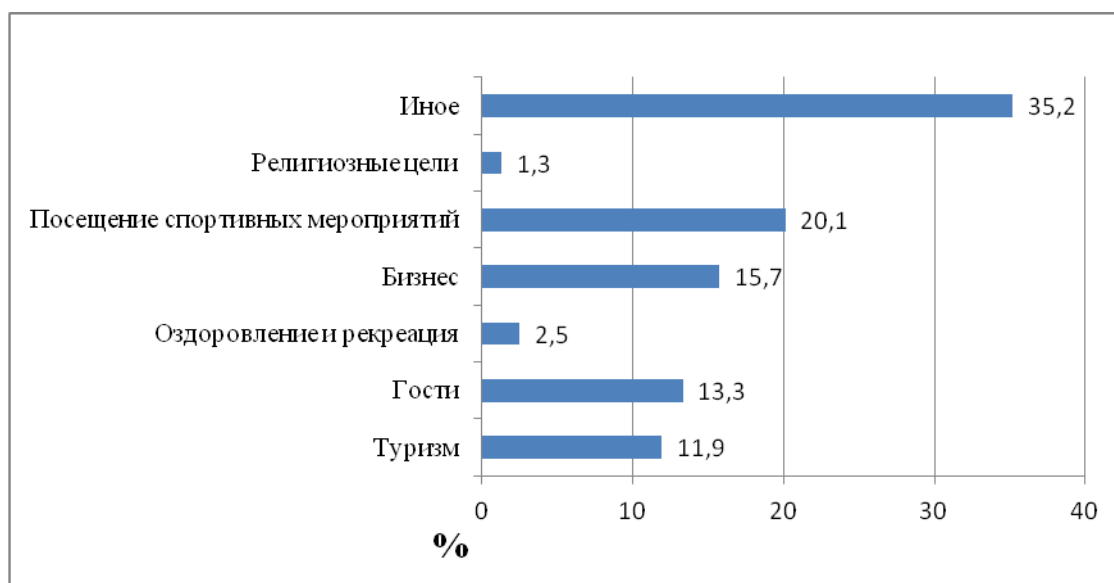


В опросе по группе «Гости» приняли участие представители других городов: анкетирование проводилось в гостиницах и историческом центре города. Анализ показал, что основной целевой группой являются люди в возрасте от 18 до 25 лет, характерных признаков, связанных с социальным статусом, не выявлено. При этом 23,9 % респондентов приехали из города Бреста (областной центр), 20,1% из города Минска, представители зарубежья (по городам) – 1,9% г. Москва, 1,3% г. Смоленск.

Наиболее популярной идентифицированной целью посещения города является туризм (с учетом отнесения в эту категорию такого варианта ответа, как «приехал в гости»), посещение спортивных мероприятий и бизнес, в то время как 35,2% респондентов не смогли однозначно определить цель визита (было названо несколько вариантов, так как цель визита уже определена, предлагалось выбрать один вариант ответа).

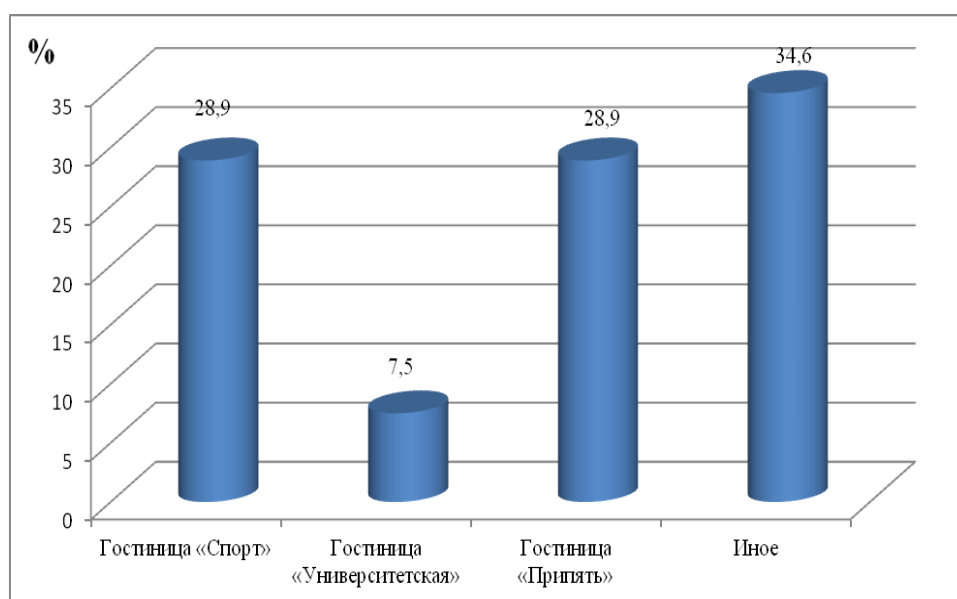
Выявлено, что представление самих жителей о цели визита в их город отличается (для выявления тренда предлагалось выбрать несколько вариантов ответа): 39,8% считают, что это туризм, 26,3 % - вопросы бизнеса, 11% - рекреация и оздоровление, 61,4% - спортивные сборы, посещение спортивных мероприятий, 21% - религиозные цели.

Цель визита «Гостей» в г. Пинск



При этом 88,7% опрошенных гостей ранее (до подготовки к поездке) слышали или получали информацию о городе от родственников и знакомых (47,2 % опрошенных), по телевидению (15,7 % опрошенных), посредством интернета (20,8 % опрошенных) или радио (1,9%). В ходе опроса выявлено, что 87,4% респондентов организовали свой приезд самостоятельно и только 2,5% воспользовались услугами туристических бюро, а также 10,1% - услугами иных организаций. 65,4% среди основных средств размещения выбрали гостиницы города (рисунок 4).

Основные места размещения



При формировании имиджа и туристических маршрутов города Пинска следует учитывать его уникальность, отмеченную 67,3% опрошенных гостей города.

Для формирования коммуникационных программ и определения позиционирования города было определено, с какими прилагательными ассоциируется город у жителей и гостей города (Таблица 1).

Таблица 1

Выявление основных характеристик в восприятии города

Слово индикатор	Гости города, %	Жители города, %
Исторический	64,8	60,7
Студенческий	64,2	64,1
Промышленный	12,6	25,3
Спортивный	38,4	44,4
Молодежный	47,8	31,8
Преступный	28,3	22,9
Туристический	25,2	21,7
Перспективный	17,6	19,2
Динамичный	8,2	8,9
Экологичный	10,7	11
Современный	20,1	15,8
Неразвивающийся	6,9	9,8
Научный	3,1	4,7
Дружественный разным религиям	18,9	31,8
Культурный	35,2	21,8

Можно заметить, что жители города несколько выше ценят производственный потенциал города, определяя при этом, что важное значение в формировании облика и социальной среды города играют такие предприятия, как ЗАО «Холдинговая компания «Пинскдрев» (57,9%), ОАО «Пинский мясокомбинат» (19,2%), ОАО «Полесье». Деятельность именно этих предприятий повлияла на формирование имиджа города.

Различное восприятие имеет туристический потенциал города: недостаточно используются в формировании имиджа города и туристических продуктов такие объекты, как «Универсальный спортивный комплекс Полесского государственного университета».

Таблица 2

Выявление основных объектов, с которыми ассоциируется город

Объект	Гости города, %	Жители города, %
Костел Успения Пресвятой Девы Марии	8,8	19,1
Музей Белорусского Полесья	9,4	7,2

Футбольная академия	0	1,9
Пинский коллегиум иезуитов (1651 — 1675г.)	5,7	15,1
Памятник партизанам Полесья	1,3	2,9
Костел Святого Карла Баромея	3,1	10,6
Спортивный комплекс Полесского государственного университета	22,6	7,8
Парк культуры и отдыха	3,8	4,8
Исторический центр города	2,5	3,9
Площадь Ленина и памятник Ленину	16,4	12,7
Кафедральный собор во имя св. вмц. Варвары	1,3	-
Дворец Бутримовича «Пинский Мур»	5,0	14
Полесский драматический театр	16,4	-
Затруднились с ответом	3,7	-
Итого	100	100

По мнению 83,6% «Жителей» города, именно историческое наследие влияет на сегодняшний облик города. Однако в сопоставлении данной точки зрения с ключевыми характеристиками, определяющими восприятие города, можно сделать вывод о необходимости различного позиционирования объектов для туристических целей, жизни и бизнеса (таблица 1).

Для туристических целей необходимы программы, учитывающие историческое наследие города, продолжительностью от 3-х дней до недели, формируемые в среднем и низком ценовом сегменте (таблица 3-4).

Таблица 3

Определение оптимальной продолжительности тура

Время, необходимое для знакомства с городом	Гости города, %	Жители города, %
1-3 дня	40,8	61,4
Неделя	47,2	31,1
Месяц и более	10,7	5,2
Затруднились с ответом	1,3	2,3
Итого	100	100

Таблица 4

Определение стоимости тура

Денежные средства, необходимые для посещения туристических объектов (по состоянию на апрель 2015 г.)	Гости города, %	Жители города, %

200-300 тыс.бел.р (15-20 у.е.)	13,2	14,0
300-500 тыс.бел.р. (20-33 у.е.)	37,1	28,5
500 – 1000 тыс.бел.р. (33-67 у.е.)	34,0	29,1
От 1 млн.б.р. (от 67 у.е.)	15,1	24,1
Затруднились с ответом	0,6	4,3
Итого	100	100

Для формирования более привлекательного образа города для жизни и посещения следует обратить внимание на развитие и строительство таких объектов, как парки и зоны отдыха, развлекательные центры. Учитывая необходимость продвижения туристического потенциала и увеличения потока въездного туризма, целесообразно формирование единых информационных туристических центров, обеспечивающих взаимодействие всех субъектов рынка туристических услуг (таблица 5). При этом 83% опрошенных «Гостей» хотели бы посетить город Пинск еще раз.

Таблица 5

Объекты, строительство и развитие которых необходимо для формирования привлекательного образа города (выбор нескольких вариантов ответов)

Объекты	Гости города, %	Жители города, %
Гостиницы	13,8	12,4
Парки, зоны отдыха, «зеленые тропы»	61	60,3
Развлекательные центры	69,2	48,9
Спортивные сооружения	4,4	11,9
Информационно-туристические центры	22	29,2

В этой связи следует усилить целенаправленные коммуникации, направленные на формирование узнаваемого имиджа города и повышение информированности о нем в таких сегментах, как «туризм - рекреация», «бизнес», «наука». В настоящее время 52% опрошенных по группе «Жители» отмечают недостаточность материалов рекламного и информационного характера о городе.

Для формирования коммуникационных программ и разработки объектов визуализации города наиболее предпочтительно использовать цвета, с которыми уже ассоциируется городская символика: красный (43,8%), зеленый (39,6%), синий (23,65), желтый (23,5%).

Основными источниками размещения информационно-рекламных материалов о городе, по мнению жителей, должны быть интернет (62,6% опрошенных), телевидение (53,2% опрошенных), наружная реклама (46,6%), печатные издания (32,2%). Такие каналы, как интернет и телевидение, совпадают с реальными информационными потоками, на основании которых формировали свое представление о городе «Гости».

На основании результатов исследования, разработана программа мероприятий по разработке и внедрению территориальной стратегии маркетинга (таблица 6).

Таблица 6

Аналитическая матрица мероприятий, направленных на формирование территориальной стратегии маркетинга

Задача	Этап реализации проекта	Практический результат	Риски
<p>1. Определить восприятие города Пинска целевыми аудиториями и группами влияния; разработать четкий набор атрибутов, которыми обладает город и на основе которых можно создать его позитивное восприятие у целевых аудиторий.</p>	<p>1. Стратегический анализ основных трендов социального и экономического окружения.</p>	<p>– составление матрицы SWOT анализа, определение имеющихся и перспективных точек роста, - формирование основы бренда города, то есть разработка интегрированной платформы бренда через определение интересов территории, где находятся возможности, сосредоточены ресурсы и навыки города. Определение ключевых ценностей горожан.</p>	<p>Риски: повышение уровня конфликтности среди целевых аудиторий, общее неприятие самого процесса маркетинга территорий. Выход: освещение цели проекта, источников финансирования и ожидаемых результатов в прессе; привлечение максимально широкого круга общественности к обсуждению результатов исследования.</p>
<p>2. Максимально вовлечь целевые аудитории и группы влияния в процесс разработки бренда через формирование системы интегрированных коммуникаций.</p>	<p>2. Стратегический анализ основных трендов социального и экономического окружения.</p>	<p>- идентификация горожан и города (кто такие пинчане, как они воспринимают себя сами и какими их видит внешняя аудитория), - информационная работа по распространению результатов исследования. Формирование дифференцированных (в то же время комплексных), обращений к каждой целевой аудитории.</p>	<p>Риски: «размытость» коммуникаций при попытке их дифференциации по целевым аудиториям. Выход: разработка нескольких вариантов; пилотное тестирование, определение достижения поставленных целей на лабораторных группах.</p>
<p>3. Разработать систему коммуникаций, позволяющей формировать управляемый имидж города.</p>	<p>3. Разработка концепции маркетинговой стратегии территории.</p>	<p>Разработка механизма продвижения маркетинговой стратегии региона.</p>	<p>Риски: проблема в формировании системы коммуникаций связана с отсутствием на момент подготовки</p>

			проекта, понятия о формируемом имидже. В этой связи сложно определить структуру, уровень и содержание коммуникаций. Вывод: детализация этапа после выполнения первого этапа исследования.
4. Разработать концепцию маркетинговой стратегии города и механизм ее продвижения. Разработать систему индикаторов, позволяющих оценить эффективность реализации стратегии.	4. Разработка концепции маркетинговой стратегии территории.	Разработка маркетинговой стратегии региона. Разработка системы индикаторов, позволяющих оценить эффективность ее достижения, осуществлять контролинг результатов.	Риски: юридическим лицом, управляющим ресурсами территории в целом и брендом в частности, являются органы законодательной и исполнительной власти данной территории. Юридические права для конкретной местности определяются органами законодательной власти большей территории, частью которой является данная местность. Разработанная стратегия может быть не принята на более высоком уровне.
5. Повышение уровня знания о роли брендинга территорий для социально-экономического развития города.	5. Формирование информационной среды бренда.	Позиционирование бренда, основанное на базовых ценностях, отношениях, поведении и характеристиках города.	Риски: сопротивление целевых аудиторий в процессе изменений. Выход: активное освещение всех этапов проекта в прессе.
6. Разработка визуального стиля и бренда города.	6. Разработка визуального стиля и бренда города (конкурс), разработка проектов по продвижению города в рамках выбранных ключевых	Разработка, выбор и использование в городской среде визуальных элементов бренда.	Субъективность подхода. Выход: формирование двухуровневой системы отбора: оценка экспертов; народное голосование.

	направлениях.		
7. Реализация серии проектов по продвижению единого образа города.	7. Разработка визуального стиля и бренда города (конкурс), разработка проектов по продвижению города в рамках выбранных ключевых направлениях.	Разработка мероприятий, позволяющих закрепить образ города в сознании целевых групп в соответствии с разработанными атрибутами.	Риски: Объективность отбора проектов. Выход: - разработка положения о конкурсе проектов с указанием четких критериев отбора (на основании разработанной стратегии территории).
8. Реконструкция отдельных элементов инфраструктуры города, позволяющей установить соответствие между сформулированной моделью идентичности города и реальным состоянием.	8. Разработка визуального стиля и бренда города (конкурс), разработка проектов по продвижению города в рамках выбранных ключевых направлениях.	Реализация мероприятий, позволяющих закрепить материальную основу бренда территории.	Риски: так как направление еще не определено, возможна недостаточная предварительная сумма средств. Выход: поиск дополнительных источников информирования, гранты, спонсорская помощь, инвестиции частного бизнеса.

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлен ряд аспектов формирования благоприятного восприятия города Пинска как его жителями, так и гостями. Основными факторами, формирующими идентичность города, являются исторические объекты и промышленный потенциал.

Основные коммуникационные каналы, с помощью которых нужно формировать и развивать имидж города у основных целевых аудиторий, - интернет и телевидение. Выявлена необходимость в формировании информационных туристических центров с единой системой объектов, что позволит увеличить потоки въездного туризма.

При формировании пакетов туристических программ необходимо учитывать рекреационный потенциал города, в том числе интерес к услугам Универсального спортивного комплекса Полесского государственного университета.

В сегменте «туризм и рекреация» выявлено позиционирование города как исторического и дружественного разным религиям, а для бизнес-среды – студенческий и молодежный. Необходимо активизировать представление о возможностях бизнеса города, в том числе активное информирование о научном потенциале, представленным Полесским государственным университетом.

Литература

1. Алан Миддлтон, Брендинг города и внутренние инвестиции / Брендинг территорий – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://postnauka.ru/longreads/14835>. – Дата доступа: 03.11.2014

2. Домин В.Н. Методики оценки стоимости бренда территории / Проблемы современной экономики, N 2 (50), 2014. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4985>. – Дата доступа: 08.11.2014.

3. Территориальный брендинг: итоги 2013 года / City branding, блог – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://citybranding.ru/itogi2013/>. – Дата доступа: 03.11.2014.

Глава 2. Российские и Белорусские социально-экономические мегатренды: сравнительный анализ

Щербин В.К.

кандидат филологических наук, доцент

Центр системного анализа и стратегических исследований

НАН Беларуси

Беларусь, г. Минск

Щ 64

УДК 332 + 339

ББК 65. 04 + 65. 5

Актуальность выявления таких процессуальных классификационных схем, как перечни направлений, тенденций, трендов и мегатрендов¹ для более глубокого познания процесса развития любой научной дисциплины или иной отрасли знаний была осознана отечественными исследователями еще в советский период: «Проблемы выявления основных направлений и тенденций развития актуальны для всех научных отраслей и дисциплин»². Обосновывалась такая актуальность выявления направлений, тенденций, трендов и мегатрендов теми прогностическими возможностями, которые открывались перед исследователями в случае их близкого знакомства с указанными процессуальными классификационными схемами.

К примеру, специалист в области информатики В.В. Калошин считал, что «от фиксации определенных тенденций и их многоаспектного анализа с целью выявления дисгармоний в развитии научной дисциплины имеется возможность перейти к выявлению конкретных путей, устраняющих эти дисгармонии»³. В свою очередь, авторы патентно-статистического обзора «Тенденции развития крупных направлений научно-технического прогресса в промышленно развитых странах» (М., 1989), использовавшие при его подготовке «методы исследования трендов, т.е. математического определения сложившихся тенденций изобретательской активности»⁴, видели прогностический потенциал выявленных ими направлений, тенденций и трендов мирового научно-технического прогресса в том, что «сложившиеся тенденции изобретательской активности (распределение научно-технического потенциала) найдут отражение через определенный временной лаг (10-15 лет) в тенденциях изменения производственного (технико-экономического) потенциала»⁵.

Тогда же, в советский период, были установлены и оптимальные пределы эффективного использования выявленных тенденций развития науки и техники

¹ Данный тип классификационных схем подробно описан в статье: Щербин В.К. Процессуальные классификационные схемы как основа научного прогнозирования будущего // Гуманитарный научный журнал. 2014. № 1. С. 76-81.

² Калошин В.В. Выявление тенденций развития информатики методом логико-смыслового моделирования проблематики диссертаций // НТИ. Сер. 1. 1983. № 8. С. 5.

³ Там же. С. 11.

⁴ Тенденции развития крупных направлений научно-технического прогресса в промышленно развитых странах (Патентно-статистический обзор). М., 1989. С. 4.

⁵ Там же.

для прогнозирования народнохозяйственного развития: «Эти тенденции и заделы несут на себе отпечаток прошлых социально-экономических условий. Если же эти условия изменились, то нет никаких оснований искать решение новых народнохозяйственных проблем на базе сложившихся тенденций развития науки и техники»¹.

Насколько актуальными и своевременными были перечисленные выше исследования советских специалистов в области социально-экономического и научно-технического прогнозирования по изучению направлений, тенденций и трендов, можно судить по тому факту, что мировой футурологический бестселлер «Мегатренды» американского исследователя Дж. Нейсбита вышел из печати примерно в это же время (в 1982 г.). К сожалению, выявленные советскими исследователями направления, тенденции и тренды использовались в реальной практике народнохозяйственного планирования и прогнозирования далеко не в полной мере. К примеру, еще до распада СССР отечественные специалисты в области социально-экономического и научно-технического прогнозирования открыто писали о том, что «тенденции развития СССР идут вразрез с тенденциями развития промышленно развитых капиталистических стран, поскольку в СССР продолжают развиваться отрасли промышленности, связанные с добычей и переработкой природного сырья, что отражается в структуре патентной статистики. Наряду с этим вторичная переработка в нашей стране развивается явно медленными темпами, что предопределяет низкую по сравнению с другими странами изобретательскую активность в области химии»². Однако к доводам своих ученых о необходимости учета мировых тенденций первоочередного развития наиболее наукоемких секторов обрабатывающей промышленности (IT-индустрии, робототехники, малотоннажной химии и др.) при определении приоритетов отечественной промышленной политики советское политическое руководство не прислушалось, слепо уповав на имеющийся позитивный опыт проведения в 1930-е гг. форсированной индустриализации страны, что и явилось одной из главных причин поражения СССР в социально-экономическом соревновании с Западом.

В частности, известным российским социологом академиком РАН В.И. Жуковым высказывается мнение, что развал СССР был обусловлен отсутствием у лидера перестройки М.С. Горбачева элементарных представлений о ведущих тенденциях цивилизационного развития: «Генсек КПСС не имел ни малейшего представления о ведущих тенденциях глобального развития цивилизации. Если не знаешь, куда плыть, ни один ветер не будет попутным. Значит, нужно сойти с мостика. Если знаешь, что ведешь государственный корабль в сторону от основных векторов социального прогресса, но не хочешь отдавать штурвал – тебя должны отстранить от управления. В реальной жизни не произошло ни первого, ни второго. Неразрешенное противоречие обернулось крушением»³. Близкий по содержанию вывод делает и белорусский экономист И.В.

¹ Анчишкин А.И. Наука. Техника. Экономика. М., 1986. С. 340.

² Тенденции развития крупных направлений научно-технического прогресса в промышленно развитых странах (Патентно-статистический обзор). М., 1989. С. 14.

³ Жуков В.И. «Перестройка»: итоги и уроки // Социальная политика и социология. 2011. № 3. С. 12.

Новикова: «В 1985 г., когда в Советском Союзе началась «перестройка» и примерно в это же время переход к V технологическому укладу, нас «столкнули» с его волны, что привело к упадку многих отраслей промышленности»¹.

Справедливости ради надо заметить, что недооценка учета существующих мировых тенденций в области социально-экономического и научно-технического развития имела место в советской практике госуправления задолго до инициированной М.С. Горбачевым «перестройки»: «...уже в 1970-е годы среднегодовые темпы прироста показателей науки стали снижаться: с 1971 по 1985 г. этот показатель снизился по численности научных и научно-педагогических работников с 7,2 до 2,1%, по общим расходам на науку из всех источников (преимущественно из средств государственного бюджета) – с 10,4 до 6,4%, а по среднегодовой численности работников отрасли «Наука и научное обслуживание» (НиНО) – с 6 до 1%. В последующие годы динамика занятости в отрасли НиНО стала отрицательной. Происходившее можно было бы трактовать как объективно обусловленный переход с экстенсивной на интенсивную модель развития науки. Но подтвердить такую гипотезу не позволяют изменения других показателей. Например, сохранявшийся долгие годы паритет между СССР и США по численности специалистов, занятых НИР, причем и в абсолютном, и в относительном (по отношению к численности экономически активного населения) выражении, постепенно трансформировался в превосходство США; сократился отрыв СССР по этому показателю от других индустриально развитых стран»².

О постепенном формировании в народнохозяйственной практике СССР режима «экономии на науке» косвенно свидетельствует и то, что в 1970-1980-е годы Госплан СССР настойчиво добивался практической реализации всех наработанных академической и вузовской наукой заделов, включая откровенно устаревшие. Белорусский науковед Г.А. Несветайлов писал по этому поводу следующее: «Безусловно, с народнохозяйственной точки зрения необходимо обеспечить возможно более полное прикладное использование каждого крупного результата фундаментальных исследований. Но интересы сбалансированного развития познавательной и прикладной функции науки требуют, чтобы ее учреждения надолго не задерживались на материализации всех потенциально возможных применений ранее полученных фундаментальных результатов»³. Таким образом, уже в 1970-е годы СССР взял курс на ускоренное развитие сырьевых отраслей экономики за счет снижения финансирования наукоемких отраслей промышленности. Горбачевская «перестройка» только дала дополнительный импульс ускоренной деградации научно-технического потенциала СССР, окончательно лишив результаты отечественной науки спроса со стороны переживающей не лучшие времена обрабатывающей промышленности.

¹ Новикова И. Инновационный кластер – основа структурной перестройки национальной экономики // Банкаўскі веснік. 2015. № 6. С. 11.

² Отечественная наука и научная политика в конце XX в.: тенденции и особенности развития (1985-1999) / Под общ. ред. Л.М. Гохберга. М., 2011. С. 8.

³ Несветайлов Г.А. Диверсификация научных исследований как составная часть научно-технической политики региона // Научно-техническая политика региона: теория, методология, практика. М., 1991. С. 64.

Однако, честно говоря, автора интересует не столько история упущенных в советский период возможностей по использованию выявленных направлений, тенденций и трендов в отечественном народнохозяйственном планировании и прогнозировании, сколько исследование современной практики выявления, всестороннего описания и использования классификационных схем указанного типа в России и Беларуси. Для полноценной реализации такого исследования немаловажное значение имеет решение следующих задач: 1) определение актуальности изучения классификационных схем указанного типа для современной народнохозяйственной практики двух стран; 2) определение понятия *мегатренд* среди других сопредельных понятий; 3) рассмотрение существующих методов изучения социально-экономических мегатрендов; 4) проведение анализа российских и белорусских социально-экономических мегатрендов; 5) сопоставительная интерпретация результатов изучения существующих российских и белорусских мегатрендов.

Актуальность выявления и использования тенденций, трендов и мегатрендов

За последние 25 лет степень актуальности выявления, описания и использования тенденций, трендов и мегатрендов в современной народнохозяйственной практике многократно выросла. Более того, существенно расширился спектр возможных применений выявленных классификационных схем указанного типа. К примеру, российский экономист В.Г. Клинов утверждает, что «анализ и прогнозирование длительных тенденций развития экономической конъюнктуры в стране и мире составляет первооснову информационного обеспечения для принятия стратегических решений на различных уровнях управления производством, в том числе и для разработки и корректировки правительственной экономической и научно-технической политики»¹. В свою очередь, Ю.В. Ирхин раскрывает значение выявленных мегатенденций для разработки прогнозов: «Анализ, прогнозирование и учет мегатенденций помогают яснее представить работу национальных и всемирных механизмов развития, обосновать ряд соответствующих прогнозов, воплощать их, ориентируясь на проектируемое будущее»². Не может обойтись без выявления ключевых тенденций и такой раздел технической науки, как технологическая маршрутизация: «В качестве предпосылок успешной технологической маршрутизации можно выделить следующие: ...выявление основных тенденций и формирование стратегического видения развития отрасли в среднесрочной и долгосрочной перспективе»³.

На растущую значимость изучения и использования выявленных классификационных схем указанного типа для развития российской социологии ука-

¹ Клинов В.Г. Мировая конъюнктура первой четверти XXI в. и стратегия развития России // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 10. С. 3.

² Ирхин Ю.В. Подходы к разработке глобальных мегатенденций развития в долгосрочном общественном прогнозировании и проектировании // Моделирование реальности в пространстве разнообразия: Гуманитарные исследования общественных процессов. Материалы междунар. науч. конф. (25 октября 2012 г.) / Под ред. А.П. Логунова, М.А. Гордеевой, Н.А. Медушевского. М., 2012. С. 112.

³ Крылова Ю.В. Технологическая маршрутизация: интеграция стратегического и технологического планирования // Инновации. 2005. № 1. С. 100.

зывает чл.-кор. РАН Ж.Т. Тощенко: «Творческое изучение данных, накопленных исследовательскими центрами России, других стран, результатов самостоятельных эмпирических исследований во все большей мере должно быть нацелено на нахождение общих и специфических тенденций изучаемых социальных процессов»¹. По мнению Х. Херпфера, «проведение эффективной политики зависит от информированности ее участников о тенденциях в массовых настроениях и о причинах, стоящих за ними»². Наконец, российский экономист О. Мамедов самым тесным образом связывает отношение к экономике с изучением тенденций ее развития: «Экономику надо уважать. Такое уважение выражается в одном – в прислушивании к ее собственным тенденциям развития, а не в беспрестанном указании ей, что и как надо делать. Задача же экономистов – обнаружение этих внутренних тенденций развития национальной экономики и построение механизма для их ускоренной реализации»³.

Таким образом, исключительно высокий ранг выявленных тенденций, трендов и мегатрендов, отмечаемый в работах представителей самых разных научных дисциплин (стратегический менеджмент, информатика, прогнозирование, техника и технологии, социология, политология, экономика и др.), «придает ключевое значение способности постоянно держать в поле зрения немедленные и сверхдолгосрочные тенденции»⁴.

Понятие мегатренд среди других сопредельных понятий

Чтобы не запутаться в процессе использования понятия *мегатренд* среди других сопредельных понятий (*микротенденция*, *тенденция*, *макротенденция*, *направление*, *тренд* и т.д.), употребляемых в нашем исследовании, кратко остановимся на существующих определениях данных понятий. В частности, наиболее полными толковыми словарями русского и английского языков термин *тенденция* определяется в первую очередь как «направление, в котором совершается развитие чего-либо (общества, экономики, культуры и т.п.)»⁵, а также как «факт или качество направленности куда-либо; постоянная установка к движению или действию в определенном направлении или к определенной точке, концу или цели»⁶. Очень близкое по своему содержанию определение термина *тенденция* приводится также в «Философском энциклопедическом словаре»: это «направление развития какого-либо явления или процесса»⁷. При этом в «Философском энциклопедическом словаре» особо подчеркивается следующее обстоятельство: «Выделение главной, господствующей тенденции – важ-

¹ Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Новые идеи в социологии: монография / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2013. С. 22.

² Херпфер Х. О международной научно-исследовательской программе «Всемирное изучение ценностей» и Всемирной ассоциации по изучению ценностей // Социология. 2013. № 4. С. 40.

³ Мамедов О. Покончить с реализацией устаревших мифов и догм // Мир перемен. 2013. № 2. С. 43.

⁴ Косолапов Н.А. Формирование глобального миропорядка и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 11. С. 13.

⁵ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 15. М.; Л., 1963. С. 271.

⁶ The Oxford English Dictionary. 2nd ed. Vol. XVII. Oxford, 2004. P. 767.

⁷ Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989. С. 646.

нейший момент как исторического, так и структурно-функционального анализа любого развивающегося объекта»¹.

Далее, в зарубежной литературе по проблемам прогностики и футурологии синонимами термина *тенденция*, как правило, выступают термины *тренд* и *направление*. К примеру, Дж. Нейсбит пишет о том, что «тренды указывают направление, в котором движется страна»², а в справочной литературе термин *тренд* определяется как «длительная тенденция изменения вековых показателей»³ и как «основная тенденция развития, выражаемая прямо или косвенно какой-либо функцией от времени»⁴. Наконец, в качестве синонима к термину *главная, основная тенденция* используется термин *мегатренд*: «Мегатренды – важнейшие, самые основные тенденции, выявляющиеся на глобальном, макро-социальном уровне и приводящие к радикальным изменениям в современных обществах»⁵. Для сравнения: Дж. Нейсбит называет мегатрендом «основное направление движения»⁶.

Из приведенных выше определений наиболее употребительных понятий нашего исследования (*микротенденция, тенденция, макротенденция, направление, тренд* и *мегатренд*) видно, что ключевым, доминантным понятием (концептом) в этом синонимическом ряду является понятие *мегатренд* благодаря имеющимся у него большим операциональным возможностям и широкому понятийному содержанию.

Методы изучения социально-экономических мегатрендов

По данным известного российского футуролога И.В. Бестужева-Лады, в современном прогнозировании «теоретически насчитывается около 200 методов»⁷. По нашим оценкам, около десятка из этих методов можно использовать для выявления и описания социально-экономических мегатрендов. Причем эти методы можно сегодня сгруппировать в две группы: 1) теоретические или качественные методы и 2) практические или количественные методы. (Отдельными исследователями предлагаются и более детализированные классификации групп методов прогнозирования. К примеру, Н.П. Федоренко выделяет следующие группы прогностических методов: 1) качественные методы прогнозирования; 2) методы экспертных оценок; 3) экстраполяционные методы; 4) эконометрические модели⁸).

В соответствии с классификацией методов прогнозирования, представленной в «Малой российской энциклопедии прогностики» (2007), **первую группу** методов можно отнести к числу экспертных методов, в основе которых лежит неявное знание экспертов⁹, в данном случае специалистов в области со-

¹ Там же.

² Нейсбит Дж. Мегатренды / Пер. с англ. М., 2003. С. 20.

³ Экономическая энциклопедия / Гл. ред. Л.И. Абалкин. М., 1999. С. 855.

⁴ Малая российская энциклопедия прогностики. М., 2007. С. 83.

⁵ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер с польск. М., 2008. С. 544.

⁶ Нейсбит Дж. Указ. соч. С. 9.

⁷ Бестужев-Лада И.В. Заключение // Малая российская энциклопедия прогностики. М., 2007. С. 306.

⁸ Федоренко Н.П. Россия на рубеже веков. М., 2003. С. 527-529.

⁹ Малая российская энциклопедия прогностики. М., 2007. С. 122.

циоэкономики и экономической социологии. Выявить такое неявное знание данной группы специалистов относительно наиболее перспективных социально-экономических мегатрендов можно, к примеру, путем прямого опроса этих специалистов, либо путем изучения высказанных ими в печати и таким образом уже частично эксплицированных оценок в отношении тех или иных социально-экономических мегатрендов.

При этом, если с результатами массовых опросов белорусских специалистов, работающих в области социоэкономики и экономической социологии, нам пока не доводилось встречаться (в нашей стране данные направления отечественной науки еще, видимо, только формируются), то созданные зарубежными и отечественными учеными описания отдельных социально-экономических мегатрендов в научной литературе уже присутствуют. Причем среди авторов описаний мегатрендов указанного типа представлены не только специалисты в области социоэкономики и экономической социологии. Как справедливо заметил российский экономист Д.С. Петросян, «философы, футурологи и социологи, озабоченные надвигающимися переменами в общественном устройстве, стараются, каждый на свой лад, очертить контуры будущей новой формации. В качестве основных мегатрендов общественного развития называются: переход к высокоинтеллектуализированному производству с его наукоемкой продукцией; соединение производственного процесса и образования; повышение роли в мировой экономике транснациональных корпораций, задающих стандарты технологии и качества продукции, организации производства и методов управления; трансформация функций собственности и управления»¹. На наш взгляд, среди имеющихся в научной литературе описаний социально-экономических мегатрендов особую ценность имеют те из них, которые подготовлены крупнейшими социологами, экономистами и науковедами прошлого и настоящего (А.И. Анчишкин, Д. Белл, И.В. Бестужев-Лада, С.Ю. Глазьев, Г.М. Добров, В.М. Геец, С.Г. Кара-Мурза, Н.Д. Кондратьев, Б.Н. Кузык, В.Ф. Медведев, Дж. Нейсбит, Г.А. Несветаилов, Н.П. Федоренко, Р. Эйрес, Ю.В. Яковец, Э. Янч и др.), поскольку им больше, чем кому-либо еще, свойственен тот уникальный «дар предвосхищения тенденций»², о котором писал известный французский социолог П. Бурдьё.

Вторую группу методов (практические или количественные подходы к изучению социально-экономических мегатрендов), если использовать классификацию методов прогнозирования, представленную в «Малой российской энциклопедии прогностики», можно отнести к числу фактографических методов, основанных на разного рода документальных данных. Фактографическими, к примеру, являются экстраполяционные, интерполяционные, библиометрические, цитатно-индексные, сценарные, матричные методы³. В частности, преимущественно практический характер носит проведение библиометрического

¹ Петросян Д.С. Гуманистическая экономика и социальная справедливость // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 18-19.

² Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М., 2001. С. 57.

³ Малая российская энциклопедия прогностики. М., 2007. С. 122.

анализа всего массива опубликованной научной литературы по проблемам социэкономии и экономической социологии с целью выявления словосочетаний с опорным словом *мегатренд* в названиях научных работ. Сам факт возрастания или снижения частотности использования подобных словосочетаний с опорным словом *мегатренд* в названиях научных работ, опубликованных в тот или иной период, может определенным образом характеризовать как сам спектр социально-экономических мегатрендов, так и динамику их развития.

Как справедливо заметила по этому поводу И.В. Маршакова-Шайкевич, «библиометрия представляет собой количественные исследования, направленные не на получение конкретной информации о проблемах, а на выявление тенденций и, главным образом, - долговременных тенденций»¹. В частности, именно библиометрический подход лежит в основе созданного компанией «Elsevier» аналитического инструмента «SciVal spotlight», используемого для выявления и экстраполяции количественных данных о развитии научно-технологических мегатрендов: «Основная задача этого инструмента заключается в оценке результатов исследовательской деятельности в организации по всем отраслям науки... Разработчики «SciVal spotlight» взяли за основу более детализированную модель текущей структуры науки. Наиболее цитируемые публикации объединяются на основе ко-цитирования в 84 тыс. научных кластеров (competencies), отражающих активные исследовательские фронты в различных областях знания, каждый из которых развивается группой ученых, образующих виртуальный научный коллектив. Для удобства представления выделенные кластеры сводятся в 554 дисциплины»².

Вместе с тем, оценивая продуктивность количественных, библиометрических подходов к выявлению социально-экономических, научно-технологических и прочих мегатрендов, следует согласиться с выводом Л.Г. Новиковой о том, что простая линейная «экстраполяция по самой своей сути не может указать на будущие качественные изменения прогнозируемого объекта, ибо представляет собой механическое распространение современных тенденций и динамики развития на будущее в виде кривых количественного роста»³. Нередко использование метода простой линейной экстраполяции выявленных количественных данных о каком-либо явлении на его будущее развитие приводит к курьёзам. Один из таких курьёзов (книга «Год 2000» Г. Кана и А. Винера, опубликованная в Лондоне в 1967 г.) рассматривается в статье известного российского футуролога Ю.В. Яковца: «Герман Кан взял всего лишь один показатель – валовой продукт на душу населения в его динамике за прошлые годы – и экстраполировал эту тенденцию на будущее. Получилась потрясающая воображение картина. В середине 60-х годов упомянутый показатель составлял в США более 3500 долл., в наиболее развитых странах Западной Европы – около 2000, в СССР – свыше 1250, а в Китае, Индии, Индонезии – меньше 100. При

¹ Маршакова-Шайкевич И.В. Вклад России в развитие науки: библиометрический анализ. М., 1995. С. 8.

² Куракова Н.Г., Цветкова Л.А., Арефьев П.Г. Новые инструменты анализа и прогнозирования исследовательских стратегий в глобальной науке // Наукоевческие исследования, 2012: Сб. научных трудов / Отв. ред. А.И. Ракитов. М., 2012. С. 75.

³ Новикова Л.Г. Социология как судьба: избранное. Воспоминания коллег / Отв. ред. А.Н. Данилов. Мн., 2012. С. 75.

наблюдавшихся тогда тенденциях развитые страны Западной Европы имели шанс достичь положения США 1965 г. лет через двадцать, СССР – через тридцать, а отсталые страны Азии – лет через 300-600. А США к этому времени повысят доход на душу населения в несколько раз и по-прежнему окажутся далеко впереди всех в эмпиреях «постиндустриального общества». Прошло всего три года, и эта «картина будущего» исчезла, как мираж»¹.

Между тем регулярное повторение подобных курьезов в официальных социально-экономических прогнозах является далеко не безобидным делом: «ошибочность прогнозных оценок держит политиков в плену иллюзий, рождает финансовый популизм при наличии колоссальных бюджетных дефицитов, государственных и корпоративных долгов, ведёт к безответственной экономической политике, не учитывающей глубокой пропасти между громадными оборотами искусственно раздутого в объёмах фондового рынка и реальной стоимостью материальных активов, реальной экономикой»².

Сравнивая подобные наукообразные социально-экономические прогнозы, построенные на основе экстраполяции, с предсказаниями известных писателей прошлого, российский философ А.И. Ракитов приходит к заключению, что «наиболее реалистические прогнозы делали именно беллетристы – писатели-фантасты. Знаменитый французский фантаст Жюль Верн в романе «Париж в XX веке» предсказал не только абсолютное господство мощных финансовых группировок, но и внедрение компьютеров в банковское дело, электропоезда, электрификацию быта, распространение массового официального образования и т.п. Карелу Чапеку принадлежит не только приоритет введения слова «робот», он написал роман о восстании роботов, где впервые говорится о технострессе, о компьютерном алармизме (от французского *alarme* – тревога), о судьбе цивилизации и человека в техногенной среде. Алексей Толстой предугадал в «Гиперболоиде инженера Гарина» военное использование лучевой энергии, а Александр Беляев в своих романах и повестях, опираясь на идеи Николая Федорова и Константина Циолковского, нарисовал яркую картину освоения околоземного космического пространства»³.

Причем более высокая точность социально-экономических, научно-технических и прочих прогнозов, сделанных известными писателями прошлого (по сравнению с прогнозами ученых того времени), на наш взгляд, обусловлена тем, что в основу писательских прогнозов была положена социальная, а не экономическая составляющая жизни общества того времени. Осознание указанной особенности писательских прогнозов приводит А.И. Ракитова к следующему выводу: «прогнозируя состояние науки и технологии в XXI веке, мы должны прежде всего уяснить, что оно будет зависеть не столько от законов рынка, сколько от нашей воли жить, воли к настоящему благополучию, в котором

¹ Яковец Ю.В. Искусство научного предвидения: доктрины, технологии, сценарии // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 4. С. 111.

² Якутин Ю.В. Прогнозирование будущего из будущего // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79. № 8. С. 736.

³ Ракитов А.И. Заглядывая в будущее. Наука XXI века: глобальные трансформации и российская перспектива // Наука и жизнь. 1998. № 12. С. 3-4.

главной ценностью будет не прибыль, а гармоническое развитие личности, права человека, социальная стабильность, высокая культура и образованность»¹.

По указанным выше причинам, рассматривая «ахиллесову пяту» экстраполяционного прогнозирования («оно срабатывает в рамках сложившихся тенденций, одной фазы цикла, но теряет свою силу, когда происходит перелом тенденций»²), Ю.В. Яковец при подготовке долгосрочных прогнозов отдает предпочтение использованию трендовых моделей, в процессе разработки которых учитываются как результаты экстраполяции наблюдаемых тенденций, так и эвристические возможности разного рода аналитических моделей (сценариев, матриц и т.п.): «Речь идет не о линейной экстраполяции, а об учете закономерной неравномерности, цикличности динамики, где взлёты перемежаются спадами, подъёмы – кризисами»³.

К числу практических подходов, ставящих целью выявление социально-экономических мегатрендов, следует отнести и лексико-статистическую обработку текстовых материалов больших электронных банков и баз данных по ключевому дескриптору *мегатренд*. Можно назвать и еще более современные компьютерные подходы к выявлению социально-экономических мегатрендов:

1) трендовый анализ, под которым понимается «сбор и обработка данных за различные периоды времени и сравнение каждой позиции отчетности с рядом предшествующих периодов с целью определения основной тенденции динамики показателя (тренда)»⁴;

2) разработанный компанией Google аналитико-поисковый инструмент Ngram Viewer, или n-gram-анализ⁵, в основе использования которого лежит огромная электронная библиотека из 5-ти миллионов оцифрованных книг, среди которых – немало книг на русском языке. Причем из указанной массы книг было получено около 500 млрд. словосочетаний («n-grams»), в числе которых представлены и словосочетания с опорным словом *мегатренд*. Более того, «для каждого «n-gram» определяются перечень и страницы книг, в которых это словосочетание обнаружено, а также его встречаемость»⁶.

Сравнивая достоинства и недостатки перечисленных выше теоретических и практических подходов к выявлению социально-экономических мегатрендов, можно сделать следующий вывод: по ряду объективных причин на данном этапе развития социально-экономического прогнозирования при описании социально-экономических мегатрендов предпочтение пока отдается теоретическим, качественным методам (методу экспертных оценок, гипертекстовому подходу, контент-анализу и др.), хотя быстрое развитие предметно-ориентированных компьютерных корпусов и современных информационных технологий, опи-

¹ Там же. С. 8.

² Яковец Ю.В. Указ. соч. С. 110.

³ Там же. С. 109.

⁴ Кандыбович Л.А., Мудрик А.В. Менеджмент знаний. Терминологический словарь-справочник. Мн., 2010. С. 520.

⁵ Hayes B. Bit Lit: With digitized text from five million books, one is never at a loss for words // American Scientist. 2011. Vol. 99. № 3. P. 190-194.

⁶ Московкин В.М. Google Books и «культурологические тренды» // НТИ. Сер. Организация и методика информационной работы. 2012. № 7. С. 27.

рающихся на безграничные возможности электронных библиотек, уже в самом ближайшем времени изменит данное предпочтение в пользу практических, количественных методов прогнозирования (библиометрического метода, лексико-статистического анализа, трендового анализа, аналитического инструмента «SciVal spotlight», n-gram-анализа и др.). Вместе с тем, на наш взгляд, не следует бросаться из одной крайности в другую. Только взятые в совокупности, данные практические и теоретические подходы смогут составить основу той комплексной методологической системы, которая позволит сформировать научно обоснованные предположения относительно перспектив развития той или иной отрасли социально-экономической сферы, того или иного социально-экономического мегатренда.

Сравнительный анализ российских и белорусских мегатрендов

Проведение сравнительных межстрановых исследований обусловлено целым рядом объективных причин, достаточно подробно описанных в публикациях компаративистов. Во-первых, «сравнение – это средство приобретения знания. Поскольку осознание единичного факта связано с пониманием многих фактов, поскольку частное мы лучше постигаем в свете всеобщих, универсальных представлений, проведение сравнения между государствами на межстрановом уровне в десятки раз увеличивает возможность объяснения того или иного явления. Исследователь, изучающий только одну страну, может интерпретировать как нормальное то, что на самом деле компаративисту представляется аномальным»¹.

Во-вторых, как показывает практика сравнительных межстрановых исследований, «существуют две главные причины проведения специфических межгосударственных сравнений. Одна из них связана с эмпирическим тестированием различных объясняющих гипотез, которые якобы выходят за пределы государственных границ... Вторая причина необходимости проведения специфических межгосударственных сравнений состоит в том, что лучше всего можно определить как доказательное разъяснение. Центральной задачей такого анализа является углубленное понимание особенностей какой-либо страны путем сопоставления ее опыта с опытом других государств»².

Наконец, межгосударственные сравнительные исследования способствуют выявлению «апробированного временем и международной научной практикой знания (порой его называют международной научной традицией)», учет которого «позволяет исследователю не растратить отведенные жизнью время и силы на что-нибудь «модное», но не очень существенное для развития избранной области знаний»³.

Из перечисленных выше причин реализации сравнительных, межстрановых исследований для обоснования проводимого нами сравнительного анализа

¹ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология / Пер. с франц. М., 1994. С. 19.

² Сандерс Д. Некоторые методологические соображения о сравнительных межгосударственных исследованиях // Международный журнал социальных наук. 1995. № 9. С. 32.

³ Щербин В.К. Белорусская и литовская терминологии: сравнительный анализ // Terminologija. 2008. Вып. 15. С. 43.

российских и белорусских мегатрендов больше всего подходит та, которая ориентирована на углубленное понимание особенностей одной страны путем сопоставления ее опыта с опытом другой страны. При этом выявление указанного опыта проводилось нами при помощи гипертекстового и контент-анализа на материале уже опубликованных описаний российских и белорусских социально-экономических мегатрендов.

Как показало наше исследование, в России сегодня действуют следующие социально-экономические мегатренды и тенденции (с целью экономии текстового пространства после каждого выявленного мегатренда (тенденции) указываются только фамилии авторов российских работ, в которых описывается данный мегатренд):

- . *депопуляционный тренд* (О.Д. Захарова, Л.Л. Рыбаковский);
- . *тенденция трансформации социальных практик в социальные технологии* (И.Т. Касавин);
- . *тенденция доминирования полипарадигмального подхода в социологии* (Ю.Н. Давыдов);
- . *тенденция к доминированию информационно-сетевого принципа в организации общества* (А.П. Кочетков);
- . *тенденция к усилению роли новых медиа (социальных сетей и блогов) в жизни общества* (В.В. Павленко);
- . *тенденция к делению социальных сетей на узкоспециализированные социальные сообщества по различным тематикам и критериям, объединяющим их пользователей* (В.В. Павленко);
- . *тенденция к созданию наукой искусственной конструкции, заменяющей реальность и усложняющей ее понимание* (Н.Б. Шулевский);
- . *тенденция научного сообщества к замыканию и превращению в касту, свободную от всякого общественного контроля* (С. Переслегин, Е. Переслегина);
- . *тенденция роста показателя «стоимости» одной научной публикации* (М. Гельфанд, Д. Ливанов);
- . *тенденция к формированию смешанной экономики* (В.М. Кульков);
- . *тренд развития техносферы и тренд технологического преобразования человека* (Д.И. Ицков);
- . *тенденция к расширению интеллектуальной базы принятия оперативных и стратегических решений по научно-инновационной поддержке конкурентоспособной экономики* (Ю.А. Ковылин, С.А. Лебедев);
- . *тенденция к стремительному росту объемов информации, поступающей в организации* (Т. Сорокина);
- . *тенденция опережающего роста знаниеемких услуг для бизнеса (различные виды консалтинга, системная интеграция, подготовка специалистов и т.п.)* (Е.Ю. Хохлов, С.Б. Шапошник);
- . *тенденция к возрастанию значения теоретических разделов науки, связанных с процессом формализации знания* (Ю.И. Мирошников);
- . *тенденция концентрации инновационной деятельности в сверхкрупных компаниях России* (Е.В. Шавина);

- . тенденция развития наук об обществе в направлении интеграции, освоения пространств и стыков междисциплинарного характера (В.В. Журавлев);
- . мегатренд тотальной деинтеллектуализации России (А.С. Панарин);
- . тренд снижения качества управленцев (В. Гришин);
- . тенденция к снижению эффективности научного труда (Н.И. Макешин);
- . тенденция к умножению количества инноваций и их быстрой смене (Е.В. Балацкий);
- . долгосрочная тенденция спада научного капитала (А.Е. Варшавский, О.С. Сироткин);
- . тенденция сползания на сырьевую периферию мировой экономики (Л.Б. Вардомский, С.П. Глинкина, М.Ю. Головнин, Л.З. Зевин, Л.С. Косикова, Е.М. Кузьмина, Д.И. Ушкалова, А.В. Шурубович);
- . тенденция уменьшения доли прибыли и повышения доли амортизации в собственных источниках финансирования инвестиционной деятельности предприятий (Л.Л. Игонина);
- . тенденция повышения спроса на высшее образование (О.Л. Гузакова);
- . тенденция снижения в течение почти двух десятилетий доли очной формы обучения и рост заочной (О.Л. Гузакова);
- . тренд проведения новой индустриализации России (С. Губанов, О.А. Романова, В. Рязанов);
- . тенденция утраты социальными науками возможности вести объективный и непредвзятый анализ (С. Соколовский);
- . тренд увеличения различия между заработной платой верхнего доходного дециля населения и заработной платой нижнего дециля до 30 и более раз (И.Н. Сиземская);
- . тенденция роста интенсивности заявлений о необходимости инновационного развития России (Н.Г. Багдасарян, Е.А. Гаврилина);
- . тенденция катастрофического падения профессионализма российских граждан (Н.Г. Багдасарян, Е.А. Гаврилина);
- . тенденция к политизации науки и научной деятельности (Л.Е. Басовский);
- . тенденция к примитивизации научно-технической сферы (Р.С. Гринберг) и др.

Здесь приведены только несколько десятков отобранных нами социально-экономических мегатрендов, действующих сегодня в народном хозяйстве России. В действительности же их насчитывается несколько тысяч, и задача по их описанию все еще сохраняет свою актуальность. Для сравнения: «сообщество TrendHunter.com собирает новинки, изобретения, тренды. В онлайн собрано около 15 тыс. трендов»¹.

¹ Маркова В.Д., Кузнецова С.А. Стратегический менеджмент: понятия, концепции, инструменты принятия решений: Справочное пособие. Новосибирск, 2010. С. 119.

Несколько иной и более узкий набор социально-экономических тенденций и мегатрендов действует в рамках социально-экономической сферы Беларуси:

- . тенденция к сокращению социогуманитарной составляющей в науке и образовании (Ч.С. Кирвель);
- . тенденция увеличения числа белорусских предприятий, которые представляют продукцию иностранных фирм, предприятий, налаживающих совместное производство (С.В. Енин);
- . тенденция различных отраслей науки к методологической и проблемной интеграции, а через нее - к концептуальному синтезу (С. Мякчило, Л.Г. Новикова, А. Спасков);
- . тенденция естественной убыли населения (Н.Я. Кажуро);
- . тенденция к превращению состязательной экономики в экономику сотрудничества (В.В. Новик);
- . тенденция мутации Беларуси в объект экспансии Запада и Востока, ристалище их противостояния (И.Я. Левяш);
- . тенденция к сохранению соотношения доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения на уровне 5,2 раза (К.В. Ковалевская);
- . тенденция массовизации высшего образования (Н.Л. Грибанова);
- . тенденция улучшения результатов выполнения отраслевых планов освоения разработок государственных научно-технических программ (А.А. Конончик, Л.М. Недилько, Г.Г. Перевозникова);
- . тенденция к технократизации научных кадров (П.П. Димитрук);
- . тенденция сокращения численности специалистов с высшим образованием, выполняющих исследования и разработки (И.Н. Шарый);
- . тенденция к общему снижению подготовленности абитуриентов по стране (М. Носова, В. Новокшенова) и др.

Сравнение приведенных выше перечней российских и белорусских социально-экономических мегатрендов позволило выявить как общие для России и Беларуси мегатренды и тенденции (*тенденция естественной убыли населения, тенденция сокращения научного потенциала страны, тенденция падения образовательного уровня и профессионализма граждан, тенденция повышения спроса на высшее образование, тенденция формирования смешанной экономики и др.*), так и специфические мегатренды, характерные только для одной страны (для России: *тенденция сползания на сырьевую периферию мировой экономики, тенденция к политизации науки и научной деятельности, тенденция к примитивизации научно-технической сферы и др.*; для Беларуси: *тенденция к сокращению социогуманитарной составляющей в науке и образовании, тенденция к превращению состязательной экономики в экономику сотрудничества, тенденция мутации Беларуси в объект экспансии Запада и Востока, тенденция к технократизации научных кадров и др.*).

Сопоставительная интерпретация результатов изучения российских и белорусских мегатрендов

Адекватную сопоставительную интерпретацию выявленных совпадений и расхождений между перечнями социально-экономических мегатрендов, наблюдаемых в народнохозяйственной практике России и Беларуси, можно дать только в том случае, если определена основа для сравнений, так называемый *tertium comparationis* («третье сопоставительное»). В качестве такой основы для сопоставления национальных мегатрендов обычно выступают одноименные мировые мегатренды. Поочередное сопоставление выявленных российских и белорусских социально-экономических мегатрендов с одноименными мировыми мегатрендами показало следующее:

1) ряд общих для России и Беларуси социально-экономических мегатрендов полностью соответствует аналогичным общемировым мегатрендам. К примеру, российская *тенденция повышения спроса на высшее образование* (О.Л. Гузакова) и белорусская *тенденция массовизации высшего образования* (Н.Л. Грибанова) хорошо коррелируют с *общемировой тенденцией к увеличению доли людей с высшим образованием* (Л.П. Верёвкин, О.Л. Верёвкин);

2) ряд общих для России и Беларуси социально-экономических мегатрендов имеет иной (по сравнению с одноименным общемировым мегатрендом) вектор своей направленности. Так, российский *депопуляционный тренд* (О.Д. Захарова, Л.Л. Рыбаковский) и белорусская *тенденция естественной убыли населения* (Н.Я. Кажуро) кардинально расходятся с *глобальной тенденцией к быстрому росту мирового населения* (М.М. Ковалев, С.И. Пасеко);

3) ряд российских социально-экономических мегатрендов совпадает с одноименными мировыми мегатрендами, а сопоставимые белорусские мегатренды расходятся с аналогичными мировыми. К примеру, в современном мире наблюдается *нарастающая тенденция расслоения жителей планеты по уровню жизни* (Б.А. Малицкий) и ей полностью соответствует российский *тренд увеличения различия между заработной платой верхнего доходного дециля населения и заработной платой нижнего дециля до 30 и более раз* (И.Н. Сиземская). В то же время белорусская *тенденция к сохранению соотношения доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения на уровне 5,2 раза* (К.В. Ковалевская) плохо коррелирует с одноименными мировым и российским мегатрендами, в чем нет, на наш взгляд, ничего плохого. Это именно тот случай, когда, «меняя тенденцию, можно уверенно получить нужную ситуацию»¹, а именно, ситуацию социальной стабильности в обществе;

4) ряд белорусских социально-экономических мегатрендов совпадает с одноименными мировыми мегатрендами, а сопоставимые российские мегатренды расходятся с аналогичными мировыми. В частности, как свидетельствует Ф. Фукуяма, «более богатые государства имеют тенденцию получать основную часть национального благосостояния через государственный сектор»² и белорусская экономика развивается в рамках данной мировой тенденции, чего не

¹ Почепцов Г.Г. Стратегия: Инструментарий по управлению будущим. 2-е изд. М., 2009. С. 63.

² Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Пер. с англ. М., 2006. С. 44-45.

скажешь о российской экономике: «В России в 1995 г. на долю негосударственной собственности приходилось 74% основных фондов, а государственной – 26%. В Белоруссии в 1995 г. соотношение было противоположным – 24% и 76%, соответственно»¹.

Отмеченные выше различия в векторной направленности ряда одноименных российских и белорусских социально-экономических мегатрендов, на наш взгляд, являются в настоящее время главным препятствием на пути дальнейшего развития Союзного государства². Ибо такое интеграционное объединение, как Союзное государство, может быть построено только в результате целенаправленной практической реализации принципа социальной справедливости, которая осуществляется обычно «путем налогового перераспределения доходов от богатых к бедным и загрузки трудоспособных, чтобы помочь еще или уже не трудоспособным»³. При этом ключевую роль в реализации указанного принципа социальной справедливости должны играть стремящиеся к объединению государства, а не ориентированный исключительно на получение прибыли рынок.

В пользу данного вывода можно привести следующие аргументы. Во-первых, поступательное развитие Союзного государства зависит не только от экономических успехов входящих в его состав национальных хозяйственных субъектов, но и от продуманности и обоснованности социально-экономических решений наднациональных органов, обеспечивающих одинаковые условия хозяйствования и равный доступ к общественным благам для всех физических и юридических лиц, входящих в данное интеграционное объединение. Вопрос доверия к таким наднациональным органам и правомерности их действий со стороны национальных хозяйственных субъектов и физических лиц становится первоочередным: «если в малых социальных группах (национальных государствах. – *В.Щ.*) контроль за справедливым распределением общих благ между всеми реализуем довольно легко, то в больших группах (интеграционных союзах и объединениях государств. – *В.Щ.*) каждый человек анонимен, и безнаказанное нарушение справедливости – не редкость. В этом случае необходимо принуждение к участию в общих затратах (например, через сбор налогов) на поддержание должного уровня общественных благ. То есть по самой своей природе общественная (союзная. – *В.Щ.*) экономика нуждается в инстанциях, наделенных правом принуждения. Более того, само обеспечение законности и порядка – общественное благо, которое становится условием обеспечения всех прочих благ. Рыночная экономика, построенная на принципах исключаемости,

¹ Иванов В.Н., Овсиенко Ю.В., Тихонов А.О., Ясинский Ю.М. Сравнительный анализ институциональной и социально-экономической динамики России и Белоруссии (1990-е годы) // Экономика и математические методы. 2010. Т. 46. № 3. С. 9.

² Дедков С.М., Щербин В.К. Курс на социальную справедливость – ключевое условие дальнейшего развития Союзного государства // Гуманитарное сотрудничество – основа углубления интеграции и инновационного развития Союзного государства. Научные материалы Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства. Вып. 4 / Под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. Мн., 2012. С. 100-118.

³ Гриценко Н.Н. Формирование единой социальной политики на принципах социального государства // Перспективы интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Мн., 2001. С. 627.

обмена и добровольного взаимодействия, общественные блага обеспечивать не может»¹.

Во-вторых, вопрос о справедливом распределении общих благ имеет ключевое значение для судьбы любого государства (Союзное государство не является исключением), поскольку от его решения во многом зависит формирование устойчивых общественных представлений о национальных и союзных интересах, защита которых, как правило, объединяет страны и народы, входящие в состав такого Союзного государства, в единое целое. В частности, академик РАН А.А. Кокошин считает, что «устойчивые представления о национальном интересе существуют там, где в обществе нет слишком большого разрыва между различными слоями общества, где есть значительный по своей численности и социально-политическому влиянию средний класс»². К сожалению, удельный вес последнего в структуре населения Беларуси и России не превышает 15-20%³. Во многом созвучную мнению А.А. Кокошина мысль высказывает и российский социолог Г.Г. Силласте: «Социальная история учит, что чем менее однородна социальная общность, тем меньше вероятность, что ее представители будут иметь общее сознание и действовать сообща»⁴.

Таким образом, проведенный нами сравнительный анализ российских и белорусских социально-экономических мегатрендов позволил выявить ряд существенных расхождений между перечнями социально-экономических мегатрендов, наблюдаемых в народнохозяйственной практике России и Беларуси. Наличие таких расхождений не способствует успешному завершению интеграционного проекта под названием «Союзное государство». На наш взгляд, преодолеть указанные расхождения можно только в том случае, если социально-экономическая динамика развития России и Беларуси, во-первых, будет иметь одинаковую векторную направленность и, во-вторых, получит вид стратегического мегатренда к постепенному сближению всех ключевых параметров развития двух государств.

Необходимо, чтобы руководители России и Беларуси четко осознавали следующий футурологический императив: «на долгосрочную перспективу прогнозировать будущее можно только из будущего. Именно глядя как бы сверху, из будущего, хорошо представляя его характерные черты и цель развития общества, можно получить целостную картину проблем сегодняшнего и завтрашнего дня и всей цепочки эволюционных преобразований вплоть до достижения заданной цели»⁵ - построения Союзного государства.

Механизм реализации указанного футурологического императива подробно описан российским исследователем С.Г. Кара-Мурзой и включает в себя выполнение следующих условий:

¹ Тульчинский Г.Л. Обессиленное общество // Знамя. 2010. № 1. С. 169.

² Кокошин А.А. О стратегическом планировании в политике. М., 2007. С. 61.

³ Годин Ю.Ф. Сравнительная эффективность экономических моделей России и Белоруссии в рамках Союзного государства // Постсоветское пространство: реалии и перспективы / Под общей ред. Б.А. Шмелева. М., 2009. С. 203.

⁴ Силласте Г.Г. Интеллигенция в период глобального кризиса // Безопасность Евразии. 2009. № 4. С. 70.

⁵ Якутин Ю.В. Указ. соч. С. 737.

1) исходной точкой процесса прогнозирования должна выступать четкая постановка общей цели: «Предвидение позволяет власти проектировать будущее, осуществляя целеполагание. Это соединяет людей в народы и нации, наполняет действия каждого общим смыслом»¹;

2) общую цель в прогнозе лучше всего оформить в виде понятного всем образа будущего: «образ будущего собирает людей в народ, обладающий волей. Это придает устойчивость обществу в его движении, развитии. В то же время образ будущего создает саму возможность движения (изменения), задавая ему вектор и цель. Оба условия необходимы для существования сложных систем, каковыми и являются общества и народы. Образ будущего задает народу «стрелу времени» и включает народ в историю. Он соединяет *прошлое, настоящее и будущее*, скрепляет *цепь времен*. Рациональность «исторических народов» включает как необходимые элементы рефлексии (память), логический анализ настоящего, предвидение будущего»².

Показательным является то, что о необходимости формирования в процессе прогнозирования соответствующего образа будущего в виде мечты, надежды, утопии, сказки говорил в беседе с главным редактором Интернет-портала www.sinoviev.info А.С. Блиновым и такой известный социальный философ, как А.А. Зиновьев: «Нам нужна мечта, надежда, утопия. Утопия – это великое открытие. Если люди не изобретут новую, на первый взгляд, никому не нужную утопию, то они не выживут в качестве людей. Нам нужна сказка: людям важно, в какой они верят туман и какая им верится сказка ... эту сказку нужно начинать писать с конца и чтобы этот конец был обязательно счастливым»³;

3) обязательными элементами прогнозирования, наряду с целеполаганием (формированием образа будущего), должны быть следующие процессы: а) локализация цели (образа будущего) в пространстве и времени; б) недвусмысленная связь этой цели (этого образа будущего) с рефлексией как особым типом анализа. Относительно необходимости реализации этих двух условий успешного прогнозирования С.Г. Кара-Мурза писал следующее: «Целеполагание выступает в связке с рефлексией. Одно без другого недействительно. Невозможно ставить цель на будущее, не подведя итога прошлому как результату предыдущих решений. Проектирование будущего выполняется в конкретных координатах пространства и времени. Исходная точка каждого проекта – «здесь и сейчас». Мы проектируем будущее не из реальности США или Швеции, не из царской России или СССР, а из РФ начала XXI века. Для понимания сущности исходной точки надо знать ее генезис (зарождение и развитие в прошлом) и динамику изменений. Для этого необходима рефлексия как особый тип анализа. Общество без рефлексии не имеет будущего»⁴.

¹ Кара-Мурза С.Г. Управление развитием. Проблема предвидения и проектирования будущего // Свободная мысль. 2010. № 12. С. 107.

² Там же. С. 111.

³ Блинов А.С. Вселенная по имени «Зиновьев» // Александр Александрович Зиновьев: опыт коллективного портрета / Авторы-сост.: О.М. Зиновьева, О.Г. Назаров. М., 2013. С. 27.

⁴ Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. С. 117.

К описанному выше механизму реализации ключевого футурологического императива от себя добавим следующее: постановка прогнозной цели (формирование образа будущего), ее локализация в пространстве и времени, обязательная связь с рефлексией, как особым типом анализа, - все эти обязательные элементы успешного прогнозирования имеют в своей основе выявление, описание и использование тенденций, трендов и мегатрендов. В частности, поставленной в прогнозе цели добиться легче, если она определена с учетом существующих трендов: «Тренды указывают направление, в котором движется страна. Решения принимать нам, но тренды – как лошади: на них легче ехать туда, куда они сами направляются. Если вы принимаете решение, согласованное с перекрывающим трендом, он будет служить вашим целям»¹. Локализацию прогнозной цели в пространственно-временных координатах осуществить легче с учетом тенденций и мегатрендов, поскольку последние имеют временную протяженность в прошлом, настоящем и будущем: «Будущее есть реализация тенденций и потенциалов настоящего»²; «Тренды фиксируют признаки завтрашнего дня сегодня»³. Наконец, выявленные тенденции и мегатренды можно использовать в качестве своеобразной «лакмусовой бумажки» в процессе прогнозирования будущего: поскольку эти тенденции и мегатренды несут на себе отпечаток прошлых социально-экономических условий, то их всегда можно в рефлексивном порядке «примерить» к сегодняшним или будущим условиям. И если последние уже изменились (или с большой долей вероятности будут меняться в ближайшем будущем), то новые народнохозяйственные проблемы не следует решать на основе давно сложившихся тенденций и мегатрендов.

Выводы

Завершая рассмотрение российских и белорусских социально-экономических мегатрендов, а также механизмов их реализации в народнохозяйственной практике двух стран, следует особо подчеркнуть следующие моменты:

1) необходимость дальнейшего изучения, описания и использования национальных и мировых мегатрендов указанного типа в социально-экономической практике России и Беларуси не подлежит сомнению. Как справедливо заметил С.П. Ткачев, «современные тенденции мирового развития диктуют структурам государственной власти и управления определенную логику поведения. Нежелающие следовать этим императивам государства обрекают свои страны на отставание и утрату суверенитета, а своих граждан – на прозябание. Наш собственный опыт начала 90-х годов ушедшего XX века как раз служит доказательством и свидетельством этого. В течение указанного периода мы оказались отброшены по ключевым показателям народнохозяйственного развития на несколько десятков лет назад»⁴;

¹ Нейсбит Дж. Указ. соч. С. 20-21.

² Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. С. 484.

³ Маркова В.Д., Кузнецова С.А. Указ. соч. С. 121.

⁴ Ткачев С.П. Об опыте прогнозирования социально-экономического развития Республики Беларусь (Методология и практика среднесрочного прогнозирования) // Наука – народному хозяйству: Монография. Мн., 2002. С. 93.

2) в процессе формирования комплексной методологической системы социально-экономического прогнозирования будущего России и Беларуси необходимо учитывать весь накопленный в мире прогностический опыт, поскольку «понять прошлое, оценить с необходимой четкостью настоящее, а также уловить черты и тенденции, ориентирующие нас в будущее, можно лишь на базе беспристрастного осмысления всего – без изъятий и купюр – духовного багажа ушедших поколений»¹;

3) существующая методология выявления мегатрендов (тенденций) имеет определенные пределы своего использования в социально-экономической практике России и Беларуси. Во всяком случае, «нельзя забывать, что всякая прогрессивная тенденция может превратиться в свою противоположность, если она выйдет за оптимальные границы, определяемые всей совокупностью закономерностей общественной эволюции»²;

4) действенность существующей методологии выявления и использования мегатрендов (тенденций) определяется наличием в стране хорошо отработанных механизмов практической реализации ключевых положений прогнозных документов стратегического характера. Именно стабильная работа указанных механизмов в России и Беларуси позволит сделать проектируемый образ будущего (мечту, сказку) такой реальией сегодняшнего дня, которая лучше, чем что-либо иное, объединит и вдохновит социальные массы на пути движения к этому образу будущего.

Литература

1. Анчишкин А.И. Наука. Техника. Экономика. М., 1986.
2. Бестужев-Лада И.В. Заключение // Малая российская энциклопедия прогностики. М., 2007. С. 305-324.
3. Блинов А.С. Вселенная по имени «Зиновьев» // Александр Александрович Зиновьев: опыт коллективного портрета / Авторы-сост.: О.М. Зиновьева, О.Г. Назаров. М., 2013. С. 24-35.
4. Бурдые П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдые. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М., 2001. С. 49-95.
5. Годин Ю.Ф. Сравнительная эффективность экономических моделей России и Белоруссии в рамках Союзного государства // Постсоветское пространство: реалии и перспективы / Под общей ред. Б.А. Шмелева. М., 2009. С. 200-214.
6. Гриценко Н.Н. Формирование единой социальной политики на принципах социального государства // Перспективы интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Мн., 2001. С. 626-627.
7. Дедков С.М., Щербин В.К. Курс на социальную справедливость – ключевое условие дальнейшего развития Союзного государства // Гуманитарное

¹ Журавлев В.В. Общественная мысль России в интеллектуальном пространстве энциклопедий // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы междунар. науч. конф. М., 2011. С. 82.

² Яковец Ю.В. Исторические законы Питирима Сорокина // Наследие. 2014. № 1. С. 130.

сотрудничество – основа углубления интеграции и инновационного развития Союзного государства. Научные материалы Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства. Вып. 4 / Под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. Мн., 2012. С. 100-118.

8. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология / Пер. с франц. М., 1994.

9. Жуков В.И. «Перестройка»: итоги и уроки // Социальная политика и социология. 2011. № 3. С. 12.

10. Журавлев В.В. Общественная мысль России в интеллектуальном пространстве энциклопедий // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы междунар. науч. конф. М., 2011. С. 82-85.

11. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006.

12. Иванов В.Н., Овсиенко Ю.В., Тихонов А.О., Ясинский Ю.М. Сравнительный анализ институциональной и социально-экономической динамики России и Белоруссии (1990-е годы) // Экономика и математические методы. 2010. Т. 46. № 3. С. 9-13.

13. Ирхин Ю.В. Подходы к разработке глобальных мегатенденций развития в долгосрочном общественном прогнозировании и проектировании // Моделирование реальности в пространстве разнообразия: Гуманитарные исследования общественных процессов. Материалы междунар. науч. конф. (25 октября 2012 г.) / Под ред. А.П. Логунова, М.А. Гордеевой, Н.А. Медушевского. М., 2012. С. 101-112.

14. Калошин В.В. Выявление тенденций развития информатики методом логико-смыслового моделирования проблематики диссертаций // НТИ. Сер. 1. 1983. № 8. С. 5-12.

15. Кандыбович Л.А., Мудрик А.В. Менеджмент знаний. Терминологический словарь-справочник. Мн., 2010.

16. Кара-Мурза С.Г. Управление развитием. Проблема предвидения и проектирования будущего // Свободная мысль. 2010. № 12. С. 107-122.

17. Клинов В.Г. Мировая конъюнктура первой четверти XXI в. и стратегия развития России // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 10. С. 3-10.

18. Кокошин А.А. О стратегическом планировании в политике. М., 2007.

19. Косолапов Н.А. Формирование глобального миропорядка и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 11. С. 3-13.

20. Крылова Ю.В. Технологическая маршрутизация: интеграция стратегического и технологического планирования // Инновации. 2005. № 1. С. 99-101.

21. Куракова Н.Г., Цветкова Л.А., Арефьев П.Г. Новые инструменты анализа и прогнозирования исследовательских стратегий в глобальной науке // Научно-исследовательские исследования, 2012: Сб. научных трудов / Отв. ред. А.И. Раки-тов. М., 2012. С. 65-86.

22. Малая российская энциклопедия прогностики. М., 2007.

23. Мамедов О. Покончить с реализацией устаревших мифов и догм // Мир перемен. 2013. № 2. С. 41-43.

24. Маркова В.Д., Кузнецова С.А. Стратегический менеджмент: понятия, концепции, инструменты принятия решений: Справочное пособие. Новосибирск, 2010.
25. Маршакова-Шайкевич И.В. Вклад России в развитие науки: библиометрический анализ. М., 1995.
26. Московкин В.М. Google Books и «культурологические тренды» // НТИ. Сер. Организация и методика информационной работы. 2012. № 7. С. 27-34.
27. Нейсбит Дж. Мегатренды / Пер. с англ. М., 2003.
28. Несветаев Г.А. Диверсификация научных исследований как составная часть научно-технической политики региона // Научно-техническая политика региона: теория, методология, практика. М., 1991. С. 53-65.
29. Новикова И. Инновационный кластер – основа структурной перестройки национальной экономики // Банкаўскі веснік. 2015. № 6. С. 9-13.
30. Новикова Л.Г. Социология как судьба: избранное. Воспоминания коллег / Отв. ред. А.Н. Данилов. Мн., 2012.
31. Отечественная наука и научная политика в конце XX в.: тенденции и особенности развития (1985-1999) / Под общ. ред. Л.М. Гохберга. М., 2011.
32. Петросян Д.С. Гуманистическая экономика и социальная справедливость // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 18-27.
33. Почепцов Г.Г. Стратегия: Инструментарий по управлению будущим. 2-е изд. М., 2009.
34. Ракитов А.И. Заглядывая в будущее. Наука XXI века: глобальные трансформации и российская перспектива // Наука и жизнь. 1998. № 12. С. 2-8.
35. Сандерс Д. Некоторые методологические соображения о сравнительных межгосударственных исследованиях // Международный журнал социальных наук. 1995. № 9. С. 27-35.
36. Силласте Г.Г. Интеллигенция в период глобального кризиса // Безопасность Евразии. 2009. № 4. С. 63-87.
37. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 15. М.; Л., 1963.
38. Тенденции развития крупных направлений научно-технического прогресса в промышленно развитых странах (Патентно-статистический обзор). М., 1989.
39. Ткачев С.П. Об опыте прогнозирования социально-экономического развития Республики Беларусь (Методология и практика среднесрочного прогнозирования) // Наука – народному хозяйству: Монография. Мн., 2002. С. 88-110.
40. Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Новые идеи в социологии: монография / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2013. С. 10-24.
41. Тульчинский Г.Л. Обессиленное общество // Знамя. 2010. № 1. С. 167-174.
42. Федоренко Н.П. Россия на рубеже веков. М., 2003.
43. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989.

44. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Пер. с англ. М., 2006.
45. Херпфер Х. О международной научно-исследовательской программе «Всемирное изучение ценностей» и Всемирной ассоциации по изучению ценностей // Социология. 2013. № 4. С. 33-41.
46. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер с польск. М., 2008.
47. Щербин В.К. Белорусская и литовская терминологии: сравнительный анализ // Terminologija. 2008. Вып. 15. С. 43-55.
48. Щербин В.К. Процессуальные классификационные схемы как основа научного прогнозирования будущего // Гуманитарный научный журнал. 2014. № 1. С. 76-81.
49. Экономическая энциклопедия / Гл. ред. Л.И. Абалкин. М., 1999.
50. Яковец Ю.В. Искусство научного предвидения: доктрины, технологии, сценарии // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 4. С. 108-114.
51. Яковец Ю.В. Исторические законы Питирима Сорокина // Наследие. 2014. № 1. С. 126-131.
52. Якутин Ю.В. Прогнозирование будущего из будущего // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79. № 8. С. 736-740.
53. Hayes B. Bit Lit: With digitized text from five million books, one is never at a loss for words // American Scientist. 2011. Vol. 99. № 3. P. 190-194.
54. The Oxford English Dictionary. 2nd ed. Vol. XVII. Oxford, 2004.

Глава 3. Экспертиза современной рекламной и PR- продукции

Якубенко Е.Н.

**кандидат экономических наук, доцент
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского
Россия, г. Брянск**

Я 49

УДК 659. 4 + 316. 6

ББК 76. 006+ 88. 5

В настоящее время окружающее нас пространство буквально переполнено различной рекламной и PR-информации. Эта информация постоянно на виду. Иногда она нравится, иногда вызывает раздражение. Но то, она действенна, сможет показать только лишь качественный анализ рекламного продукта. Существуют специальные методики и техники, которые позволяют определить точную оценку действенности рекламы и PR.

Экспертиза – исследование некоего вопроса, требующего специальных знаний, с представлением мотивированного заключения. Для ее проведения привлекаются эксперты, т.е. опытные специалисты в данной области. Экспертиза – это также комплекс мероприятий по исследованию экспертами каких-либо вопросов, решение которых требует специальных познаний в области науки, техники, искусства и т.д. Экспертиза рекламной продукции – это специальное исследование рекламной продукции на соответствие ее законодательству о рекламе, а также на основании психологического анализа потребителя. Экспертизе рекламной продукции посвящены труды Веркмона К., Зазыкина В. Г., Лебедева А. П., Боковикова А. К., Луцхиной И. М., Прониной Е.Е., Пирогова Ю. К., Назарова О.А., Солодова Е. А. и др.

Определить научные подходы к рассмотрению экспертизы рекламной и PR – продукции можно следующим образом:

- маркетинговый;
- психологический;
- экономический;
- лингвистический;
- правовой;
- социологический;
- технологический.

На рисунке 1 представлены характеристики научных подходов экспертизы рекламной и PR – продукции.

Рисунок 1
Научные подходы экспертизы рекламной и PR – продукции



Труды российских и зарубежных ученых социологов, психологов, экономистов, филологи, лингвисты выделяют следующие цели экспертизы рекламной продукции:

- установление соответствия рекламной продукции законодательству о рекламе,
- установление психологической эффективности рекламного сообщения,
- установление влияния рекламы на социально-психологические аспекты жизни общества и населения,
- установление экономической эффективности рекламного сообщения,

- установление выразительности рекламного сообщения и выявление из чего складывается ее воздействие на зрителя или читателя.

В дополнение выше представленным целям представители технологического подхода предлагают:

- установление соответствия техническим показателям бумаги и картона для печати (плотность в первую очередь), техническим показателям краски,

- установление соответствия показателям качества печатных оттисков, соответствия качества печатной продукции требованиям ГОСТ, ISO, ОСТ, ТУ или условиям договора, определение причин появления брака.

Влияние макросреды также является одной из причин проведения экспертизы рекламной продукции, а именно - наружной рекламы. Следовательно, определяет цель экспертизы - определение текущего состояния сооружения, которое является предметом обследования (наружной рекламной конструкции).

Реклама и PR – это продукты интеллектуальной собственности, требующие поддержки авторского права. Имеют место случаи, когда специалисту по рекламе и PR требуется установление природы использованных автором материалов (оборудования) и отнесение их к определенному периоду времени, определение техники работы автора.

Выделяют следующие виды экспертизы рекламной и PR-продукции.

Психологическая экспертиза. Этот вид психологической (психотехнической) экспертизы в редких случаях имеет судебную перспективу, но она все чаще используется не только в маркетинговых исследованиях, но и с целью установления фактора небезопасности рекламы в воздействии на потребителя, пределах ее добросовестности и этичности. Экспертиза предполагает не только анализ формально-содержательных аспектов рекламы с целью выявления источника патогенности на уровне текстовых форматов, но и выявление аффективной реакции потребителей на рекламу. По мнению Е.Е. Прониной, психологическую опасность представляют рекламные воздействия, блокирующие способность человека к адекватному реагированию на жизненные обстоятельства, подрывающие его способности к анализу информации и осознанному выбору, снижающие сопротивляемость внешнему давлению, лишаящие человека чувства индивидуальности, личностной ценности.

Обобщая экспертный опыт, можно отметить, что задачи экспертных исследований произведений искусства (на сегодняшний день многие рекламные продукты можно назвать таковыми) подразделяются на диагностические и идентификационные. К диагностическим задачам относятся установление природы использованных автором материалов (оборудования) и отнесение их к определенному периоду времени, определение техники работы автора.

А в случае применения автором собственных идей и задумок нет необходимости установить достоверность этого (идентификационные). Стилистические признаки произведения искусства позволяют предположить школу, оригинальность или копийность, в отдельных случаях – авторство. Для окончательного решения этих вопросов необходима технологическая аргументация.

Правовая экспертиза – установление соответствия рекламной продукции законодательству о рекламе.

Экономическая эффективность рекламы – полезный экономический эффект от проведения рекламных мероприятий.

Выставочная экспресс-экспертиза – определение уровня и значимости представленного на конкурс проекта, разработки или продукции, и соответственно, их право на существование, перспективы воплощения в конкретный продукт и передачи потребителю.

Речеведческие экспертизы: автороведческая и лингвистическая экспертизы. Автороведческая экспертиза предназначена для исследования письма с целью установления лица, написавшего текст или исполнившего подпись на основании исследования особенностей письменной речи. Позволяет определить пол, возраст, образовательный и культурный уровень, профессию, возможные факторы воздействия на автора в момент создания документа. Могут быть комплексными совместно с психиатрами, психологами, лингвистами.

Задача лингвистической экспертизы являются толкование текстов, интерпретация, перевод объяснение употребления языкового знака с точки зрения плана содержания и плана выражения, установление и подтверждение авторства текста, выявление плагиата.

Социально-психологическая экспертиза телепрограмм исходит из представления, что деструктивное информационное воздействие возможно не только как целенаправленная манипуляция (обман, клевета, намеренное воздействие на бессознательные структуры психики и т.п.), но и как информационное загрязнение социально-психологической экологической среды человека, создающееся в результате гуманитарной и психологической неподготовленности производителей и распространителей информации, а нередко и в результате беспринципной гонки за прибылью и потребителем (зрителем, слушателем, читателем).

Независимая экспертиза качества полиграфической продукции - экспертиза книг, журналов, буклетов, календарей, рекламной продукции. Упаковки для промышленных изделий и товаров народного потребления, обуви, бытовой техники. Экспертиза качества печати и конструкции упаковки для пищевых продуктов и напитков. Экспертиза качества печати на пластиковых и бумажных пакетах, блистерных упаковках. Экспертиза качества офсетной, трафаретной, цифровой печати.

Экспертиза рекламных конструкций (рекламных щитов) – определение текущего состояния сооружения, которое является предметом обследования. После того, как будут выявлены дефекты, необходимо тщательно проанализировать степень износа конструкции. Результат такой работы – прогнозирование дальнейшего поведения исследуемых конструкций при аналогичных условиях эксплуатации.

Экспертиза статейной рекламы - анализ статейной рекламе товаров.

Семиотический анализ информационного сообщения - рассмотрение всей структуры сообщения на каком-либо конкретном примере и определение, отку-

да именно берется выразительность рекламного сообщения и из чего складывается ее воздействие на зрителя или читателя.

Эксперт - это человек, пользующийся репутацией специалиста в области рекламы и способный в рамках принятого формализма и методологии экспертизы, используя свои уникальные приемы и ухищрения, накопленный опыт и интуицию, оценить эффективность того или иного рекламного сообщения (аудио/видео ролика, макета в прессе/наружной рекламе).

Любое экспертное мнение уникально и по-своему ценно. Однако в силу разноплановости рекламы желательно привлекать к экспертизе людей, имеющих опыт в конкретной предметной области рекламируемых брендов. Подбор экспертов был и остается достаточно сложной задачей.

На практической деятельности специалисты по рекламе и PR применяют методику экспертизы информационной продукции, которая включает следующие виды услуг:

- экспертиза печатной продукции анализирует газеты, журналы, книги и другие тексты и изображения на бумажных и электронных носителях,
- экспертиза аудиовизуальной продукции. Мультимедийный продукт может быть предоставлен на любом носителе. Анализируются журналистские материалы, художественные произведения, фильмы и мультфильмы и т.д.,
- экспертиза зрелищных мероприятий.

Экспертиза информационной продукции позволяет определить:

- наличие информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей;
- возрастную категорию информационной продукции;
- соответствие или несоответствие знака информационной продукции, промаркированной её производителем или распространителем, возрастной категории, к которой она относится.

Экспертиза рекламы проводится на этапе именованной торговой марки, продукта, фирмы. Это краеугольный камень последующей маркетинговой стратегии компании, особенно если продвижение предполагается производить на насыщенном рынке в сфере деятельности с высокой конкуренцией. Специалист в области экспертизы владеет научным инструментарием, который позволяет оценить понятийное, образное и эмоциональное значение слов, что будет способствовать эффективности продвижения товарного знака, создаст положительный образ компании. Разнообразные методики исследования и подходы к изучению текста позволяют лингвисту-эксперту определить следующие явления при исследовании рекламной продукции:

- толкование прямого и переносного значения слова (выражения), контекста;
- определение ясно выраженного/подтекстового значения слова (выражения), контекста;
- определение стилистической и языковой нормы оформления текста в соответствии с жанровой спецификой;
- прогнозирование реакции потенциальных потребителей, клиентов на название торговой марки, фирмы, компании и других наименований;

- оценка маркетинговой эффективности названия торговой марки, фирмы, компании и других наименований;
- исследование рекламной продукции на предмет соответствия текста нормам правописания, грамматики, стилистики и культуры речи;
- прогнозирование реакции потенциальных потребителей, клиентов на название торговой марки, фирмы и других наименований;
- оценка положительных/отрицательных эффектов при взаимодействии текстового, звукового и графического оформления в рекламном произведении;
- анализ рекламной продукции на предмет соответствия законодательной базе и корпоративной документации;
- выявление плагиата или эксплуатации чужого коммерческого знака (наименования).

Эксперт-лингвист при исследовании рекламной продукции решает следующие задачи:

- анализ текста, языкового знака (фирменного наименования, доменного имени, торговой марки) с точки зрения:
 - оригинальности, неповторимости, новизны, индивидуальности;
 - сходства до степени смешения на основе фонетических, семантических и графических признаков;
 - определения толкования смысла;
 - определение доминирующего элемента комбинированного товарного знака.

В основу экспертизы полагаются следующие законодательные документы: Федеральный закон «О рекламе», «Закон о защите прав потребителей», Российский рекламный кодекс; антимонопольное законодательство, корпоративные документы.

Эксперты предоставляют:

- аудио- и видеозаписи рекламных роликов, выступлений;
- аудио- и видеозаписи рекламных роликов, выступлений;
- газетные, журнальные и Интернет-публикации;
- брошюры, плакаты, листовки, рекламные макеты и другую печатную продукцию;
- зафиксированные на цифровых носителях изображения рекламных щитов;
- материалы дела, которые имеют прямое отношение к предмету исследования (в случае если экспертиза проводится в рамках арбитражного или уголовного процесса).

Если анализируется звуковая, речевая составляющая рекламного текста или выступления, то ее необходимо дословно расшифровать. Эту процедуру также выполняет специалист-лингвист. Если расшифровка уже предоставлена инициатором экспертизы, то ее необходимо сопроводить носителем с записью. Если нужно проанализировать печатный текст, то на экспертизу предоставляется издание полностью, вырезка или хорошо читаемая ксерокопия, содержащая

предмет исследования и выходные данные. В случае наличия электронной версии издания можно предоставить ссылку на сетевой ресурс.

Особого внимания требуют материалы Интернет-публикаций. Если это статья, то можно предоставить ссылку на сетевой ресурс или принтскрин. В случае анализа текста, помещенного в блоге или сервисе для обмена быстрыми сообщениями (чате), то необходимо предоставить не только бумажную версию данного текста, но и электронную. Это обусловлено тем, что Интернет-коммуникация обладает такой специфической чертой, как гиперссылки, которые не могут быть адекватно изучены на бумаге, то есть вне сетевого пространства.

Если исследованию подлежит сайт, то необходимо предоставить архив на цифровом носителе с указанием даты создания архива. Также при экспертном исследовании блога или сайта необходимо предоставить эксперту возможность изучить объект по месту его нахождения в сети Интернет. Поскольку объекты подобного рода постоянно изменяются, специалист в области Интернет-технологий должен закрепить его и предоставить в электронном виде.

Если говорить в общих чертах, то экспертиза рекламы и PR осуществляется по двум основным направлениям: качественному и количественному. И тот, и другой способ осуществляют различные функции и взаимно дополняют друг друга.

Количественный анализ позволяет решить, сколько товара было продано, и кто его приобрёл. Одним из способов получения данного вида информации является проведение опроса. Полученные данные могут быть объективны в той или иной степени. Качество этого показателя будет зависеть от количества человек, которые отвечали на вопросы опросных листов. Опросы проводят до тех пор, пока не накопят достаточного объёма информации. После чего производится её обработка специально разработанным методом. Этот метод даёт довольно точные результаты с небольшой погрешностью.

Осуществляя оценку эффективности рекламной продукции по качественному показателю, исследователи пытаются ответить на вопросы, почему продукт покупают и каким образом это происходит. Провести достойный анализ этих вопросов с помощью опросных листов практически невозможно, так как покупатели приобретают товар зачастую неосознанно. Используют в этом случае глубинные интервью.

На сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций представлена информация о проведенных экспертизах информационной продукции и их результатах за 2014 и 2015 г.г. Существует и общественная оценка рекламных и PR – продуктов (рисунок 2).

Рисунок 2
Общественная экспертиза и оценка рекламных и PR – продуктов

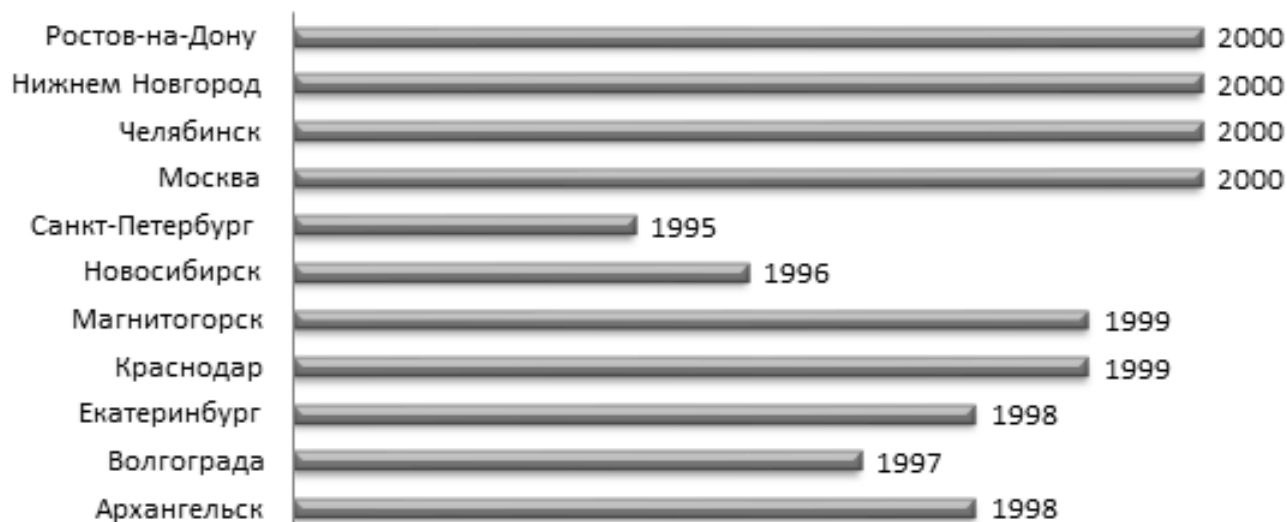


В РФ выделяют следующие организации, занимающиеся общественным регулированием рекламной деятельности.

Рекламный Совет России (РСР) – орган саморегулирования рекламной деятельности. Учрежден в феврале 1995 года. Членами Совета являются ведущие общероссийские ассоциации и объединения рекламных агентств, рекламодателей средств массовой информации, общества потребителей и региональные организации саморегулирования рекламы. В структуру Совета входят Комитеты по выработке этических норм (стандартов) рекламной деятельности и по рассмотрению обращений и практике применения норм саморегулирования и законодательства. Рекламный Совет России – член Европейского Альянса по стандартам в рекламе (EASA), объединяющего 28 национальных организаций саморегулирования рекламы из 26 стран.

На диаграмме 1 представлены региональные организации саморегулирования рекламы и PR.

Диаграмма 1 - Областные, региональные общественные организации и год образования



Российская Ассоциация Рекламных Агентств (РАРА) представляет интересы рекламных агентств России. Основана в 1993 году. Ее учредители: рекламные агентства «Аврора», «Видео Интернешнл», «ИМА-пресс», «Максима», «Новая компания К» и др.

Российское отделение Международной рекламной Ассоциации (ИАА). Организовано в 1993 году, в 1999 году возобновило работу. Основные цели и задачи: объединение сил и интересов представителей основных отраслей, связанных с рекламой, - рекламных агентств, рекламодателей и СМИ, независимо от национальной принадлежности; координация совместных усилий и сотрудничество с органами саморегулирования рекламы и ассоциациями; внедрение новых форм маркетинговых коммуникаций на основе международного опыта; организация и реализация образовательных и других программ.

Национальная рекламная ассоциация (до сентября 1996 года – Ассоциация работников рекламы России) создана в 1989 году с целью содействия развитию рекламного бизнеса и совершенствования рекламной практики в России. Основные направления деятельности: юридическое консультирование организаций, работающих на рекламном рынке; реализация образовательных программ; проведение рекламных конкурсов; фестивалей.

Российская Академия Рекламы – некоммерческая организация, объединяющая физические лица, осуществляющие или осуществлявшие ранее свою деятельность в области рекламы или иных коммуникационных дисциплин, непосредственно с нею связанных и оказавшие определяющее влияние на развитие рекламы в Российской Федерации. Основана 30 мая 2000 г. Учредителем Академии является Российская Ассоциация Рекламных Агентств.

Основными целями Академии являются:

- всемерное содействие разработке фундаментальных основ рекламной деятельности в Российской Федерации и науки о рекламных коммуникациях;

- разработка и анализ стратегических направлений развития отрасли в России;

- разработка индустриальных стандартов и критериев оценки качества рекламного продукта.

Основными задачами Академии являются:

- определение и продвижение высокопрофессиональных образцов рекламного творчества;

- продвижение рекламы как важной составляющей развития экономики страны и жизни российского общества;

- популяризация рекламы и повышение престижа профессии;

- проведение экспертной оценки рекламной продукции, анализ и популяризация лучших образцов российской рекламы;

- участие в образовательной деятельности в области рекламы: разработка и экспертная оценка учебных программ и учебных методических материалов по рекламе и смежным коммуникационным дисциплинам, взаимодействие с высшими учебными заведениями, осуществляющими подготовку специалистов по рекламе.

Российская Ассоциация директ-маркетинга. Создана в 1995 году. Объединяет ряд агентств и организаций, специализирующихся на директ-маркетинге, в частности, на прямой почтовой рассылке. Основные цели: объединение членов Ассоциации в структурированную по видам деятельности индустрию директ-маркетинга; координация усилий по развитию рынка услуг в данной сфере.

Ассоциация рекламодателей. Создана в 1997 году при содействии Торгово-промышленной палаты РФ и Общественного Совета по рекламе. Объединяет 20 крупнейших российских и международных рекламодателей. Представляет и защищает интересы членов ассоциации в органах государственной власти и общественных организациях, во взаимоотношениях со СМИ, рекламными агентствами и обществами потребителей.

Московская рекламная гильдия. Создана в 1998 году при Московской торгово-промышленной палате и объединяет преимущественно агентства, работающие в области наружной рекламы и оформления города.

Союз профессионалов наружной рекламы. Создан в 1999 году. Зарегистрирован Московской регистрационной палатой как некоммерческое партнерство «Содружество профессионалов наружной рекламы» (СПНР) 13 марта 2000 года. На конец 2000 года объединяет 45 членов, в том числе 15 физических лиц.

Ассоциация производителей парфюмерии, косметики и бытовой химии. Создана в 1997 году. Объединяет 16 действительных членов – крупнейшие фирмы-производители парфюмерии, косметики и бытовой химии. Члены Ассоциации: компании «Проктер энд Гэмбл», «Вэлла», «Эйвон», «Свобода», «Л'Ореаль» и другие. Основные цели – представительство и защита интересов ее членов, а также формирование цивилизованного рынка.

Национальная Ассоциация телерадиовещателей (НАТ) – некоммерческое профессиональное объединение государственных и негосударственных эфир-

ных телевизионных компаний. Создана в 1995 году. В состав НАТ входят национальные каналы, крупные региональные сети и станции, локальные компании. Приоритетами деятельности Ассоциации являются представительство и защита интересов телевещателей в законодательных и исполнительных органах государственной власти, информационное обеспечение телекомпаний по вопросам законодательства, правовая поддержка, расширение международных контактов на рекламном и программном рынках.

Российская Ассоциация региональных телекомпаний (РАРТ). Создана в 1995 году. Учредители – 19 телекомпаний из 11 регионов страны. Объединяет более 120 студий и телекомпаний. Основные направления деятельности: развитие региональных телекомпаний; организация творческих встреч и конкурсов; участие в создании законодательной базы отрасли, в том числе в рекламной сфере.

Национальная ассоциация издателей (НАИ) – неправительственная, некоммерческая организация, объединяющая издательские дома России. Учреждена в октябре 1998 года с целью создания сильного и авторитетного издательского пула, способного на государственном уровне отстаивать интересы российских издателей. На конец 2000 года объединяет более 100 крупных российских печатных СМИ. Задачами НАИ являются активная лоббистская деятельность; проведение регулярных консультаций с представителями законодательной и исполнительной власти; организация депутатских запросов; создание института «экспертов НАИ».

Российская ассоциация независимого вещания. Создана в 1999 году. Членами Российской ассоциации независимого вещания является 12 радиостанций: М-Радио, Радио 101,РДВ, Радио «Европа Плюс», Радио «Максимум», Радио «Эхо Москвы», «Русское радио», и др..

Международная конфедерация обществ потребителей (КонфОП). Объединяет национальные и региональные организации потребителей России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Грузии, Туркмении. В 2000 году в ее состав входило 57 членов. КонфОП создана как Федерация обществ потребителей СССР в 1989 году, в 1991 году преобразована в Конфедерацию. Является членом Всемирной организации по защите прав потребителей Consumer's International. Основные задачи деятельности КонфОП: профессиональная помощь потребителям высококвалифицированных специалистов (судебная защита, предоставление независимой и объективной информации, консультации); представительство и защита интересов потребителей в их взаимоотношениях с бизнесом и государством.

Федеральная антимонопольная служба России – служба, которая разрабатывает механизм включения запрещенных к рекламе товаров. Основная задача – экспертиза и оценка соответствия рекламы требованиям законодательства и этическим нормам. В состав экспертного совета вошли специалисты ФАС России, представители других федеральных органов исполнительной власти, научных организаций, эксперты и специалисты в отдельных областях знаний. Предположительно, в работе совета принимают участие эксперты, представляющие

обе заинтересованные стороны – антимонопольщиков и компаний-производителей.

Экспертиза рекламной и PR – продукции – это технология оценки, использующая разнообразные научно-методологические подходы, а также независимую общественную оценку.

Раздел 3. Социальная работа в условиях перехода от деградиционного уклада в опережающих условиях

Глава 1. Социальность в России как итог ее цивилизационного развития

Лифанова Т.Е.
кандидат педагогических наук, доцент
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского
Россия, г. Брянск

Л 64

УДК 316. 722 + 94 (47)

ББК 60. 033 + 63. 3 (2)

Аннотация. Ситуация в социальной сфере требует немедленного глубокого манёвра в сторону конкретного человека, позитивного изменения условий и уровня жизни, возможностей социального и профессионального развития. В главе рассматривается Россия как самоорганизующаяся цивилизационная система. Актуальность исторического познания социальной работы как составной части социальной политики связана с прагматичными задачами. Споры о самостоятельном пути развития России как особой цивилизации заставляют более пристально изучать её прошлое, в нём искать ответы на современные вопросы.

Целью исследования является характеристика социальности в России как итога ее цивилизационного развития, при этом Россия (в том числе и ее социальная система) рассматривается как самоорганизующаяся система, то есть в зеркале синергетики. Предметом исследования является социальная система с цивилизационных позиций.

При исследовании мы использовали особую разновидность абстрагирования – идеализацию, то есть предельный переход от реально существующих свойств явлений и процессов к свойствам идеальным, чтобы лучше понять, к какому возможному пределу мы должны стремиться при принятии решения социальных проблем. Для этого были изучены конкретные факты, выделены среди них основные и второстепенные, они приведены в определённую систему, проанализированы и обобщены. В работе также мы использовали как динамический метод (анализ проблем генезиса, происхождения и развития социальной системы), так и статистический метод (анализ результатов других авторов, различных источников).

Ключевые слова: российское общество, регионалистика, социальная структура, социальная система, цивилизационный подход.

Происходящие в России радикальные общественные преобразования, имеющие, несомненно, цивилизационный характер, затронули пока преимущественно экономические аспекты жизни страны. Если и предпринимались какие-то действия в социальной сфере, то они были либо ошибочны, либо неэффек-

тивны, либо недостаточны. Изменения условий, уровня и качества жизни граждан России трансформировались в социально-экономические проблемы, вызвавшие не менее острые демографические следствия, среди которых можно выделить:

- значительную долю бедной группы населения, включая «социальное дно», при чрезвычайно «скудной» границе бедности;
- беспрецедентную социальную поляризацию, определяемую дифференциацией оплаты труда и доходов, денежных сбережений;
- значительные масштабы безработицы, в том числе латентной;
- деградацию социального обеспечения, включая систему пенсионирования, и фактическое разрушение социальной сферы, которая катится по старым рельсам, но потеряла характер бесплатности и общедоступности.

В настоящее время в исследовании становления социальной системы актуален цивилизационный подход. Потребность в цивилизационном изучении России возрастает по мере того, как общество всё более осознаёт важность задачи самоопределения и самоидентификации, а также масштабы стоящих на этом пути трудностей и проблем.

Отечественная традиция изучения России в её универсально-цивилизационных чертах, представленная в прошлом такими мыслителями, как В. Соловьёв, Н. Бердяев, С. Булгаков, Ф. Степун, Г. Федотов, С. Франк и др., сегодня активно возрождается такими исследователями, как В.Ф. Шаповалов, А.С. Ахиезер, А.В. Оболонский, Б.Н. Земцов, Ф.И. Гиренок и др. Основателями теории локальных цивилизаций принято считать Н. Данилевского, М. Вебера, О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби.

Наша современность ведёт свой отсчёт от преобразований Петра I. Именно с XVIII по начало XIX века российская цивилизация сформировалась как целостность. В ту эпоху в орбиту российской истории вошли народы и культуры, которые до сих пор являются её неотъемлемой частью. Именно тогда Россия увеличила территорию в 36 раз, вышла к Балтийскому, Чёрному и Азовскому морям, включила в свой состав примыкающие к ним огромные территории. Итог петровских реформ – позитивный цивилизационный сдвиг колоссального масштаба: на место «Третьего Рима», «Святой Руси» пришла «Великая Россия». Пётр I отрёкся от прошлого не ради уподобления Западу, а чтобы построить новую модель самобытности, превратить страну в могущественную державу, оснащённую самыми передовыми технологическими и культурными достижениями [16, с. 3]. Произошло формирование нового литературного языка, сформировался новый культурно-генетический код, экзистенциально-жизненные принципы.

Идея России как цивилизации органически связана с идеей модернизации, которая есть укрепление основ самобытного существования России. Модернизация всегда есть отрицание собственного прошлого. Однако в процессе модернизации происходит не отказ от самобытности как таковой, а отречение от самобытности старого образца и созидание новой модели самобытности. Именно это имело место в результате реформ Петра I. Им была заложена новая Россия, непохожая на себя в прошлом, но от этого не ставшая идентичной ни

Англии, ни Франции, ни Западу в целом: Россия приступила к строительству новой модели самобытности. Пётр I отрёкся от России прошлой и, опираясь на достижения Запада, заложил основы России новой, отличной от прежней, но столь же (по-другому) непохожей на Запад. Великий преобразователь России изначально ставил перед собой не задачу уподобления Западу, а задачу превращения страны в могущественную, оснащённую самыми передовыми технологическими и иными достижениями державу. Вместе с тем надо подчеркнуть, что Петровские реформы стали лишь самой начальной фазой рождения новой цивилизации, её истоком. На модернизацию прошлого, то есть на становление этой цивилизации ушло почти всё XVIII столетие. И лишь к концу царствования Екатерины II или к началу царствования Александра I современную русскую цивилизацию можно считать окончательно ставшей, сформировавшейся. С этого момента начинается её развитие, продолжающееся и сегодня.

А. Тойнби, Н. Бердяев, И. Ильин, Ж. Маритэн, Х. Ортега-и-Гасет и др. подчёркивали, что в развитии любой цивилизации могут возникать периоды кризисов и подъёмов, однако строгая цикличность: зарождение – подъём – увядание – гибель – не является законом существования цивилизации. Всё зависит от людей и идей – тех, которые способны в кризисные моменты вывести цивилизацию из губительного тупика, дать ей новое дыхание, открыть новые перспективы [17]. В частности, А. Тойнби [14, с. 39-40] полагает, что судьба цивилизации не определяется фатальными факторами, а решающим образом зависит от её творческих сил.

Упадок российской цивилизации, по мнению А.С. Ахиезера [1], сложился на цивилизационном уровне. Страна «застряла» между традиционной цивилизацией, нацеленной на сохранение сложившегося уровня эффективности деятельности людей, и современной либеральной, важнейшей ценностью которой является постоянное массовое стремление повышать результативность деятельности, включая экономическую. Уникальность социокультурной динамики России ставит уникальные вопросы, требующие уникальных ответов и решений.

Ещё В.И. Герье отстаивал необходимость сохранения в России, наряду с развитием государственного призрения, всех исторически сложившихся форм организации призрения и придания им организованного характера [4]. Таким образом, В.Е. Герье, можно считать одним из первых «цивилизационщиков» (в нашем понимании). О необходимости сочетания усилий государства и общества в деле организации помощи нуждающимся писал С. Гогель [5]. Взгляд на общество как на целостный организм привёл исследователя к пониманию необходимости столь же целостного, комплексного, системного подхода к решению социальных проблем.

Актуальность исторического познания социальной работы как составной части социальной политики связана с прагматичными задачами. Споры о самостоятельном пути развития России как особой цивилизации заставляют более пристально изучать её прошлое, в нём искать ответы на современные вопросы. Историческое прошлое социальной работы – не только многовековая коллективная память законодательных и политических доктрин, но и формы, методы, принципы работы с общностями и индивидами в социокультурной среде с учётом российской ментальности.

Россия возродится, потому что у неё есть цивилизационное ядро.

Главная задача, на решение которой были направлены усилия исследователей, состояла, по мнению П. Сорокина, в выделении «реально существующих, причинно взаимосвязанных и внутренне связанных организмов, отличных от всех смешанных культурных образований и малых культурных систем, а также от государства, нации, политических, религиозных, расовых, этнических и всех иных социальных групп. Эти цивилизации, или культурные суперсистемы, в сильной степени определяют жизнь, организацию и функции малых групп и культурных систем, менталитет и поведение индивидов, множество конкретных исторических процессов и тенденций» [19].

В общем и целом каждая из цивилизаций сохраняет свою самобытность, свою самоидентичность вопреки изменениям, касающимся отдельных сторон её жизни. Изменения внутри цивилизации происходят в соответствии с собственными законами, присущими каждой цивилизации, при поддержании единства всех её существенных частей. Внешние воздействия ускоряют или замедляют, облегчают или затрудняют раскрытие внутреннего потенциала цивилизации. Цивилизационные структуры обладают гораздо большей прочностью, чем политические, идеологические и иные общественные системы. На этапах зарождения и становления цивилизации особую роль играет определённое этноконфессиональное «ядро», то есть та или иная, как правило, этническая группа людей, исповедующая определённую религию. Язык и культура такого ядра оказывают решающее влияние на интеграцию всех элементов цивилизации в единое целое, на создание для всех частей цивилизации символических систем. Именно «ядро» во многом определяет характер и особенности цивилизации, её отличия от других цивилизаций. Для российской цивилизации таким ядром явились русский народ и русское православие [17].

Применяя «цивилизационный подход», В.Ф. Шаповалов [16, с. 34-36] решительно отказывается от противопоставления «цивилизованных» обществ «нецивилизованным» и выстраивания «иерархии цивилизованности». Он пытается понять её «особость», «своекость», специфику и характерные черты. Главная особенность его подхода – вычленение «культурно-генетического кода», устойчивых структур длительного действия. К ним относятся язык, нравы, обычаи, быт, которые складываются веками и относительно независимы от бурь общественных изменений, политических и экономических форм.

Россия уникальна как самостоятельная «страна-цивилизация». Страны, народы в разные эпохи своего существования тяготеют к той или иной доминирующей модели цивилизованности – античной, исламской, современной западной. Российская цивилизация формировалась в этническом, конфессиональном и языково-культурном планах не как однородное или эклектичное, но как суперэтническое образование. В.Ф. Шаповалов рассматривает русский народ и православие как этноконфессиональное «ядро», которое обеспечивало синтетическое, гармоничное единство российской цивилизации.

Очень важно разобраться в том, что же сейчас определяет социальность в России. По мнению В.Л. Романова и В.Ю. Саркисяна [11, с. 98], проблема в том, что ещё никогда быстрое материальное обогащение не сопровождалось столь же быстрым социально позитивным изменением общественного и индивидуального сознания. Скорее наоборот – пробуждало в нём противоположные свойства – изоляцио-

низм, эгоцентризм, завышенную самооценку, гордыню и другие проявления социальной девиантности. При таком расхождении материального и идеального в социальной жизни невозможно ожидать справедливости в процессе распределения ресурсов, и, соответственно, сокращения разрыва в уровне и качестве жизни сверхбогатых и бедствующих социальных страт.

В отличие от традиционного представления о социальном как сфере материальных общественных благ, В.Л. Романов и В.Ю. Саркисян вкладывают в это понятие содержание, отражающее состояние и процесс единения людей в их движении к общей цели. С антропологических позиций такого рода социальность – явление, проистекающее из природы человека. Только единение индивидов обеспечило выживание и становление человека как вида в его сложнейших изначально отношениях с природным миром. Сегодня такого рода отношения сложились у человека с созданной им «второй природой» – обществом, сложность эволюционной динамики которого достигла предела, за которым почти утрачивается возможность более консервативного в своей эволюции разума ориентироваться в этой жизненной сложности. В такой ситуации человек, как и у своих истоков, вновь оказывается перед угрозой выживанию. И вновь возникает потребность в социальности, но уже в новом её содержании, определяемом в контексте феномена сложности современных общественных отношений [11, с. 98-99].

Свёртывая социальные программы, урезая расходы на науку, культуру и образование под предлогом их «нерентабельности», либерализм утверждает, что он тем самым борется с «доэкономическими» установками. Социальная безответственность либерализма вписывается в нигилистическую парадигму потребительского сознания, жертвующего будущим ради конъюнктурного и сиюминутного.

Сегодня с пылом и научной убедительностью либеральный авангард твердит о преимуществах свободного рынка и безнадёжности всякого социального протекционизма и других проявлений «антирыночного поведения». Словом, авангард требует от национальной среды очередной «безоговорочной капитуляции» во имя полного торжества своей «логически строгой» модели. Авангарду невдомёк, что именно многозначность и нестрогость реальной социальной жизни и культуры как раз и является залогом иначе-возможного на тот случай, если «безошибочная» теория всё же ошибётся. Сколько раз после переворотов и катаклизмов, инициированных «бескомпромиссными» модернизаторами, последним задним числом приходилось удостоверяться в исторической и нравственной правоте стихийного народного консерватизма [10, с. 9-10, 12].

Очень важно, с нашей точки зрения, положение, высказанное В.И. Жуковым, о том, что «одна из серьёзнейших опасностей подстерегает человечество на разломе между интеграционными процессами в области информатики, экономики, торговли и сохранением самобытных национальных культур, не проявляющих склонности к скорейшей ассимиляции. Между экономическим весом, военно-политическим могуществом и другими факторами, обеспечивающими превосходство, и национальным самосознанием расположилось то, что превращает население страны в народ, а обывателя – в Гражданина. Это вера, культура, ментальность» [8, с. 7]. Этот исследователь рассматривает социальные процессы с позиций социологии.

Б.С. Ерасов определяет, что цивилизация – это «социокультурная общность, формируемая на основе универсальных, то есть сверхлокальных, ценностей, получающих выражение в мировых религиях, системах морали, права, искусства. Эти ценности сочетаются с обширным комплексом практических и духовных знаний и разработанными символическими системами, способствующими преодолению локальной замкнутости первичных коллективов... Именно при данном употреблении слово «цивилизация» получило наиболее устойчивый терминологический статус в теоретической мысли и обоснование в теории, которую можно назвать собственно теорией цивилизаций» [7, с. 25].

Известна концепция мировых цивилизаций, предложенная А. Тойнби. Он выделил и описал 21 цивилизацию, которые существовали в человеческой истории [14, с. 67]. На вопрос, неизбежны ли упадок и распад как некий неизбежный рок, от которого не уйти любой цивилизации, А. Тойнби отвечал отрицательно, полагая, что судьба цивилизации не определяется фатальными факторами, а решающим образом зависит от её творческих сил.

В рамках восьмиаспектной структуры информационного пространства модель рамочных принципов цивилизации может быть построена следующим бинарным разложением:

- время-ориентированная – пространственно-ориентированная;
- личность-ориентированная – коллектив-ориентированная;
- рациональная – трансцендентная;
- духовная – материальная.

Стороны каждого бинарного разложения связаны некоторым аналогом принципа неопределённости В. Гейзенберга и не могут быть совмещены в рамках одной психики. Западная или Евро-Атлантическая цивилизация относится к время-ориентированным, личностным, рациональным, материальным. Её парадигмальные ценности: развитие – человек (свобода) – разум (познание) – богатство. Эта цивилизация составляет основу Ойкумены, она сосредоточила в своих руках более половины накопленных человечеством ресурсов и играет ведущую роль в большинстве международных организаций. Россия исторически принадлежит к Евро-Атлантическому сообществу, но является наиболее экзотической её культурой, что, несомненно, обусловлено тесными контактами с Евразийской цивилизацией в период монгольского завоевания [3, с. 56-58].

В.С. Стёпин разделил все цивилизации, существовавшие в человеческой истории, на два типа – традиционалистский и западный (техногенный). Часто на протяжении жизни одного поколения технологический прогресс радикально меняет предметную сферу, в которой живёт человек, а вместе с тем тип социальных коммуникаций, отношений людей, социальные институты. Динамизм техногенной цивилизации разительно контрастирует с консервативностью традиционных обществ, где виды деятельности, их средства и цели меняются очень медленно, иногда воспроизводясь на протяжении веков. Ценность преобразующей, креативной деятельности присуща только техногенной цивилизации, её не было в традиционных культурах. Им было присуще иное понимание, выраженное в знаменитом принципе древнекитайской культуры «у-вэй», который провозглашал идеал минимального действия, основанного на чувстве резонанса ритмов мира. Этот принцип был аль-

тернативен идеалу преобразующего действия, основанного на активном вмешательстве в протекание природных и социальных процессов. Традиционные культуры никогда не ставили своей целью преобразование мира, обеспечение власти человека над природой. В техногенной же культуре такое понимание доминирует. Оно распространяется и на социальные объекты, которые становятся предметом социальных технологий.

Ряд исследователей считают, что главное различие между цивилизацией Запада и российской цивилизацией определяется их специфическими идеями. Для Запада – это идея красоты, для России – идея справедливости. Однако, по мнению В.Ф. Шаповалова [17], и культура российской цивилизации в значительной мере ориентирована эстетически. По сравнению с Западом российское бытие, быт и труд не уступают в ориентации на красоту, но менее рациональны, менее ориентированы на целесообразность. Справедливость – это наказание за зло и воздаяние за добро. Понимаемая так, она действительно свойственна российской социальной культуре, прежде всего, в её классических проявлениях.

Вопрос о том, принадлежит ли Россия к западной или восточной цивилизации или представляет собой особый, третий тип, ставился ещё в 1830-е годы знаменитым русским философом П.Я. Чаадаевым, который писал: «Говорят про Россию, что она не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, что это особый мир. Пусть будет так. Но надо ещё доказать, что человечество, помимо двух своих сторон, определяемых словами Запад и Восток, обладает ещё третьей стороной».

Основной принцип германских племён – община – марка, добровольное объединение полностью самостоятельных общинников, индивидуально владеющих определённым участком. Социально-экономический строй поздней Римской империи и германских племён оказался сравнительно легко сочетаемым. На землях империи сравнительно быстро возникли феодальные королевства, на фундаменте политической организации которых христианская церковь создала оригинальную культуру. Совершенно иную картину мы видим на Руси. Основной социально-экономической формой восточнославянских племён была так называемая семейная община, объединение многих родственников как совместных владельцев земли, включавшей пашни, места охоты, собирания мёда и воска, рыбные ловли. Союзы таких общин в пределах компактных территорий объединялись в племя под властью родовых старейшин – военных вождей. Нередко они брали на себя культовые (ритуально-жреческие) функции, объединявшие это племя вокруг почитания духов предков и различных природных стихий. Замена традиционных племенных верований на религию, предпочитавшую родству по крови родство по «духу» (единоверие), придала Древней Руси действительное единство. Западная Церковь действовала как самостоятельная политическая сила, используя римский принцип «разделяй и властвуй». А в Древней Руси Церковь стремилась прежде всего примирить враждебные интересы князей, смягчить их междоусобицы и сберечь хрупкое государственное единство. Эта особая роль Церкви вынудила её выступить носителем своеобразного – социального – православия. В Древней Руси, не имевшей частного и публичного права, существовало право обычное, регулировавшее возмещение различных видов ущерба (вплоть до членовредительства и убийства) в форме денежных штрафов. Признавало это право и способ разрешения спорных случаев «полем», то есть воо-

ружённым поединком тяжущихся сторон. Православная Церковь принесла с собой достаточно развитое византийское каноническое право, регулировавшее жизнь духовенства и всех церковных людей. Но для регулирования повседневной жизни мирян у Церкви не было иного способа, как предложить систему взаимных обязанностей вместо ясно и чётко регламентированных прав. Такое замещение юридического закона моральным, то есть правосознания – религиозно ориентированной совестью, оказалось одним из основных свойств древнерусской социальной цивилизации, которое она передала последующим, выросшим из неё формам.

В.Ф. Шаповалов характеризует Россию как особое цивилизованно-культурное образование. Она представляет собой самобытную цивилизацию, обладающую множеством специфических механизмов социального самоподдержания и саморазвития. Россия не является простым собранием изолированных индивидов, связанных между собой лишь формальной связью. Совместное бытие людей предполагает множество взаимосвязей и взаимозависимостей, отличных от тех, которые свойственны другим странам. Специфическими остаются и характеристики людей, их привычки, обычаи, системы ценностей. На фоне исторических изменений уловить относительно устойчивые черты достаточно сложно, но тем не менее они есть, ибо при всех изменениях Россия остаётся Россией [18, с. 3-4].

Цивилизационная миссия государства – способность ответить на вопрос, зачем оно существует. Россию можно отнести к «обобщённым Империям», так как она имела все отличительные признаки Империи, по крайней мере последние двести лет. По мнению С. Боровикова и С. Переслегина, очень важно качественное расширение социально востребованных видов деятельности. Деятельности можно характеризовать социальной важностью, социальной преемственностью, социальной востребованностью, сложностью, ресурсоёмкостью. Деятельности определяют фактическое место, занимаемое человеком в системе социальных отношений, и тем самым – его «идентичность-в-себе». Поэтому изменение формы деятельности есть прямое либо опосредованное, то есть проявляющееся во втором и последующих поколениях, преобразование идентичности [3, с. 34].

Отечественные мыслители XIX – начала XX века в большинстве случаев использовали подход, который можно назвать спекулятивно-психологическим. В. Соловьёв поставил вопрос о русской идее, Н. Бердяев – о душе России, С. Франк написал трактат о русском мировоззрении, Н. Лосский – о характере русского народа и т.д. В частности, Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» обращал внимание на следующие черты: религиозность, способность к высшим формам духовного опыта и связанное с ним искание абсолютного добра, органическое соединение чувства и воли, свободолюбие, доброта, даровитость, мессианство и миссионерство, недостаток срединной области культуры, склонность к проявлениям нигилизма и хулиганства. Широко известна характеристика русской души, данная Н. Бердяевым. Он особо подчёркивал противоречивость русского духа: «Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядовое (то есть формальное отношение к религии, сводящееся к бездумному исполнению религиозных обрядов) и искание правды; индивидуализм, обострённое сознание личности и безличный коллективизм; нацио-

нализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [2, с. 44-45].

По мнению В.Ф. Шаповалова, можно в качестве исходной основы России как цивилизации взять религиозные убеждения и верования, а также религиозные организации, церковь. Особую роль при таком подходе часто отводят православию, что имеет под собой серьёзное историческое оправдание: следует без колебаний признать, что православие в течение многих веков истории российского общества играло роль гораздо более значительную, чем любая иная конфессия.

Одностороннее увлечение общими идеями, их подчас умозрительный характер, а также пренебрежение ко всему конкретному, живому, близкому были названы русскими мыслителями «беспочвенностью сознания и мышления». Эту мысль подчёркивали авторы знаменитых сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), призывая сосредоточить наибольшее внимание на конкретном изучении своей страны и её особенностей. Ещё А.С. Пушкин с горечью констатировал, что «Россия слишком мало известна русским». Н.В. Гоголь с сожалением говорил, что «велико незнание России посреди России». Мы совершенно согласны с В.Ф. Шаповаловым в том, что, прежде чем делать теоретические выводы, тем более принимать государственные решения, необходимо знать ту реальность, на которую они направлены. Забвение этого элементарного требования – застарелая болезнь российской общественной мысли и практики государственного управления. С этой точки зрения, многократно подтверждённой в трудах многих мыслителей русской эмиграции, именно «беспочвенность мышления» образованного слоя российского общества явилась одной из причин катастрофического хода истории в XX веке [18, с. 8]. С полной уверенностью мы можем говорить и о «беспочвенности» социальной системы в нашей стране.

Согласно И.Б. Чубайсу, «центральная идея Новой России – идея обустройства, качественного, интенсивного роста». Такая постановка обосновывается тем, что возможности экстенсивного развития для России полностью исчерпаны. Помимо времени концентрации усилий, чтобы направить их внутрь страны, на её обустройство, отказавшись от их распыления и траты, от экспансии в любом виде, пришло «время собирать камни». Очевидно, что идея России как цивилизации вполне согласуется с таким пониманием задач современной России. Обустройство это, разумеется, не только процесс строительства и улучшения материального бытия, это ещё и улучшение межличностных отношений между классами, социальными группами, национальностями, населением различных территорий и т.д. Это, по сути, сплочение и солидарность, в которых остро нуждается современное российское общество [17].

Как пишет А.С. Панарин, крестный путь России нередко интерпретируется с поспешной самоуверенной поучительностью: как расплата за её неправильное, «несовременное» поведение, за темноту и невежество, за отсталую «ментальность». Это нехристианское отношение к страданию как уделу изгоев и неудачников, как следствию заблуждений и невежества не сулит нам никаких новых откровений о XX веке, кроме тех, которые уже высказал европейский XVIII век, эпоха Просвещения. Вопрос о смысле величайших трагедий и страданий как, может быть, главный нрав-

ственно-религиозный и антропологический вопрос, получает своё положительное решение только в историофилософском ключе – при допущении грядущего качественного поворота в истории, новейшего формационного «скачка». Только истолковать этот формационный скачок нам уже предстоит, пересмотрев в духовно-религиозном измерении наши прежние принципы жизнеотношения и миростроительные установки [10, с. 6-7].

История мировых цивилизаций свидетельствует о том, что цивилизация способна претерпеть любой материальный урон и воссоздать себя, если уцелело её ценностное ядро. И напротив: разрушение этого ядра порождает удивительное бессилие даже в условиях изобилия материальных ресурсов. Это в высшей степени актуально для современных обществ и, в особенности, для России, ценностное ядро которой пытаются разрушить внутренние и внешние вестернизаторы, раздражённые сопротивляемостью российского «менталитета». Поэтому так актуален гуманитарный анализ состояния общества, специально относящийся к состоянию его ценностной сферы и проблемам идентичности. Всякая цивилизация творит определённые социальные и культурные образцы. Для того чтобы образцу следовали, он должен обладать ценностным статусом. Современная же цивилизация характеризуется дефицитом ценностей или ценностным вакуумом (при избытке разнообразных видов информации). Это означает, что между культурной (социальной) и идеальной (духовной) сферами общества наблюдается рассогласованность [10, с. 23].

Преобразования последних лет оказали существенное влияние на сферу государственно-церковных отношений, способствуя пересмотру взглядов на роль Церкви, возрождению её жизни и социального служения, повышению роли и места религиозных организаций в структуре российского общества. Активизация деятельности Русской Православной Церкви – это следствие нормализации отношений государства и религиозных организаций, начавшейся на волне политических событий конца 1980-х годов. Среди социальных приоритетов церковной деятельности можно выделить следующие направления:

- активизация миссионерской деятельности;
- взаимодействие с вооружёнными силами и правоохранительными учреждениями;
- организация работы с молодёжью;
- налаживание взаимоотношений с государством и светским обществом;
- экономическая деятельность, церковная благотворительность и социальное служение [6, с.101 - 102].

Интегрирование религии в российскую действительность происходит через систему образования, здравоохранения, социального обеспечения, армию и правоохранительные органы.

В настоящее время Православная Церковь в России возрождается. Устав об управлении РПЦ, принятый на Поместном соборе 8 июня 1988 года, восстановил права церковной общины и других традиционных институтов. Православный приход и функционирующая вокруг него церковная община – из категории микросоциальных объединений. Они способны к самоорганизации и возрождению. Именно по этой причине в кризисных социальных ситуациях к общинным объединениям

традиционно обращаются взоры. При церковных приходах возрождаются в настоящее время православное братство и сестричество.

О возрастании роли РПЦ в обществе говорит и такой факт. 1 августа 2008 года Президент России Д.А. Медведев утвердил национальный план противодействия коррупции. Один из разделов комплекса мер в этом плане – это православное просвещение, оценка со стороны общества всех тех явлений, которые в этой сфере присутствуют.

Непростая ситуация сложилась в конце XX века в сотрудничестве Русской Православной Церкви и Министерства образования. Согласно Конституции РФ, государство и школа в России отделены от Церкви, и государство призвано осуществлять в своей деятельности принцип светскости образования, на деле же нередко всё выглядит иначе. Активность РПЦ в области образования проявляется в следующих направлениях:

- религиозное образование в воскресных школах всех типов, создающихся во всех приходах;
- дошкольное православное воспитание в детских садах и группах, находящихся в ведомстве прихода;
- подготовка православных педагогов и специалистов в области фундаментальных наук и культуры;
- взаимодействие с государственной системой образования, религиозное просвещение в государственных и частных учебных заведениях всех типов;
- просвещение через печатные средства массовой информации, радио, телевидение, учреждения культуры;
- издание учебной литературы.

Подобная активность даёт определённые результаты. По данным Архиерейского Собора РПЦ, на февраль 1997 года в России существовало около 1500 воскресных и церковно-приходских школ, в которых обучались 72 тысячи детей и 5 тысяч взрослых, функционировало 93 православных детских сада и группы в государственных детских садах 20-ти епархий, действовали 40 православных общеобразовательных школ, гимназий и лицеев в 19-ти епархиях. Приступили к работе Российский православный университет во имя св. Иоанна Богослова и Царицынский православный университет, в стадии становления находились несколько других высших православных учебных заведений. На 1 января 2014 года в Российской Федерации было зарегистрировано 12214 организаций РПЦ; из них централизованных религиозных организаций – 84; местных религиозных организаций – 11464; духовных образовательных учреждений – 50; монастырей и подворий – 391 [12, с. 54- 55].

По предварительным данным на территории современных Брянского городского, Брянского районного и Выгоничского благочиний к началу XX века находилось 74 храма (в том числе домовых) и 10 часовен. Из них к началу XXI века сохранилось 18 храмов, из которых в 12-ти совершаются Богослужения, а 7 – полуразрушены, как и одна часовня. Таким образом, в XX веке были варварски взорваны или разрушены и разграблены 56 храмов и 9 часовен. Эти храмы в своё время создавались молитвами и трудами наших предков, были украшением Брянской земли. На их месте сейчас – либо пустые места, либо, что ещё ужаснее – здания убогой совре-

менной архитектуры, уродующие пейзаж и души людей. В начале XXI века в Брянской епархии действуют девять монастырей: мужские Свято-Успенский, Свенский, Брянский Горне-Никольский, Севский Свято-Троицкий, Карачевский Воскресенский, Белобережская мужская пустынь в честь Рождества Иоанна Предтечи, Площанская Богородице-Казанская пустынь; женские Петро-Павловский, Карачевский Николо-Одринский, Севский Крестовоздвиженский. При храмах Брянской епархии открыты воскресные школы, православные библиотеки. В Брянске действует духовное училище. Занятия проводятся на четырёх факультетах: пастырском, катехизаторском, регентском и иконописном [13, с. 158].

В целях укрепления духовно-нравственных устоев современной жизни Брянской земли в 2006 году было открыто Брянское епархиальное женское училище, а также Богословское (теологическое) отделение Брянского государственного университета. В 2007 году было подписано соглашение между Брянской Епархией, Областной администрацией и Департаментом образования о преподавании в учебных заведениях «Основ Православной культуры».

Тенденция к росту православного влияния в системе образования даёт основание для более пристального внимания к этой проблеме со стороны государственных органов власти, поскольку законами страны декларируются равные права всех религиозных объединений, провозглашается светскость государства [6, с. 109]. Таким образом, постепенно выпрямляются зигзаги российской истории.

Отметим, что Россия более трёхсот лет пыталась перенять опыт Западной цивилизации. Практически безуспешно, ибо простое заимствование опыта Западной цивилизации для России абсолютно непродуктивно. Значит, у нас свой цивилизационный путь, ибо Россия как государство имеет свои закономерности и логику развития и функционирования.

Получить широкую панораму российской цивилизации можно лишь при условии обобщения значительного числа источников и материалов. В каждом случае необходимо стремиться обнаружить основополагающие структуры, определяющие социальный аспект жизни российского общества. Эти структуры обусловлены коренными особенностями России: природно-географическими условиями, историческим наследием, этническим составом населения и др., а также вытекающими из них особенностями исторического пути, культуры, традиций, ментальности [18, с.5]. Цивилизационный подход даёт возможность представить Россию в качестве единого целого – хотя и противоречивого, проблематического, исключительно сложного.

Отечественная традиция изучения России в её универсально-цивилизированных чертах, представленная в прошлом такими мыслителями, как Владимир Соловьёв, Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Фёдор Степун, Георгий Федотов, Семён Франк и многие другие, сегодня активно возрождается. Главная задача, на решение которой были направлены усилия исследователей, состояла, по словам П. Сорокина, в выделении «реально существующих, причинно взаимосвязанных и внутренне связанных организмов, отличных от всех смешанных культурных образований и малых культурных систем, а также от государства, нации, политических, религиозных, расовых, этнических и всех иных социальных групп. Эти цивилизации, или культурные суперсистемы, в значительной мере определяют жизнь, организацию и

функции малых групп и культурных систем, менталитет и поведение индивидов, множество конкретных исторических процессов и тенденций» [19].

Концепция А.С. Панарина предполагает при реформировании российского общества первоочередной учёт не абстрактно-общих положений, а конкретных особенностей России, блага и процветания её народа. Сегодня многие спорят о соотношении формационного и цивилизационного подходов. Формационный подход связан с установками и ожиданиями нового витка прогресса, качественно нового этапа общественного развития. Цивилизационный – обращает внимание на устойчивость культурных кодов и архетипов, свойственных каждой из сосуществующих на Земле цивилизаций [10, с. 15].

По мнению В.Ф. Шаповалова, цивилизационный подход, в отличие от исторической науки в её классическом виде, сосредотачивает внимание не столько на динамике исторических изменений, сколько на характерных чертах того или иного общества, взятого в длительной исторической перспективе. Таким образом, цивилизационный подход предстаёт существенно отличным от исторического подхода, но не альтернативным ему [18, с. 19].

Становление российской социальной системы – весьма сложная, многоаспектная и вместе с тем вечно актуальная проблема, которую можно рассматривать в разных ракурсах и с разных позиций. Мы будем рассматривать эту проблему с синергетической точки зрения, сконцентрировавшись на самоорганизации России как единой системы.

Любая система является результатом взаимодействия и взаимопереплетения эндогенных и экзогенных факторов, определяющих характер её структурной самоорганизации и организации. В этом контексте применительно к формированию и функционированию социальной системы важное значение имеет выяснение различий между процессами организации и самоорганизации, управления и самоуправления. В рассматриваемом контексте под организацией понимается комплекс сознательных, целенаправленных действий людей или институтов, например, государства, по созданию, регулированию и управлению теми или иными феноменами, процессами, событиями для решения сознательно поставленной конкретной задачи. Иначе говоря, организация есть результат воздействия на процессы порядкообразования извне. Самоорганизация же предполагает действия определённых групп субъектов, которые вступают во взаимодействие друг с другом, преследуя свои цели без какого-либо принуждения извне, как бы анархически, путём проб и ошибок. В этом случае процесс системообразования, структурирования, возникновения порядка осуществляется главным образом изнутри, как бы самостоятельно, в силу встроенных в саму систему механизмов, в результате взаимодействия, взаимного притяжения и интеграции составляющих элементов. Поскольку система открыта внешней среде, самоорганизация решает проблемы формирования и эволюции системы в процессе её адаптации к условиям внешней среды.

«Мы называем систему самоорганизующейся, – подчёркивал основатель теории синергетики Г. Хакен, – если она без специфического воздействия извне обретает какую-то пространственную, временную и функциональную структуру. Под специфическим воздействием мы понимаем такое, которое навязывает системную структуру или функционирование. В случае же самоорганизации система испыты-

вает неспецифическое воздействие. Например, жидкость, подогреваемая снизу, совершенно равномерно обретает в результате самоорганизации макроструктуру, образуя шестиугольные ячейки» [15, с. 28-29].

Одним из важнейших достижений системных и синергетических исследований стало признание неустойчивости и нестабильности в качестве фундаментальных характеристик различных форм самоорганизации человеческих сообществ. При этом сами понятия неустойчивости и неравновесности освобождаются от негативного оттенка, поскольку они такие же составляющие мира, как стабильность, устойчивость и равновесие. Они обеспечивают высокий динамизм процессов, который стимулирует динамизм самих субъектов этих процессов. Ломка сложившихся в течение многих поколений, веков и даже тысячелетий социально-экономических, политических, духовных и иных структур, любые сдвиги, подрывающие основы существующей системы, приводят к широкомасштабным пертурбациям, революциям, кризисам. В результате сообщество или система либо исчезает с исторической арены, либо, получая импульсы извне и мобилизуя внутренние ресурсы, приобретает новые возможности для выбора оптимальных ответов на внешние вызовы и встаёт на путь самоорганизации на новых основаниях.

Традиционные социальные гомеостаты как факторы порядка в жизнеустройстве людей и их сообществ не выдерживают натиска агрегированных в единице времени и экстремальных по проявлению событий. Деадаптированное рациональное мышление человека не успевает «схватывать» информацию для принятия жизненно важных решений. Неопределённость порождает в различных формах страх перед будущим, независимо от уровня и качества жизни обществ и индивидов. Те, которые имеют, опасаются потерять, а неимущие теряют надежду иметь. Как следствие – утрачивается интерес к инвестициям в будущее, актуализируется стремление к достижению устойчивости за счёт вхождения во власть и «быстрых» денег (корни политических конфликтов, террора, коррупции, организованной преступности, наркобизнеса, торговли людьми, экологического паразитизма и т.п.). Становится всё более очевидным, что человечество вошло и продолжает стремительно погружаться в кризисную фазу своего развития. Чётко обозначились все признаки фазового перехода: открытость социальных систем во всех их точках, запредельная неравновесность отношений, неожиданность и экстремальность возникающих событий, непредсказуемость их последствий и т.д. В этих условиях социальные системы всех уровней становятся болезненно чувствительными к малейшим внешним воздействиям и внутренним отклонениям, реагируя на них опасными для целостности потрясениями. Неустойчивость становится знаком современности.

Традиционные методы управления основаны на принципе обратной связи, то есть целенаправленном уменьшении многообразия в управляемом объекте. Это противоречит объективному процессу возрастания сложности самоорганизующегося социального мира. Искусственное (в своей основе – силовое) сдерживание этого процесса может создавать на каком-то отрезке времени видимость порядка. Однако существенная потребность жизни в обновлении, по достижении её критического уровня (императив свободы), прорывает установленные запретом заслоны, и система переходит в состояние неустойчивости. В итоге социальная самоорганизация продуцирует новые параметры порядка, в том числе фиксируемые в структурах

новых систем управления. Этот процесс социальная жизнь наиболее ярко демонстрирует на примерах революций и реформ. Отметим, что и то, и другое в России приносило только ухудшение социальной ситуации в стране. С нашей точки зрения, прекрасным примером самоуправления, самоорганизующихся социальных систем служат казачество и старообрядческие поселения.

Мы разделяем мнение В.Л. Романова и В.Ю. Саркисяна о том, что в динамично и сложно развивающемся постиндустриальном мире экономика должна быть не просто социально ориентированной, а прежде всего социально обусловленной. То есть не сама по себе экономика должна обеспечивать социальное развитие, а позитивная динамика социальной отношений становится сегодня основанием динамического и в то же время устойчивого развития экономики, а уже в порядке обратной положительной связи – и социальной отдачи. Таким образом, в соответствии с синергетическим принципом круговой причинности обеспечивается и возрастает синергия социального и экономического как базисный фактор ускоряющейся динамики развития.

В качестве базисных теоретических оснований разработки и реализации стратегии общенациональной социальной сингрессии (совместного движения) В.Л. Романов и В.Ю. Саркисян предложили положение о становящемся бытии и динамической социальной организованности [11, с. 96-100]. Традиционная ориентация социально-философской мысли на категорию бытия может быть продуктивной в основном для исследования относительно стабильных социальных систем, развивающихся в условиях медленного изменения внешней среды. В существенно неравновесном мире локальное решение проблем бытия выводит на концепцию выживания, то есть самосохранения на минимальном уровне жизнеобеспечения. Как известно, самосохраняющиеся системы, если и развиваются в экстремальной среде, то в начале за счёт активизации воспроизводства, и затем – за счёт структурно-функционального упрощения (регрессии).

Иной подход предлагает социосинергетика, оперирующая категорией становления, сущность которого в делящемся качественном обновлении бытия социальных систем. Движением становящегося бытия являются социентально значимые инициативы и креативность обновления. Условием устойчивости в процессе скоростного становления выступает динамическая социальная организованность (порядок в движении). В сущностном представлении динамическая социальная организованность раскрывается в контексте межуровневого согласования параметров социального порядка, возникающих в процессе самоорганизации и фиксируемых в структурах управления. Согласно синергетическим принципам динамического иерархизма и круговой причинности, долгоживущие параметры порядка подчиняют себе короткоживущие переменные. Так, законы природы объективно влияют на социальные процессы всех уровней: верования, культура, язык, традиции упорядочивают процессы жизнедеятельности всех социальных индивидов; частные и институциональные принципы и нормы определяют согласованное поведение людей и характер их общей деятельности [11, с. 100].

Развивающимся человекоразмерным системам (в том числе и социальным объектам) присущи синергетические эффекты, и в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В

точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории её развития. Установка на активное силовое преобразование объектов уже не эффективна при взаимодействии с такими системами. При простом увеличении внешнего силового давления система может не порождать новое, а воспроизводить один и тот же набор структур. Но в состоянии неустойчивости в точках бифуркации часто небольшое воздействие – укол в определённом пространственно-временном локусе – способно породить (в силу кооперативного эффекта) непредвиденные, в том числе и насильственные сценарии.

Социосистема есть специфическая форма организации носителей разума. Подобно тому, как жизнь существует в форме стремящихся к максимальной степени замкнутости по веществу/энергии экосистем, разум с момента своего возникновения образует социосистемы. Понятие социосистемы объединяет все типы и механизмы человеческого общежития. В некотором смысле социосистема – это экосистема, вышедшая на информационный уровень, то есть рассматривающая информацию как важнейший ресурс, подлежащий переработке. Социосистема является сложным объектом дуальной (материально-информационной) природы. Она «привязана к местности», что подразумевает определённые формы оседлости, способна неограниченно долго поддерживать специфически человеческие паттерны существования и обречена на развитие, поскольку насыщена структурными противоречиями [3, с. 231].

Поэтому столь важен региональный подход к решению социальных проблем. Отход от устоявшихся идеологических схем и стереотипов, стремление на основании объективного и всестороннего анализа фактов приблизиться к подлинной истории способствует наметившемуся обновлению российской исторической науки, повышению её общественной роли. На этих же началах развивается и такое важное направление исторической науки, как изучение истории отдельных регионов России. Более основательное изучение региональной истории необходимо, потому что:

- во-первых, позволяет значительно расширить круг изучаемых событий, явлений, фактов, исторических лиц, что делает богаче общероссийскую историю в целом;

- во-вторых, сквозное рассмотрение истории отдельных регионов на протяжении длительного времени может вскрыть некоторые незамеченные ранее исторические связи и закономерности, углубить наши представления о прошлом;

- в-третьих, изучение региональной истории, тесно смыкающееся с историческим краеведением, имеет непосредственный выход на самую широкую аудиторию, сохраняющую интерес к истории своей малой родины. В этом качестве оно служит основополагающей ступенью в формировании главных исторических представлений, в воспитании средствами истории гражданских, нравственных и патриотических качеств, а также в развитии интереса к истории Отечества;

- в-четвёртых, мы можем проследить становление российской цивилизации с позиций самоорганизации (то есть с синергетической точки зрения).

Долгое время в рамках классической истории не было места локальной истории как самостоятельной дисциплине, поскольку локальные процессы рассматривались как частные проявления общих закономерностей. Вместе с тем очевидно, что любое

местное сообщество, будучи частью более широкой общности и причастное к общим установкам и духовным ценностям, в стремлении к актуализации их в своей жизни демонстрирует серьёзную специфику, позволяющую говорить о феномене «местной идеи».

Аналогично складывалась ситуация и с отечественной регионалистикой. Несмотря на огромную работу по изучению социальной, хозяйственной, демографической и этнической структуры российской «глубинки», проделанную в пореформенный период губернскими учёными архивными комиссиями, а в XX веке – краеведческими обществами, в России позднее, чем в западной региональной науке (regional studies) восторжествовал комплексный подход, и процесс интеграции регионалистики не завершился. Более того, современное краеведение наглядно продемонстрировало пределы эмпирического знания: накоплен огромный фактический материал, который так и не стал региональной историей – принципиально иным подходом к негосударственному историческому прошлому, основанным на принципах методологии «большой» истории.

Вместе с тем, «фактологическое» краеведение последних десятилетий продемонстрировало то, что в российской провинциальной истории основополагающими являются не столько «уникальность» и самобытность событий и явлений, сколько их повторяемость: очевидные закономерности уездной жизни в условиях унитарного государства с жёсткой административно-бюрократической структурой создают возможности для обобщений и построения концептуальных моделей.

С одной стороны, поскольку отдельные российские регионы – это части большого Отечества, то и присущие российской истории закономерности неизбежно отражаются в истории любого региона. С другой стороны, для развития ряда регионов (в том числе и Брянщины) характерны некоторые особенности. Поэтому пытаться втискивать их в определённые рамки не стоит. Нужна некая равнодействующая между этими подходами, но с большим приближением ко второму, учитывающему специфику развития конкретных регионов.

Анализ деятельности государственных и негосударственных структур по социальному призрению населения того или иного региона в разные периоды развития Российской цивилизации представляет теоретический и практический интерес. В период становления новых форм социальной защиты населения возникает необходимость в осмыслении и анализе исторического опыта развития данного явления на примере изучаемого региона.

История становления социальной системы в России – одно из относительно мало изученных направлений отечественной исторической науки. К нему обращались в основном дореволюционные исследователи, и только в конце XX века возродился научный интерес к этой теме. При этом в современной историографии нет комплексных исследований как дореформенного (1775-1861 годы), так и постреформенного (1861-1917 годы) периодов в российской истории социальной работы применительно к отдельным регионам. В частности, эти исследования практически отсутствуют для территории, занимаемой современной Брянщиной. Работы аналитического характера в дореволюционной России по исторической деятельности монастырей XIX – начала XX века отсутствуют по той причине, что деятельность монашеских обителей не могла служить предметом исторического исследования

для учёных-современников. В советский период эта тема находилась под запретом, так как результаты исследований могли существенно противоречить общепринятой концепции. В силу этих причин практически не изученной оказалась региональная история монастырей.

История местного самоуправления относится к числу социально значимых направлений, разработка которых имеет особую актуальность в условиях современной России, ищущей конкретные пути национально-государственного, экономического и духовного возрождения. Современные органы местного самоуправления, возникшие в начале 1990-х годов, обладают множеством недостатков и неэффективны. В этой связи изучение опыта земств, благотворительных обществ, предпринимателей, деятельность которых дала значительные результаты, имеет не только научное, но и практическое значение.

Содержание религиозной жизни не исчерпывается доктринами, рождёнными в умах представителей духовной элиты. Историю творят не абстрактные массы, а живые люди в конкретной обстановке времени и места. В этом отношении жизнь приходов, уездов, губерний, городов и сёл на определённом отрезке времени – тоже часть истории. В российской провинции была своя специфика, связанная как с общими установками центральных властей по отношению к любой «политике», так и с местными условиями, сочетавшими отсутствие инициативы и жёсткую исполнительную вертикаль со своеобразной интерпретацией и приспособлением директивных распоряжений к местным реалиям. Особое положение православия как государственной религии вело к тому, что религиозная жизнь оказалась не менее важным, освящённым традицией, порядкообразующим элементом провинциальной жизни, чем действия гражданских властей в общественно-политической сфере. Светские и церковные власти признавали связь между политической и религиозной стабильностью общества, достижение которой было их целью в масштабе как страны, так и отдельного уезда. Сама характеристика личности уездной религиозной жизни невозможна без учёта того факта, что русская провинция не знала отстранённого, толерантно-постороннего отношения к религиозности, характерного для образованного и чиновничьего слоя столиц и больших городов. Основная масса населения была социально однородна (с учётом различий города и деревни) и отличалась бытовым консерватизмом. Здесь не было обособленной культуры элиты. Консерватизм русской провинции имел под собой глубокую основу, суть которой – в изначально присущей ему опоре на стабильные социальные структуры, на социальные прослойки (группы), которые могут обеспечить устойчивость бытия.

Проблемой, трудно дающейся современной цивилизации, является внутренняя целостность, системность. Она связана с антиномичностью самого инновационного процесса. Для того чтобы этот процесс развивался успешно, необходимо отпустить на свободу различные общественные силы, дать им автономию, создать обстановку творческой свободы. Но это означает, с другой стороны, опасность фрагментации общества, рассогласованность социального поведения, релятивизацию ценностей. Рассогласованность, фрагментация и ценностная дезориентация являются проявлением энтропийных тенденций. Для преодоления их требуются не только новая информация, но и новая социальная энергия. Источники её лежат в той таинственной сфере человеческого духа, которой издавна занималась религия.

Религии отбирали среди всего многообразия ценностей приоритетные и сообщали им трансцендентный характер – выводили их из сферы критики и тем самым предупреждали релятивизацию ценностей [10, с. 23].

В заключение этой главы отметим следующее. Мы видим, что для социальной системы, как и для большинства других открытых систем, характерно органическое сочетание таких дополняющих друг друга противоположностей, как статика и динамика, устойчивость и неустойчивость, определённая и неопределённая, единообразие и разнообразие, симметрия и асимметрия, линейность и нелинейность, предсказуемость и непредсказуемость и т.д. При таком понимании социальную систему нельзя рассматривать как раз и навсегда установившуюся, завершённую систему, в ней становление, динамика преобладает над ставшим, завершившимся. Здесь принципы самоорганизации преобладают над принципами организации, понимаемой как деятельность по упорядочению, структурированию и управлению системами.

О гипертрофии государства писал Н.А. Бердяев [2, с. 44-45]. Это, к сожалению, распространялось и на социальную систему, что привело к её краху и что не даёт ей создаться в начале XXI века. Мы считаем, что прав итальянский журналист Дж. Кьеза, писавший, что распаду России способствовали сами русские «своей ленью и глупым подражанием чужим примерам» [14, с. 256- 257].

У России свой путь, в том числе и путь создания социальной системы.

Литература

1. Ахиезер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики //Мир России. – 1995. – Т. 4. – № 1. – С. 3 -56.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX-XX века //О России и русской философской культуре. – М., 1990. – 342 с.
3. Боровиков С., Переслегин С. Антропоток и институты натурализации. – М., 2004.- 322 с.
4. Герье В.И. Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и о теоретических началах правильной его постановки. – СПб., 1897.
5. Гогель С.К. Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности. – СПб., 1908.
6. Джораева С.В. Государственно-церковные отношения в России (опыт философско-исторического анализа): Дисс. ... к.ф.н. – М., 1997. – 186 с.
7. Ерасов Б.С. Цивилизация: слово, термин, теория. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. – М., 1999. – 225 с.
8. Жуков В.И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. – М., 2007. – Т. 1. – 598 с.
9. Кьеза Дж. Прощай Россия! – М., 1998. – 342 с.
10. Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М., 2005. – 265 с.
11. Романов В.Л., Саркисян В.Ю. Социальный ресурс динамического развития России //Будущее России в зеркале синергетики. – М., 2006. – 398 с.

12. Российский статистический ежегодник. 2014: Стат. сб. /Росстат. – М., 2014. – 226 с.
13. Соколов Я.Д. Брянск – город древний. – Брянск, 2006. – 158 с.
14. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – СПб., 1996. – 234 с.
15. Хакен Г. Информация и самоорганизация. – М., 1991. – 324 с.
16. Шаповалов В.Ф. Истоки и смысл российской цивилизации. – М., 2003.- 324 с.
17. Шаповалов В.Ф. Понятие современной российской цивилизации //Философия хозяйства. – 2004. – № 3 (33)- С.22-56.
18. Шаповалов В.Ф. Россиеведение. – М., 2001. – 349 с.
19. Sorokin P. Sociological Theories of Todey. – L.; N.Y., 1966. – P. 177.

Глава 2. Проблемы качества социального обслуживания населения

Хандожко В.Н.
кандидат социологических наук, доцент
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского
Россия, г. Брянск

X 19

УДК 364

ББК 60.9

Одной из тенденций развития социальной работы в современном обществе является применение в работе с населением современных технологий и методик. Вопрос контроля качества занимает одно из важных мест в правовом и экономическом обеспечении социальной работы с населением.

Понятие «качество» является комплексным понятием, характеризующим и отражающим эффективность всех сторон деятельности учреждения в области социальной защиты населения: планирование, организация и обеспечение основных и вспомогательных процессов оказания услуг, осуществление мониторинга и измерение качества предоставляемых социальных услуг, организация контроля, проведение анализа деятельности, постоянное улучшение и повышение результативности системы качества.

Проблема повышения качества услуг, предоставляемых учреждениями социального обслуживания населения, достаточно актуальна в настоящее время. Социальное обслуживание представляет собой деятельность социальных служб по социальной поддержке, оказанию социально-бытовых, социально-медицинских, социально-педагогических, социально-правовых услуг и материальной помощи, проведению социальной адаптации и реабилитации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Согласно Закону РФ от 28.12.13 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» предоставление социальных услуг должно соответствовать государственным стандартам, которые составляют основу нормативно-законодательной базы в области контроля качества социальных услуг.

Стандарты социального обслуживания – это основные правовые документы, которые содержат социальные нормы и нормативы, критерии и показатели, единицы измерения, классификацию социальных услуг и понятия, ключевые слова в этой сфере. Они регламентируют развитие социальных служб и применение разнообразных современных технологий социальной работы, гарантируют клиентам определенный уровень качества социальных услуг, обеспечивают их социальную безопасность. Это система реальных эталонов в виде государственных документов, устанавливающих основные требования к объему и качеству социальных услуг, порядку и условиям их оказания, обеспечению безопасности жизни и здоровья клиентов.

Стандартизация социальных услуг и их качества связана с особенностями самих услуг, среди которых можно отметить такие, как трудность количественной оценки многих видов услуг, отсутствие показателей качества социальных

услуг. Стандартизация социального обслуживания усиливается тем обстоятельством, что она выступает необходимым условием повышения качества социальных услуг.

При принятии решения о предоставлении клиентам конкретных социальных услуг стандарты требуют учета интересов клиента, состояние его здоровья, специфики трудной жизненной ситуации, в которой находится клиент, содержания индивидуальной программы реабилитации, материальных возможностей клиента и других объективных факторов.

Стандартами раскрыто сущностное содержание каждого вида услуг, а также утверждены требования к порядку и условиям оказания социальных услуг.

Основными факторами, влияющими на качество социальных услуг, предоставляемых социальными учреждениями, определены следующие: наличие и состояние документов, в соответствии с которыми функционирует учреждение; условия размещения учреждения; укомплектованность учреждения специалистами и их квалификация; специальное и табельное техническое оснащение учреждения; состояние информации об этом учреждении, о порядке и правилах предоставления услуг клиентам социальной службы; наличие собственной и внешней систем контроля за деятельностью учреждений.

Национальный стандарт установил требования к системе качества учреждения. Под системой качества учреждения понимается совокупность его организационной структуры, правил, методов обеспечения качества услуг, ресурсов учреждения, обеспечивающих осуществление административного руководства качеством социального обслуживания населения.

Система качества учреждения предназначена для создания необходимых условий гарантированного удовлетворения законных запросов и потребностей клиентов, повышения эффективности на всех стадиях предоставления услуг с целью предупреждения отклонений от заданных требований, обеспечения репутации учреждения как надежного исполнителя услуг.

В национальном стандарте Российской Федерации «Социальное обслуживание населения «Контроль качества социальных услуг» 1.01.2007 г. реализованы нормы Федеральных законов Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. N 442-ФЗ "Об основах социального обслуживания граждан в РФ", от 24 ноября 1995 г. N 181-ФЗ "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации", от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" и др.

Стандарт устанавливает основные правила и порядок проведения контроля качества комплекса социальных услуг, предоставляемых населению.

В указанном стандарте использованы нормативные ссылки на следующие стандарты: ГОСТ Р 50646-94 «Услуги населению. Термины и определения» [3]; ГОСТ Р 52142-2003 «Социальное обслуживание населения. Качество социальных услуг. Общие положения» [5]; ГОСТ Р 52143-2003 «Социальное обслуживание населения. Основные виды социальных услуг» [4].

Контроль качества социальных услуг заключается в проверке полноты, своевременности предоставления этих услуг, а также их результативности (материальной, определяющей степень решения материальных или финансовых проблем клиентов, или нематериальной, определяющей степень повышения физического, морально-психологического состояния клиента, решения его бытовых, правовых и других проблем в результате взаимодействия с исполнителем услуги).

В Брянской области большое внимание уделяется контролю качества социального обслуживания. В связи с этим были приняты областные стандарты. В Брянской области действуют следующие стандарты: от 10 декабря 2009 г. №1319 «Социальное обслуживание населения Брянской области. Требования к персоналу учреждений социального обслуживания» [9], от 10 декабря 2009 г. №1319 «Социальное обслуживание населения Брянской области. Контроль качества социальных услуг» [11]; от 10 декабря 2009 г. №1319 «Социальное обслуживание населения Брянской области. Классификация учреждений социального обслуживания» [8]; от 10 декабря 2009 г. №1319 «Социальное обслуживание населения Брянской области. Система качества учреждений социального обслуживания» [7].

В Государственном Стандарте «Социальное обслуживание населения Брянской области. Требования к персоналу учреждений социального обслуживания» установлены основные требования к персоналу учреждений социального обслуживания, принимающему непосредственное участие в предоставлении социальных услуг. Данный стандарт предназначен для использования при аттестации персонала учреждений, в нём описаны принципы деятельности социального обслуживания, требования к персоналу, требования к должностям и профессиям персонала учреждения [9].

Государственный Стандарт «Социальное обслуживание населения Брянской области. Основные виды социальных услуг» распространяется на социальные услуги, предоставляемые населению государственными и негосударственными учреждениями социального обслуживания, а также гражданами, занимающимися предпринимательской деятельностью по социальному обслуживанию населения без образования юридического лица, и устанавливает основные виды социальных услуг, предоставляемых гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, и требования к порядку и условиям оказания этих услуг [10].

Государственный Стандарт «Социальное обслуживание населения Брянской области. Контроль качества социальных услуг» устанавливает основные правила и порядок проведения контроля качества всех видов комплекса социальных услуг, предоставляемых населению [11]. Государственный Стандарт «Социальное обслуживание населения Брянской области. Система качества учреждений социального обслуживания» описывает основные требования к системе качества учреждений, основные факторы, влияющие на качество услуг, и порядок их использования при формировании системы качества учреждений, документальное оформле-

ние системы качества, организация работы по качеству, внешняя система контроля качества, внутренняя система проверки качества, подготовка кадров, контроль и оценка качества услуг [7].

В деятельности социальных учреждений используются различные виды социальных технологии, которые могут выявлять, регулировать, корректировать качество предоставляемых услуг. К основным видам относятся диагностика, экспертиза, прогнозирование, мониторинг, управление, проектирование, планирование, каждая из них является эффективной в решении определенной проблемы.

Социальные учреждения разрабатывают программу контроля качества социальных услуг, целью которой является обеспечение реализации государственных стандартов оказания социальных услуг, повышение их качества, обучение и повышение профессионального уровня сотрудников. Программа разрабатывается на 1-2 года и включает следующие разделы: контроль работы сотрудников, контроль качества обслуживания, контроль ведения документации. Программа содержит критерии оценки качества услуг, перечень основных факторов, подлежащих контролю.

Управление качеством социальных услуг в соответствии с разработанной программой качества является перспективным направлением развития социальной работы.

Большое значение в вопросах повышения качества социальных услуг сыграла реализация Закона РФ от 28.12.2013 №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ».

В Брянской области большое внимание было уделено информационной и разъяснительной работе в основных положений указанного закона РФ. В местных средствах массовой информации дана информация, где подробно были изложены основные статьи нового закона, для населения подготовлены буклеты и розданы в сельские поселения, размещена информация на стендах и столах в учреждениях социального обслуживания, в районных библиотеках.

Во исполнение норм Закона РФ №442 «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» для улучшения качества предоставляемых социальных услуг учреждениями обеспечен индивидуальный подход к каждому гражданину, признанному нуждающимся в социальных услугах. Всем получателям услуг разработаны индивидуальные программы, в которых указана форма социального обслуживания, виды, объем, периодичность, условия, сроки предоставления социальных услуг, перечень рекомендуемых поставщиков социальных услуг, а также мероприятия по социальному сопровождению. Индивидуальная программа для поставщиков социальных услуг носит обязательный характер.

Между гражданином и социальными учреждениями заключены договора о предоставлении социальных услуг.

Согласно ФЗ №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» сформирован регистр получателей социальных услуг. Обновление документальной базы получателей социальных услуг, начиная с заявления и до заключения договора, проведено в кратчайшие сроки с участием всех заинтересованных учреждений.

С вступлением в силу Федерального закона №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» социальное обслуживание выходит на более высокий уровень - уровень рыночных отношений: возможность предоставления гражданам социальных услуг негосударственными организациями и частным бизнесом, что потребует от государственного учреждения более высокого качества работы, образовательного уровня кадрового потенциала, которые напрямую связаны с пересмотром условий и порядка предоставления услуг. Перевод учреждения на новые формы предоставления социальных услуг позволит выявить ресурсы и перспективы для дальнейшего развития.

Должен быть расширен в целом спектр социальных услуг, в первую очередь информационных, консультационных, правовых, психологических, которых сегодня явно не хватает населению.

Технологии социального обслуживания призваны: создавать удобства для населения в решении имеющихся проблем, с высоким качеством обслуживания и предоставляемых услуг, повышая тем самым качество жизни населения, оптимизировать усилия клиентов, ориентируясь на их ресурсы и ресурсы специалистов. Главной целью технологий должны быть помощь, уход за теми, кто в этом нуждается и их поддержка; социальная профилактика; реабилитация и активизация внутренних ресурсов для активного, самостоятельного проживания тех граждан, кто имеет силы и способности.

Повышение качества и доступности услуг институтов социальной сферы - одна из приоритетных задач на период до 2018 года, стоящих перед органами социальной защиты населения. Независимая оценка проводится в соответствии с установленными критериями и показателями этой оценки. Ключевой критерий оценки качества оказания услуг - это открытость и доступность информации об учреждении.

Ключевая роль в проведении независимой оценки отводится общественным советам. При департаменте семьи, социальной и демографической политики Брянской области создан общественный совет по вопросам формирования независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания Брянской области. Им формируется перечень оцениваемых организаций, определяются критерии их оценки.

На основе полученной информации от организации-оператора, собирающей и анализирующей деятельность учреждений социальной сферы, изучающей общественное мнение о качестве предоставляемых ими услуг, общественный совет проводит оценку качества оказания услуг.

Результатами независимой оценки являются рейтинги учреждений социального обслуживания, которые размещаются в сети Интернет на официальном сайте департамента, а также на сайте Правительства Брянской области и bus.gov.ru в разделе «Независимая система оценки качества». Информация о проводимой работе по независимой оценке качества оказания услуг организациями социального обслуживания отражается в выступлениях руководства департамента в СМИ наряду с информацией о деятельности департамента.

В целях улучшения качества работы учреждений департамент направляет учреждениям, занявшим нижние строчки рейтинга, предложения об улучшении качества их работы, подготовленные с учетом изучения результатов оценки качества работы учреждений и рейтингов их деятельности, а также предложений совета; учитывает информацию о выполнении разработанных учреждениями планов мероприятий по улучшению качества работы учреждений при оценке эффективности работы их руководителей.

Было принято решение проводить мониторинговые мероприятия по оценке качества оказываемых услуг не только среди потребителей услуг, но и среди всех категорий сотрудников организаций, оказывающих социальные услуги. Представляется, что социально значимой целью этой работы должна стать ориентация их деятельности на удовлетворение запросов потребителей как базовой ценности. Для повышения качества предоставляемых государственных услуг необходимо проводить обширную разъяснительную работу среди населения по структуре самих услуг, условиям их получения, а сами стандарты качества оказываемых услуг сделать более доступными потребителям государственных услуг (в том числе и по возможности выделения конкретных критериев и показателей). Существенную помощь Совету могут оказать целевые приёмы по итогам проведения независимой оценки качества работы учреждений социального обслуживания населения Брянской области, которые планируется проводить в районах.

Кроме того, при оказании государственных услуг необходимо иметь в виду, что повышается образовательный уровень населения, его информированность о правах и обязанностях, граждане стали более требовательны к качеству предоставляемых услуг. Так, люди в возрасте до 55 лет, особенно проживающие в городах, уже считают естественным получение максимума информации через интернет.

Таким образом, для повышения качества оказываемых государственных услуг важно искать слабые места, совместно выявлять причины недовольства потребителей и определять пути устранения недостатков: менять технологии оказания услуг, модернизировать оборудование, работать с персоналом.

Литература

1. Бодак А.В., Александрова А.Н. Стандартизация и сертификация в системе социального обслуживания - путь повышения качества предоставляемых услуг // Социальное обслуживание. - 2011.- №4.
2. Горанчук В.В., Губская Т.И., Камаева Г.И., Орлова И.С. Социальный контроль как эффективная форма оценки качества деятельности и прогнозирования дальнейшего развития социозащитного учреждения // Социальное обслуживание. – 2008.- №4.
3. Государственный Стандарт ГОСТ Р 50646-94 «Услуги населению. Термины и определения».
4. Государственный Стандарт «Социальное обслуживание населения. Основные виды социальных услуг» ГОСТ Р 52143-2003

5. Государственный стандарт «Качество социальных услуг» ГОСТ Р 50646.

6. Государственный Стандарт от 10 декабря 2009 г., №1319 «Социальное обслуживание населения Брянской области. Термины и определения».

7. Государственный Стандарт от 10 декабря 2009 г., №1319 «Социальное обслуживание населения Брянской области. Система качества учреждений социального обслуживания».

8. Государственный Стандарт от 10 декабря 2009 г., №1319 «Социальное обслуживание населения Брянской области. Классификация учреждений социального обслуживания».

9. Государственный Стандарт от 10 декабря 2009 г., №1319 «Социальное обслуживание населения Брянской области. Требования к персоналу учреждений социального обслуживания».

10. Государственный Стандарт от 10 декабря 2009 г., №1319 «Социальное обслуживание населения Брянской области. Основные виды социальных услуг».

11. Государственный Стандарт от 10 декабря 2009 г., № 1319 «Социальное обслуживание населения Брянской области. Контроль качества социальных услуг».

12. М.Гуслякова Л.Г., Калинина Ю.А. Исследование стандартизации социального обслуживания: проблемы, перспективы, реализации на региональном уровне // Исследование социальной политики.- 2006.- № 3. - Т.4.

13. Даниленко С.К., Острых В.В. Организация мониторинга качества и эффективности социальных услуг, оказываемых реабилитационным центром для несовершеннолетних // Социальное обслуживание.- 2011.- №12.

14. Косенко О.А. Развитие системы управления социальных услуг лицам пожилого возраста в России // Отечественный журнал социальной работы.- 2011.- №4.

15. Кумеченко В.П. Доступность и качество социальных услуг: инновации // Социальная работа.- 2011.- №1.

16. Лелюхин С.В. Особенности управленческого контроля в сфере услуг // Отечественный журнал социальной работы. – 2010. - №3.

17. Лобода М.А. Организация системы контроля в центре социального обслуживания // Работник социальной службы.- 2010.- №9.

Глава 3. Психология войны: она пошла к Коху, как в атаку

Шибанов С.А.
член союза писателей Российской Федерации,
Россия, г. Мурманск
shibanov11@rambler.ru

Ш 55

УДК 94 (47) . 084. 8

ББК 63. 3 (2) . 622. 5

Войну никогда не ждёшь. Даже для военных, для кого Родину защищать – это профессия, – даже для них она часто приходит неожиданно. А уж для гражданского человека и подавно. Войну всегда проклинаят. Потому что война – это всегда горе. Это утрата родных и близких. Любимых. Это рано поседевшие головы матерей. Это рано повзрослевшие дети, которых война лишила детства.

Война - это враг, который пришёл на твою землю, чтобы забрать у тебя всё, чтобы превратить тебя в раба. А если не захочешь им быть – хладнокровно, безжалостно убить тебя. Потому что убивать и убивать как можно больше ему приказал его «фюрер». Советский народ, все его национальности убедились в этом очень скоро.

Вот такая «Памятка», разработанная в ведомстве Геббельса, была в ранце каждого немецкого солдата:

«У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание. Убивай всякого русского, советского – не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, мальчик или девочка».

30 января 1933 г. рейхсканцлером Германии стал Адольф Шикльгрубер. Все советские мальчишки знали его под именем Адольф Гитлер.

Придя к власти и приведя с собой нацистов, Гитлер сразу же начал грезить Великим третьим рейхом. Причём ладно бы он сам грезил. Но постепенно вместе с ним стало грезить большинство немецкого народа. А для тех, кто грезил иначе, соратник Гитлера – Гиммлер - приготовил концлагеря.

«Дранг нах Остен» возник сразу. А куда же ещё было двигаться немецким арийцам, как не на восток? И если снова когда – либо к власти в Германии придёт новый Гитлер, то куда же он двинется, как не на восток? Тем, кто думает иначе, рекомендуем посмотреть на географическую карту.

А в августе 1942 г. в непосредственной близости от села Виры дислоцировалась группа партизан –и медведевцев под командованием В.В.Кочеткова - профессионального чекиста. Его группе было поручено «оседлать» участок Клёсов – Сарны. «Оседлать» - значит проводить разведывательную и диверсионную работу в этом районе.

Виктор Васильевич ведь был заместителем Д.Н.Медведева по разведке на железнодорожных коммуникациях врага – именно так он сам называет себя в предисловии к воспоминаниям Николая Струтинского «Подвиг». Виктор Ва-

Васильевич Кочетков стал самым первым из медведевцев, кто познакомился с семьёй Довгеров. Это знакомство переросло позднее в близкую дружбу, и не было, наверное, после войны ни одного значительного события в этой замечательной семье патриотов, на котором в качестве почётного, особо дорогого гостя не присутствовал бы Кочетков.

В мемуарной литературе кочует версия, что В.В.Кочетков с самого начала входил в состав «Победителей». Однако это не так. Мы располагаем рукописью В.В.Кочеткова, которую можно было бы назвать, наверное, «самиздатом», потому что она датирована сентябрём 1957 г., то есть была «первой пробой пера», так как известно, что первые мемуары Виктора Васильевича под названием «Неустршимые» в соавторстве с М. Я.Толкачом вышли в Куйбышевском издательстве только в 1963 г.. В.В.Кочетков (оперативный псевдоним «Механик») вспоминает, что его группу из 12 человек сначала, 20 мая 1942 г., (а мы знаем, что первую группу «Победителей» под командованием А. Творогова выбросили 29 мая) из Москвы доставили в Воронеж, а уже из Воронежа с наступлением темноты на самолёте перебросили через линию фронт. По заданию его группа должна была действовать в районе Киев – Фастов. Но выбросили их в Пинские болота Белоруссии!

Неточные выброски партизанских групп были, к сожалению, нередки. Основных объективных причин для неточных высадок было, на наш взгляд, четыре: во – первых, лётчики, которые работали на партизан, пришли в большинстве своём из гражданской авиации и поэтому, естественно, опыта десантирования у них не было; во - вторых, в целях безопасности перелетали линию фронта всегда ночью, то есть видимость была ограниченная; в - третьих, как только самолёт пересекал передовую, так их сразу же «нащупывали» вражеские зенитки, своим пристрельным огнём сбивавшие самолёт с курса. В - четвёртых, ориентирами всегда были костры, расположенные в определённой конфигурации, а по ночам огней на земле было столько, что в самый раз здесь подходит поговорка : «Сам чёрт ногу сломит!»

Совершив марш – бросок, группа Кочеткова оказалась в районе станции Толстый Лес, что на железнодорожной линии Овруч – Чернигов, и оттуда связались с Москвой. К этому времени уже были десантированы две группы медведевцев – Творогова и Пашуна – и ни от одной из них не было никаких известий. Обеспокоенное командование приказало Кочеткову принять остальные группы на его временную базу под Толстым Лесом.

20 июня десантировался Д. Н. Медведев. И вот теперь мы предоставим слово Виктору Васильевичу: «Следуя на марше в Ровенскую область, в одной из бесед со мной Дмитрий Николаевич предложил мне присоединиться с группой к его группе, учитывая общность наших задач вести разведку в тылу противника. Сам я этого решить не имел права, запросил по радио наше общее командование и вскоре получил на это согласие. Так из двух оперативных групп образовался отряд под командованием Д.Н. Медведева...».

Почти сразу после того, как кочетковцы расположились возле села Виры, ему доложили, что с ним хочет переговорить один местный житель. Местным жителем оказался Константин Ефимович Довгер - Клёсовский лесничий.

Вот что пишет Олимпиада Константиновна о своём отце в письме, присланном автору: «Отец родился в Западной Белоруссии Барановичского уезда (ныне Барановичская область) в семье крестьян. У него было два брата и сестра. Сам он был высокий, подтянутый, стройный, спортивного телосложения, вредных привычек не имел, то есть не курил, спиртным не увлекался, был вежлив и обходителен.

К нему часто приходили односельчане за разными советами. Он много времени уделял непосредственной работе как лесничий и работе по собственному хозяйству, а когда была возможность, ложился на диван, читал и слушал радио. К сожалению, год его рождения и годы учёбы в Петербурге я не помню». (Мы выяснили, что Константин Ефимович родился в 1891 году, то есть начал он свою деятельность разведчика уже в солидном возрасте - в 51 год. Оперативный псевдоним его был «Гета». А партизаны звали его просто «дядя Костя» - автор).

Константин Ефимович сразу же, без обиняков, предложил свою помощь партизанам. Виктор Васильевич как истинный чекист не торопился с ответом: немцы ведь очень часто засылали к партизанам своих лазутчиков – провокаторов. Поняв это и немного, возможно, обидевшись, что ему не доверяют, Константин Ефимович сказал, что в Вирах у него семья - жена и три дочери.

Разведчиком Константин Ефимович был очень ценным. Он ведь ещё до Октябрьской революции окончил в Санкт – Петербурге лесотехнический институт. А профессиональными чертами работников леса являются, как известно, наблюдательность и умение чертить отличные чертежи. Вот эти качества ему особенногодились для выполнения самого первого задания, полученного от Кочеткова.

В жизни каждого человека есть такой момент, эпизод или день, память к которому возвращает его всё снова и снова. Принято называть такой день или момент кульминационным, то есть моментом наивысшего напряжения. Думается, вряд ли мы ошибёмся, если посчитаем, что как раз таким днём для Валентины Константиновны Довгер и стал 31 мая 1943 г. Я по- хорошему, белой завистью, завидую А.К.Никифорову, имевшему возможность общаться с Валентиной Константиновной, наблюдать её в различных жизненных ситуациях - и когда она, вдохновлённая, выступала с трибуны перед молодёжью, рассказывая о подвигах своих боевых друзей (именно в такие моменты он сравнивал её с «Пассионарией» – Долорес Ибаррури); и когда она, счастливая, принимала высшую награду Родины – Орден Ленина; наблюдал её в тяжёлые моменты, когда догоняли партизанскую разведчицу результаты попыток в гитлеровских тюрьмах (а, может, они никогда от неё и не отставали?). И ему же пришлось выполнить скорбную миссию - проводить Валентину Константиновну в последний путь. Анатолий Кириллович хорошо помнит, что среди множества вопросов, задававшихся после каждого выступления, был обязательно такой: «Что Вами двигало в борьбе с фашистами?» – И, немного помедлив, сверяясь, наверное, в этот момент со своим сердцем и пропуская каждый раз через него свой ответ, Валентина Константиновна всегда отвечала: «Любовь к Родине».

Любовь к Родине, проявившаяся в массовом героизме нашего народа на фронте и в тылу, - вот что стало главной причиной того, что в мае 1945 г. советский солдат водрузил красный флаг Победы над берлинским рейхстагом, закончив войну там, откуда она и пришла.

В ходе работы над материалом мне пришлось вести очень эмоциональный спор с одним знающим человеком. Я высказал этому человеку своё мнение по поводу того, что на Западе не то чтобы не любят свою Родину, - нет, конечно, они её любят, но вот только любят её как-то не так, не по - русски. Мне эмоционально ответили, что я не прав, что там любят Родину не меньше чем мы. И тогда я начал приводить аргументы в подтверждение своей правоты.

Возьмём, например, говорил я, Гражданскую войну в США в 1861-1865 гг.- самую страшную катастрофу в истории США, как заявляют все американские историки, в которой только безвозвратных потерь с обеих сторон было более 630 тысяч, то есть больше, чем США потеряли за две мировые войны.

Так вот, когда 12 апреля 1861 г. разразилась эта самая страшная катастрофа, чтобы решить по- гамлетовски, быть или не быть рабству в стране, то одна треть всех офицеров армии США написала президенту Аврааму Линкольну прошение об отставке, чтобы воевать против него на стороне своего мятежного штата. Интересно, что и генерал Роберт Ли, которого по сей день боготворят в США, и не только в мятежных когда – то штатах, поступил точно так же – отказавшись от предложения Линкольна занять пост Главнокомандующего армией Севера, он занял этот пост на другой - вражеской стороне.

Этот пример показывает, что Родина для американца – это их штат, плантация, дом, а уж только потом Соединенные Штаты Америки. Представим себе только на мгновение: воронежцы выбили фашистов из своего города 25 января 1943 г., а дальше воевать не пошли: не наше это, мол, дело!

За восемь дней до начала Гражданской войны президент посылает телеграмму майору Андерсону, командиру Форта Самтер в Южной Каролине, с бомбардировки которого южанами началась война: «Если у Вас будут заканчиваться продукты и боеприпасы, и возникнет ситуация, угрожающая безопасности Вашей жизни и Вашего гарнизона, Вам предоставляется право капитулировать»¹.

А теперь попытаемся представить себе только на момент, что с началом Великой Отечественной войны И.В.Сталин шлёт аналогичную радиogramму героическим защитникам Брестской крепости (!).

Нет сомнения, что даже клеветники на советскую историю, которых расплодилось сейчас, как поганок в лесу, единодушно назовут это бредом.

Или вот, послушайте, продолжал я, как откровенничает английский писатель Э.Форстер (1879–1970 гг.) в своей работе «Да Здравствует Демократия» («The Cheers for Democracy»): «Если бы мне пришлось выбирать между предательством моей страны и предательством моего друга, то я надеюсь, что у меня хватило бы мужества, чтобы предать мою страну»². Тут, как говорится в таких случаях, нет слов – одни только восклицания!

Можно было бы, конечно, не утомлять внимание читателя примером этого писателя – долгожителя. Но именно этот пример неординарного, наверное, че-

ловека, наиболее характерно показывает, почему там, на Западе, так плохо понимают русский характер, так же как и нам бывает очень трудно понять их характер.

Настоящий русский человек, во-первых, никогда бы не поставил вопрос в такой плоскости в силу того, что вопрос - абсолютно некорректный: нельзя предавать ни друга, ни Родину. А во-вторых, нельзя ставить Родину ниже одного человека, пусть даже и друга.

Думается, что той демократии посвятил Форстер свой упомянутый выше труд, которая позволила во время Второй мировой войны почти беспрепятственно лидеру английских фашистов – основателю партии «Союз Британских Фашистов» - Освальду Мосли - организовывать демонстрации и митинги, на которых с трибун призывали оказывать помощь фашистской Германии (А как же? - Демократия!). Единственное, что позволило себе британское правительство – это посадить главаря английских фашистов под домашний арест и тут же выпустить его, как только закончилась война.

А Дуглас Макартур – главнокомандующий войсками США на Тихом океане во время второй мировой войны, «Американский Цезарь», как называла его в американской прессе?

Когда в марте 1942 г. японцы зажали его на филиппинском островке Коррехидор вместе со штабом и остатками манильского гарнизона, он бросил своих подчинённых, сбежав в соседнюю Австралию на торпедном катере. Там, на австралийском берегу, он сказал с пафосом, обращаясь к командиру торпедного катера: «Я награждаю каждого офицера и матроса Орденом Серебряной Звезды. Вы вытащили меня из зубов смерти и я этого никогда не забуду»³.

А потом в своих послевоенных мемуарах обвинил во всём президента Франклина Рузвельта, якобы просто вынудившего Макартура оставить на погибель своих солдат!

И что, если бы не Рузвельт, он никогда бы себе этого не позволил. Попутно, однако, «Американский Цезарь» не забыл достаточно живописно описать, какие лишения ему пришлось испытать, добираясь до Австралии на таком непригодном судёнышке, как торпедный катер! А вот генерал- лейтенант М.Г.Ефремов, оказавшись в том же 1942 г. в такой же ситуации - во вражеском окружении, предпочёл разделить трагическую судьбу многих солдат своей армии, отказавшись эвакуироваться, когда за ним прислали самолёт и вместо этого отправив на этом самолёте раненых!

Поэтому, может, суд неоднократно оправдывал американских фермеров, сражавших наповал из своего винчестера подростков, забиравшихся к ним в сад, чтобы сорвать несколько яблок? Потому, может, что частная собственность - более священное понятие на Западе, чем Родина? Может, поэтому нам не приходилось слышать об американских – английских – французских Матросовых, Гастелло, Карбышевых ...? Навряд ли там стали бы скрывать эти имена, если бы они существовали. И, может, этим объясняется, почему, когда Гитлер вызвал в Берлин чехословацких президента и министра иностранных дел для того, чтобы вручить им ультиматум о несопротивлении германским войскам, те приняли этот ультиматум, и 15 марта 1939г. немцы вошли в Прагу, не встречая

сопротивления, хотя Чехословакия располагала на тот момент одной из самой развитой в Европе промышленностью, а её армия насчитывала 45 дивизий? А Польша сопротивлялась всего шесть недель – столько же, сколько и Франция с её знаменитой линией Мажино, подписавшая 22 июня 1940 г. свою капитуляцию в том же Компьенском лесу в том же вагоне, в котором 28 июня 1919 г., по окончании I мировой войны, подписала акт капитуляции поверженная Германия.

Не уверен, что переубедил моего оппонента в этом споре, но надеюсь, что сомнения посеял в его непоколебимом мнении по вопросу об отношении людей Запада к своей Родине.

Но вернёмся в 31 мая 1943 г. 19 лет - впереди ещё вся жизнь, а Валя Довгер, отринув все сомнения, отправляется с Николаем Кузнецовым на задание туда, вернуться живой откуда в случае выполнения задания шансы равнялись нулю. Она ведь сама пишет в своих воспоминаниях «Боевые Мои Друзья»: «... Мы понимали, что уничтожив палача, шансов уйти самим не имеем. Где-то вблизи резиденции наши друзья, они постараются в нужную минуту прийти на помощь, но ...»⁴.

Да, было понятно – девушкой двигала беззаветная любовь к Родине, непреходящая ненависть к врагу и желание отомстить за смерть отца. Всё это так. И всё же... И всё же автору всегда хотелось выслушать по этому поводу мнение профессионала – психолога. На просьбу автора откликнулся В.А.Сизиков – психолог с большим стажем работы в одной из средних школ зауральского города Кургана. Вячеслав Афанасьевич начинает свои рассуждения, как кажется на первый взгляд, издали и вроде бы даже не совсем по теме: «Работая в своё время заместителем секретаря комитета ВЛКСМ на местном арматурном заводе, я имел разговор с бывшим танкистом – фронтовиком, начальником отдела секретности, на которого при освобождении Кенигсберга пришла домой похоронка. Он обгорел, документы сгорели, танк сгорел, его самого отнесли в медсанбат. Две недели без сознания. Похоронку дали из его части домой. Левая рука и нога были изувечены.

Помнится, он хорошо тогда ответил на мой вопрос о героизме: «Наш КВ вывернул из переулка, и одновременно вывернула «Пантера» напротив нас. Выстрелили одновременно. Одновременно и загорелись. Мы, горящие, выскочили, и немцы тоже. Они стали кататься по земле, а мы рванули к ним и стали их душить. Я решил, что хотя бы перед смертью задую ещё одного гада». Казалось бы, пример замечательный, но не по теме. По крайней мере, не совсем: там передовая, а здесь - вражеский тыл, там – фронтовики, а здесь – партизаны-подпольщики.

Но если хорошенько поразмыслить, то можно прийти к выводу, что пример с героем - танкистом, который привёл Вячеслав Афанасьевич, один из многих примеров массового героизма советского народа в годы войны, является замечательным вступлением к интересующему нас вопросу.

«Что подвигло этого танкиста и Валу Довгер на подвиг?» - продолжает психолог. «Для этого посмотрим схему волевого акта. Схематично она смотрится так: потребности – цель – установка – принятое решение – его исполне-

ние. Потребности – это состояние нужды в чём – либо. Потребность активизирует организм, стимулирует его на поиск того, что требуется.

Высшие потребности – социальные: в служении обществу. Такие потребности в капиталистическом обществе не воспитываются. У советской молодёжи это было воспитано. Далее идёт цель. Цель всегда конкретна. Цель - это образ желаемого результата действия или деятельности. Если представить себе среднюю поведенческую арену человека в виде своеобразной арены, на которой разворачивается красочный и многогранный спектакль его жизни, то самое яркое освещённое на арене место, привлекавшее наибольшее внимание зрителя, это и есть цель. Психологически каждый человек воспринимает цель как непосредственный и ближайший ожидаемый результат его деятельности. У Вали Довгер, как и у всех советских людей, в предвоенное время воспитывалась цель победить того, кто посмеет напасть на Страну Советов. Примеров этому масса. Воспитывали людей целеустремлённых.

Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, цель Вали Довгер, как и других патриотов, конкретизировалась – разбить врага. После того, как цель поставлена, наступает время установки. Установка – это готовность человека к восприятию будущих событий и действиям в определённом направлении. Наиболее глубоко теорию установки разработал советский психолог Д.Н.Узнадзе. На основании его теории готовили бойцов преодолевать страх в бою.

Вот есть медаль «За Отвагу». А почему нет «За Храбрость»? Оказывается, что отвага и храбрость – понятия неоднозначные. Храбрость – это форма бесстрашия, при которой страх не переживается, будучи вытеснен эмоциональной реакцией «упоения опасностью – в народе в таком случае говорят: «Лезет на рожон».

Отвага – это, конечно, тоже форма бесстрашия, при которой чувство страха также не переживается - однако, в отличие от храбрости, страх здесь вытеснен чувством долга, ставшим доминирующим мотивом деятельности.

«Ведь после того, как её отец погиб », - рассуждает Вячеслав Афанасьевич, - у Вали Довгер был выбор: отойти от борьбы – причины для этого были: 19 лет всего - то, совсем ещё молоденькая девушка, вся жизнь впереди (многие авторы, куда входят и бывшие боевые друзья Валентины Довгер, и такой серьёзный исследователь деятельности отряда «Победители», как Теодор Гладков, упорно называют её 17 –летней, повторяя все как один, очевидно, ошибку командира «Победителей». Пришла пора исправить эту фактологическую ошибку – 31 мая 1943 г., в день, когда они с Николаем Кузнецовым отправились к Коху, Вале было 19 лет 4 месяца и 25 дней – С.Ш.) . Вдобавок, теперь надо было больше помогать матери и по хозяйству, и в деле воспитания младших сестёр. И был другой выбор: идти в отряд и мстить ненавистным захватчикам за установленные ими бесчеловечные порядки на её земле, за гибель советских людей, за смерть отца. Валя не сомневалась ни секунды. Она сделала выбор – она пошла в отряд».

Здесь мы ненадолго прервём психолога, чтобы подтвердить правоту его слов. В Музее Партизанской Славы воронежской школы № 83, одним из осно-

вателей которого была Валентина Константиновна, хранится письмо заместителя Д.Н.Медведева по разведке на железнодорожных коммуникациях врага В.В.Кочеткова. Приведём отрывок из него: «Через несколько дней после гибели Константина Ефимовича (Довгера – С.Ш.) мне снова довелось посетить эту семью в посёлке Выры. Да! Эти люди действительно были сильными духом. Несмотря на тяжёлое горе – это чувствовалось во всём, всё же Валя, обращаясь ко мне, сказала: «Виктор Васильевич! Мой отец погиб, я заменю своего отца, возьмите меня в отряд».

Стояли крепкие морозы, путь до партизанского лагеря был далёким и нелёгким, а передо мною стояла на вид такая хрупкая девушка, не знавшая партизанской жизни. Я, как только мог, стал уговаривать её остаться дома, в посёлке Выры, она и здесь приносит пользу Родине.

Но все мои доводы ни к чему не привели. Валя потеплее оделась, простилась с родными и в ту морозную ночь, преодолевая с нами, группой разведчиков, в лесу глубокий снег, по бездорожью, пришла в наш партизанский отряд ...».

Выбор был. И Валя его сделала. «Сила воли и сила духа», вновь продолжает Вячеслав Афанасьевич, даются не каждому. Поэтому - то Джордано Бруно смело вошёл на кострище, а старый Галилей не смог повторить такого, хотя и был убеждён в своей правоте. У Вали были убеждения, и была сила воли.

Здесь я перехожу к моменту, когда они с Кузнецовым пошли к Коху. Может быть даже, это был главный подвиг в её жизни. Согласившись безоговорочно идти практически на верную смерть, она приняла, согласно схеме волевого акта, решение, и после этого все сомнения были отброшены, она действовала, в хорошем смысле этого слова, на автомате. (В самом деле, ведь ни один из авторов, описывающий этот легендарный эпизод, ни прямо, ни косвенно не намекнул даже на какие – либо сомнения: решение принято, а далее всё было подчинено как можно лучшему исполнению этого решения – С.Ш.).

Отныне она уже не думала об опасности. Она была готова вынести всё. Вынести вполне осознанно. И она вынесла, когда её арестовали. Быть в затопленном подвале, где плавают трупы ... Пережить неоднократно мнимый расстрел, когда пули пролетают в нескольких сантиметрах над головой ...

Когда рядом только враг, и нет ни уверенности, ни даже простой надежды, что о твоей стойкости узнают свои, для этого требуется особое мужество. Здесь не срабатывает поговорка: «На миру и смерть красна». Такое испытание дано перенести далеко не каждому. Его могут выдержать с честью только люди великого мужества! Валю невозможно было сломить. Как не сломали Зою Космодемьянскую. Как не смогли тысячи других советских патриотов.

На поле боя, как и у моего заводского танкиста, работал сформированный за века архетип: «Умереть за Родину». Для Вали полем боя был Эрих Кох. *Она пошла к Коху, как в атаку*⁵.

«Пошла, как в атаку». Вот, оказывается, как можно всего несколькими словами профессионально точно объяснить так много, вложить в эти несколько слов настолько исчерпывающий смысл, что многое, на первый взгляд сложное, становится предельно понятным!

У американского писателя Синклера Льюиса есть такая фраза: «Какое же это изнурительное, иссушающее мозг занятие – подыскивать нужные слова!»⁶. Зато, если продолжить писателя, какая это радость для автора, когда такие слова находятся! Психолог Вячеслав Афанасьевич Сизиков нашёл именно такие слова.

Литература

¹ Carl Sandburg «Storm over the land: a profile of the Civil War», New York, 1942, p. 25

² E. M. Forster «Cheers for Democracy», The Oxford Dictionary of Quotations, E. Knowles, N.Y., 1999, p. 320

³ «American Caesar: Douglas MacArthur», by William Manchester, New York, 1983, p. 301

⁴ «Незримые Поединки», Воронеж, 1985 г., стр. 96.

⁵ Письмо В.А.Сизикова из архива автора.

⁶ Синклер Льюис, Собрание Сочинений, М., 1965 г., том 7, стр. 402

Глава 4. Критерии продуктивности/непродуктивности стратегии взаимодействия социальных работников – сотрудников обучающейся организации

Ядвиршис А.Е.
кандидат педагогических наук, доцент
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского
Россия, г. Брянск

Я 33

УДК 378 + 316. 47

ББК 74. 58 + 60. 54

Профессиональная подготовка социальных работников начинается с первого курса путем *композиции условий и процессов жизнедеятельности* в региональной обучающейся организации социальных работников Брянской области. Будучи характеристикой *проектного социума*, отношения в обучающейся организации профессионалов включают в себя как те элементы, которые еще не получили своего всеобщего распространения, но уже существуют локально, в небольших группах в качестве произвольных социальных изобретений (НСИ), так и те, которые общность уже воспроизводит и стремится сохранить или от которых хотелось бы избавиться.

Обучающиеся организации, или «*живые компании*», обладая развитой системой обучения в действии, способны к продолжительной жизни за счет эффективного и продуманного управления своим развитием, социальным ростом людей и формированием новых организационных условий. Их базовые качества: 1) адаптивность к внешней среде (и ее потенциальным изменениям), что определяет их способность к обучению и поэтому влияние на процессы адаптации (космогенеза в модели архаического общества); 2) высокая степень сплоченности персонала и идентичности культуры организации (социогенез и социализация в модели традиционного общества); 3) толерантность к новым и противоположным идеям и видам деятельности (что ведет к децентрализации управления, работе с процессами взросления и смыслообразования), обеспечивающей открытость обучения и объективную оценку общего состояния внешней среды организации; 4) консервативное финансирование как сдерживающий фактор рискованных инвестиций корпораций. В ценностно-смысловом отношении им противостоят «*экономические компании*», которые делают упор на увеличение доходов акционеров. У них существенно короче продолжительность жизни ввиду того, что из поля корпоративной идеологии выпадает этос некоторых компонентов образа жизни как безусловная ценность. Мы ориентируемся на анализ состояния следующих компонентов образа жизни сотрудников «живых компаний»: 1) преобразование объектов (труд); 2) формирование субъекта (образование, культура); 3) организация межсубъектных отношений (общественно-политическая деятельность, обеспечение правопорядка, национальные отношения); 4) воспроизводство субъекта (быт, семья, брак). В статье

делается упор на механизмах развития межсубъектных отношений социальных работников путем развития их стратегий поведения.

В основе продуктивных и непродуктивных стратегий поведения социальных работников в качестве сотрудников обучающейся организации мы положили биполярную ценностную шкалу «отношение к другому как ценности — отношение к другому как средству» (Горянина В. А., 1997; Казаринова Н.В., 2000). В отношении к партнеру как ценности можно выделить моральный и психологический аспекты. Моральный аспект состоит в признании другого человека в соответствии с идеологией служб социальной поддержки, помощи и защиты населения потенциальным или реальным субъектом социально-образовательных отношений, свободным и ответственным, имеющим право быть таким, каков он есть (в том числе слабым, доверчивым, непредприимчивым). Психологический аспект проявляется в умении ценностно децентрироваться, в готовности принять другого во всей его уникальности и изменчивости, в стремлении к равноправным партнерским отношениям, к социальному диалогу, некоммерческому сотрудничеству. В свою очередь, установка на другого человека как на средство достижения своих чисто коммерческих целей базируется на обесценивании усилий партнера по социальному диалогу, на ощущении собственного превосходства над ним. Она проявляется в эгоцентризме - упрощенном, стереотипном видении другого, отсутствии попыток понять его, в ориентации на монологичность социального общения с использованием стандартных приемов.

«Обозначенные полюсы в своем переплетении создают силовое поле противоположно направленных тенденций» (Казаринова Н. В., 2000, с. 54) в трех сферах профессиональных отношений социальных работников: информационно-идеологической, производственно-экономической и образовательно-дидактической. Каждый социальный работник в качестве сотрудника и организатора обучающейся организации оказывается перед проблемой выбора своего «места» на этой трехсферной биполярной шкале содружества и вражда. При этом вражда нами воспринимается не просто как темная сторона жизни потребкооперации, а содружество - как ее светлая сторона. Вражда дает очень важный ценностно-смысловой ориентир для восприятия и осмысления стратегии и тактики социальной работы в пространстве боевых действий тотальной войны. В ней рождаются герои и прозябают негодяи. Все разнообразие человеческих типов раскрывается в условиях «скоротечных боестолкновений» (аналог «мгновенного обучения» в социальной дидактике) и затяжной позиционной войны на выматывание противника (аналог «медленного обучения»). Вражда привносит этос бескомпромиссной борьбы на уничтожение противника, «если он не сдастся», и этос «братского соперничества/сотрудничества» в стратегии и тактике современной сетевой войны. Если исследование и культивирование в профессиональных отношениях социальных работников этоса вражды имеет целью понимание сути происходящего (война или мир, враг или сотрудник), то исследование делового сотрудничества и предпринимательского соперничества (за клиентов на рынке социальных услуг) связано с изживанием непродуктивных привычек, стереотипов и мировоззрений, которые из злого умысла, по неосто-

рожности или незнанию «впускают войну в наш дом»), придавая ей размерность «холодной» гражданской войны, последствия которой мы видим в повседневности.

Природа вражды имеет одновременно биологические, социальные и метафизические причины и связана со знанием установления и правил перехода границ первой изначально объективно уже данной и производной второй виртуальной субъективированной реальности образов, слов, мировоззрений, идеологий, ценностно-смысловых парадигм социального познания. В душе каждого из нас и в душах социосистем (коллективов, групп, сообществ) присутствуют отзвуки войны, конфликта, содружества и братства – это гармония и диссонанс, полифония и монофония. Образы, рожденные притчами о вражде, затрагивают струны души, которые соединяют нас со сложным духовным миром русского народа. Они позволяют осмыслить социальную жизнь не в мертвых формулах законов, а в живых уроках предков. Наша отечественная история исключительно богата на *непроизвольные (ненамеренные) социальные изобретения* (НСИ), в которых мы получаем архетипы мгновенного обучения. Социальный работник как лицо, принимающее решения, складывается не столько социально в социальных институтах и учреждениях, сколько культурно-исторически в долгоживущих организациях рода, государевых служб, духовных братств – образцах удержания ценностно-смысловых ядер поведения. Важные иносказания житий и «Слов», сказок, притч, пословиц, поговорок, песен, анекдотов, лишенные холодных наставлений учебников, несут этос современной профессиональной социальной работы. Личность социального работника существует в реальном поле личного пространства быстро развивающейся обучающейся организации, в которой устанавливается баланс технологий и дидактических систем мгновенного, быстрого и медленного обучения. Социальная работа в культурно-историческом контексте эволюции и скачкообразных НСИ благодаря напряженным усилиям поколений «государевых слуг» очищает общество от первой реальности враждебного уклада жизни, ориентированной на примат ценности ссудного процента. Но личность социального работника каждый раз осуществляется не только в обороне этого пространства жизнедеятельности от наседающей реальности враждебного жизнеустройства, но и в активном наступлении на ценностном поле противника, вовлекаясь в коммерческие отношения. И в этом смысле социальные работники вовлечены в войну Реальностей.

Для описания взаимопереходов между полюсами предлагается выделить несколько уровней, каждый из которых соответствует определенной стратегии межличностного взаимодействия социальных работников и лидеров международного движения за социально-политическую защиту обездоленных стран, социальных слоев и групп населения.

1. Доминирование в информационно-идеологической сфере характеризуется игнорированием идеологии социальной поддержки, солидарности, помощи и защиты, активным подавлением интересов идеологии конкуренции другого, стремлением обладать, распоряжаться, получать одностороннее преимущество открытым (без маскировки) императивным воздействием — от физического насилия до внушения и манипулирования сознанием. И здесь активно действуют

идеологические лидеры социальных служб. Доминирование в сфере реального социального производства (образование, здравоохранение, обслуживание, социальная защита) характеризуется активным подавлением паразитически ориентированных субъектов хозяйственной деятельности (спекулянтов, посредников, перекупщиков, рейдеров) и субъектов виртуальной экономики. Здесь проявляют себя лидеры социальной работы как разновидности системы хозяйственной деятельности. Доминирование в образовательно-дидактической сфере характеризуется игнорированием социально-дезориентирующих, инфантилизирующих дидактические отношения систем образования, чуждых в идеологическом и враждебных опережающим системам социального производства.

2. Манипуляция поведением. Возникает на том этапе, когда открыто переиграть соперника в соответствующей сфере жизнедеятельности уже не удастся, а полностью подавить физически или внушением законности доминирования нет возможности. При этом сохраняется ориентация на игнорирование интересов партнера, однако стремление добиться своего происходит с оглядкой на имидж, авторитет, на производимое впечатление. Воздействие осуществляется с помощью провокаций, интриг, обмана и т. п.

3. Соперничество. Здесь интересы другого учитываются в той мере, в какой это диктуется задачами борьбы с ним.

4. Партнерство. Отличается равноправными, но осторожными отношениями между сторонами, стремлением не нанести ущерба себе, раскрыв свои цели партнеру. Воздействие основывается на договоре, который служит и средством объединения, и средством оказания давления.

5. Содружество и братство (дружинный принцип: «Своих не бросаем», «Сам погибай, а товарища выручай»). Строится на отношении к другому как самоценности. Основывается на стремлении к совместной деятельности для достижения общих целей. Главным инструментом воздействия является уже не договор, а согласие (консенсус).

В условиях реализации *программ управляемой деградации* мы рассматриваем поведение, деятельность и поступки в контексте военных операций сетевой войны. Тогда продуктивными стратегиями являются первые две. В условиях, когда социальные работники включаются в конкурентную борьбу, – третья стратегия. А в условиях работы внутри обучающейся организации две последние стратегии признаются продуктивными, способствующими достижению высоких результатов предпринимательства социальных работников, адекватного задачам развития социально ориентированной экономики инновационного типа.

На основании анализа всех пяти стратегий предлагаются следующие критерии продуктивности стратегии межличностного (в том числе и социально-идеологического, производственного и образовательного) взаимодействия:

а) характер активности партнеров: в продуктивном варианте оба партнера занимают активную позицию (партнер *рядом* с партнером), в непродуктивном имеет место активная позиция ведущего партнера и пассивная ведомого (партнер *над* партнером);

б) характер выдвигаемых целей: в продуктивном партнеры совместно разрабатывают как близкие, так и дальние цели, в непродуктивном доминирующий партнер сообщает только о ближайших целях;

в) характер ответственности: в продуктивном за результаты отвечают оба партнера, в непродуктивном всю ответственность несет доминирующий партнер;

г) характер отношений между партнерами: в продуктивном доброжелательность и доверие, в непродуктивном обида, раздражение, гнев.

Несмотря на продуктивный характер двух стратегий из приведенной выше классификации — *партнерство* и *содружество* - нашему пониманию сотрудничества организаторов обучающейся организации социальных работников соответствует лишь одна из них, а именно содружество и братство. Если «инструментальный» аспект сотрудничества, которым можно овладеть в результате обучения на рабочем месте, представлен в обеих стратегиях, то «человеческий» раскрывается со всей полнотой лишь в содружестве и братстве. Таким образом, сотрудничество — это и наиболее эффективная стратегия социального взаимодействия, и продуктивный жизненный стиль личности социальных работников-предпринимателей, это и способ бытия, позволяющий жить в ладу с собой и миром. И в этом проявляется многомерность феномена сотрудничества социальных работников-предпринимателей.

Обучение социальных работников в условиях перехода от деградационного уклада к опережающему развитию

В качестве одного из глобальных вызовов модернизации российской экономики и всей общественно-политической системы стал деградационный уклад жизни, установленный в нашей стране после распада СССР. Ряд аналитиков обращает внимание на то, что это стало результатом систематического применения *организационного оружия*. Из этого можно сделать вывод, что все прежние формы организации социосистем образования социальных работников, связанные с поддержкой, помощью и защитой, претерпевают существенные изменения, приближающие к терминам войны в описании социальной сферы. Появляются актуальные цели не только нейтрализации результатов применения оргорулия, но ликвидации почвы для его использования на молекулярном уровне, когда мы «выбиваем оружие из рук противника». Навязанный нам деградационный уклад жизни непосредственно связан с глобальной геополитической стратегией финансовой и политической элит Запада на «остановленное развитие», когда гонка за прогрессом вошла в противоречие с гонкой за сверхприбылью. В 70-е годы эта стратегическая установка была сразу облечена в концепцию «устойчивого развития» и «золотого миллиарда». Возникли учения об «обществе социального благоденствия» и «обществе потребления».

Поскольку организационное оружие с точки зрения технологии социальной работы - это информационные и управленческие технологии «двойного назначения», то их действие направлено на: 1) блокирование жизненно важных центров общественного организма путем снижения уровня рациональности социосистем, 2) высвобождение его деструктивных архаических элементов и ак-

тивизации примитивных социосистем, разум которых не поднимается выше ситуационного реагирования на внешние и внутренние деструктивные воздействия. Обнажилась проблема разрыва связей личной и общей духовной жизни представителей элиты и народа. Кризис социальных институтов привел к разрывам в организации мгновенного, быстрого и медленного обучения в том глобальном политическом и социокультурном пространстве, которое описывается базовыми образами *страны, народа и культуры*. В силу того, что важнейшим условием успешности систематического применения оргоруужия является лишение управленцев социальных инструментов стратегического мышления представителей этой страны, исторически живущего в ней народа и наследников вековых культурных традиций, произошло блокирование возможностей системной организации ответов, упреждающих стратегические действия противника. Если мы будем рассматривать образование как один из четырех социосистемных процессов, наряду с познанием, производством и управлением, то завершённые социокультурные формы обучения можно связать с базовыми образами. Если культура выступает индикатором завершённых форм мгновенного обучения, то народ даёт образцы завершённых форм – быстрого обучения, а страна – медленного обучения. В других терминах – это ситуативное реагирование на происходящие изменения, тактика и стратегия. Системное применение организационного оружия предварялось несколькими «превентивными ударами», нанесёнными ещё раньше, в 50-70-е годы, когда не было систем социальной работы в их современном понимании. Эти удары наносились по самым чувствительным точкам цивилизационного и социокультурного пространства, ядром которого было единство образа страны, народа и культуры. В этих точках на молекулярном уровне сконцентрированы узловые противоречия не только общественно-политической системы (страны), но и культурной идентичности (народа) и скрепляющей их большой духовной Традиции. Это точки, в которых выверяется правила веры в идеи-идеалы и верности служения тому или тем, кто символически и организационно-политически их воплощает. Неслучайно на место вероисповедного единства (Символ Веры) и личного подданства царю (присяга) в дореволюционной России пришёл принцип идейно-политического единства партии и народа с концентрацией власти в руках генерального секретаря ЦК КПСС. Можно предположить, что именно тогда стала разрываться связь социосистем с механизмами, обеспечивающими единство мгновенного, быстрого и медленного обучения представителей национальной элиты, способной жить интересами своей страны, своего народа и своей культуры. Можно сделать вывод, что усилиями политического руководства, которое в своём составе имело «чужих людей», ликвидировались реальные механизмы смены политического поколения, сочетающие стабилизирующие и управляющие технологии.

Начиная с периода «перестройки и гласности», привычные базовые образы для описания России, русского народа и русской культуры стали систематически подвергаться интенсивному разрушению средствами массовой культуры. Действуя в соответствии с определёнными доктринами «остановленного развития», «открытого общества» и «общества массового потребления», *организаци-*

онное оружие массовой культуры, применяемое в сфере образования, ведет к разрыву социального пространства и явно работает на понижение общего уровня рациональности социосистем и подрыва их духовных оснований. Вектор событий последних десяти лет не ведет к системе социального жизнеустройства, которая обеспечивает выживание народа и страны. Именно на этом пути в социосистемах, обеспечивающих организационную связность технологий мгновенного, быстрого и медленного обучения, формируются социальные субъекты, способные поставить все эти вопросы в национальную повестку дня с тем, чтобы с меньшими потерями были переформатированы отношения деградационного уклада жизни в отношении опережающего развития.

В социосистемах подготовки социальных работников, реализующих цели образования субъектов социальной политики, появляются новые инструменты геополитических действий, направленных на сохранение целостности социального пространства образования. Ориентируясь на два типа инструментов работы с социальным пространством – социальную морфологию и коллективную память, мы выделяем две базовые формы социальной организации дидактических отношений: социально-дидактический транзит (СДТ) (морфология пространства рабочих мест повседневности с принципом их «пустотности» или «незанятости») и обучающаяся организация (ОО) (коллективная память, связанная со «священными местами» праздников, с полнотой мест культурного ядра общества). Социально-дидактическая модель СДТ и ОО ориентирована в пространстве морфологии социального образования на культивирование в ядре общества (ОО) трех социальных благ – власти, богатства и престижа. С точки зрения СДТ (модель общества в учебном процессе) она представляет сочетание трех типов групп – Суда, Совета и Решения. Тогда социально-дидактические отношения структурируются архетипами (пустыми формами): 1) «суда», где важны критерии использования власти, они являются организационным стержнем ускоряющих социальных технологий (УСТ) мгновенного обучения; 2) «совета», где важны принципы «принятия всех такими, какие они есть» с организационным стержнем стабилизирующих социальных технологий (ССТ) медленного обучения; 3) «решения», где важны условия отношений «лиц, принимающих решения» (ЛПР) с организационным стержнем управляющих (коммуникативных) технологий быстрого обучения.

С точки зрения педагогики организационной базой образования социальных работников выступают навыки, над ними надстраиваются знания и умения (компетенции). Являясь «действиями, доведенными до автоматизма», навыки позволяют выделить социальные последствия тройного назначения с точки зрения решения задачи структурирования социально-дидактических отношений в СДТ и ОО: 1) физические действия структурируют социосистемы в физическом пространстве (в архаическом обществе эту функцию выполняет космогонический ритуал); 2) вербальные действия структурируют социосистемы в морфологии и коллективной памяти социального пространства (в традиционном обществе эту функцию выполняет мифопоэтический ритуал); 3) ментальные действия структурируют социокультурные системы (инкультурация) в пространстве культуры (в современном обществе – это нормативные и преце-

дентные тексты, документы и документооборот). Социально-дидактические технологии мгновенного, быстрого и медленного обучения (ускоряющих, стабилизирующих и управляющих) в качестве решения проблемы сохранения своего ценностно-смыслового ядра (организационной культуры общества) имеют конкретную задачу поддержания технологичной связности ментальных, вербальных и физических действий. Эта цель достигается относительно ментальных действий в работе с мотивами социально-дидактического применения внутренней речи в вопрос - ответном общении путем собеседования. Поэтому беседа выступает организационной базой ускоряющих технологий мгновенного обучения. Относительно вербальных действий в работе с мотивом перехода от живой речи беседы на письменную речь в дневниках, письмах, выступлениях, рефератах и т.п. и выступает в качестве организационной базы управляющих технологий быстрого обучения. Относительно физических действий в работе с мотивом работы с документами и документооборотом, с использованием фонда библиотек, словарей, архива и музея, что выступает в качестве организационной базы стабилизирующих (тормозящих) социальных технологий медленного обучения.

В текстах дневников и писем для младших курсов присутствуют организационные события и проблемы, с которыми на том же этапе групповой динамики сталкивались старшие курсы («старики» в армии). Для них та же стадия развития организационных отношений в группах Суда, Совета и Решения пережились три года назад, в эти же мартовские дни. И этот факт, запечатленный в документах Архива, вносит в наши отношения глубину исторического времени и представление о «топологии священных мест». Это происходит не только благодаря Архиву, но и благодаря социально-политической зрелости самих студентов, которые заинтересованы в его использовании в процессе обучения по новому предмету. В качестве примера приводим текст дневника, описывающий текущие события учебного процесса при обучении социальных работников и организаторов работы с молодежью (ОРМ).

«Теперь ваш курс, изучая геополитику, имеет возможность соприкоснуться с событиями, которые здесь происходили еще до вашего поступления в вуз. Возникает возможность нарастить мощь этнокультурной плиты за счет личных контактов с другими студентами, организованными в обучающиеся организации, и воспользоваться коллективной памятью, ориентированной на топологию не «рабочих», а «священных мест». За это время можно было совершить столько осмысленных геополитических действий, если бы ваш предмет входил в учебный план ОРМ на втором или третьем курсах. Но зато сейчас вы получаете организационные преимущества, поскольку не только расширяете круг деловых контактов, но используете архивные документы, становясь «творцами истории». Это заставляет нас задуматься о правилах взаимных расчетов за оказываемые услуги. Новые контакты и обстоятельства встреч в совместной учебной работе позволяют вам лучше увидеть свой реальный геополитический статус при изучении предмета «Геополитика», а БОРМ-16 найти дополнительные источники капитализации активов банка при изучении «Молодежного предпринимательства». Только в этом случае будет излишней проверка присутствия

	<i>волю к власти»</i>	<i>«воспользоваться богатством живого общения»</i>		
1 <i>Квалификационные характеристики Первого уровня</i>	<i>Присутствие /отсутствие Успевающий, задолжник, неуспевающий, выбывающий и выбывший</i>	<i>Состав этнокультурной плиты (мощная, средняя, слабая)</i>	<i>Конспекты лекций в группе «Автор конспекта»</i>	<i>Выполнение домашних заданий, «организатор учебной работы»</i>
2 <i>Квалификационные характеристики второго уровня</i>	<i>Над живой речью – ответы на вопросы и заданные вопросы Собеседник</i>	<i>Количество терминов в обороте текстов Писем, дневников, выступлений, рефератов</i>	<i>Выступления на занятиях, «выступающий»</i>	<i>Наличие на занятии символики группы и представительских табличек Участник социального (делового) диалога</i>
3 <i>Квалификационные характеристики третьего уровня</i>	<i>Над письменной речью: получение и ответы на письма – «адресат, Корреспондент»</i>	<i>Список литературы по предмету (просмотренной, прочитанной конспект, реферат, выступление)</i>	<i>Словарь по предмету. «Составитель словаря терминов»</i>	<i>Словарь организации «составитель словаря ОО»</i>
4 <i>Квалификационные характеристики четвертого уровня</i>	<i>Над внутренней речью: дневниковые записи Автор дневника</i>	<i>Богатство личных связей с другими группами и курсами Сумма 2,3,4 по «власти» (обмен информацией, совместные занятия).</i>	<i>Библиотека по предмету и ее активное использование «Библиотекарь»</i>	<i>Проведение ритуала в учебной группе «Организатор ритуала»</i>
5 <i>Квалифика-</i>	<i>Над докумен-</i>	<i>Стоимость</i>	<i>Выступление</i>	<i>Наличие ар-</i>

ционные характеристики пятого уровня	тами: наличие матриц и их заполнение «Организатор учета и контроля»	продукции: рефераты, выступления доклады, матрицы, карты, контрольные работы «Оценщик стоимости продукции»	на занятиях с текстами сообщений и докладов «докладчик»	жива и его активное использование с целью «сотворения истории» образования в обучающейся организации «Архивариус оперативный»
6 Квалификационные характеристики шестого уровня	Власть над финансовыми, материальными средствами и духовной продукцией учебного процесса (оценка стоимости учебного часа, введение денежного измерения продукции) «Банкир, кассир, бухгалтер»	Объем учебной продукции, запущенной в оборот учебного процесса как образцовые услуги «Библиотекарь»	Подготовка и участие в семинарах «Организатор семинара»	Ведение дневника организации «Хронист-летописец»
7 Квалификационные характеристики Седьмого уровня	Власть над историческим временем обучения (автор планов занятий, дневников, хроник, писем, протоколов собраний)	Богатство архивных документов, связанных с организацией обучения и его историей «Архивариус стратегический»	Подготовка и участие в «Круглых столах» «Организатор и участник КС»	Ведение «Круглого стола» «Ведущий КС»
8 Квалификационные характеристики Восьмого уровня	Власть над социальным пространством – работа с матрицей социальных статусов сотрудни-	Богатство живых исторических связей с партнерами по образованию	Протоколирование Круглых столов Секретарь протокола отдела	Заключение договоров и соглашений о сотрудничестве. Секретарь организации

	ников ООО «Оператор МСС»	«Корреспон- дент- организа тор»		онного отде- ла
--	--------------------------------	--	--	--------------------

Задача формирования многоуровневого образовательного комплекса в системе кооперативного образования

Формирование многоуровневых образовательных комплексов (МОК) среднего и высшего профобразования на базе техникумов и университетов рассматривается как перспективная тема современной образовательной политики. В настоящее время на базе Брянского филиала РУК и Брянского кооперативного техникума активизировался процесс формирования и функционирования многоуровневого образовательного комплекса: техникум - филиал – Центр дополнительного образования потребкооперации (ЦДОП). Это позволяет расширить сферу оказания образовательных услуг в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Все это создает дополнительные условия для развития региональной системы кооперативного образования через его позиционирование на региональном рынке образовательных услуг в качестве обучающейся организации. При этом интенсивно развивается его инновационная «технологическая составляющая» коммуникативных моделей и систем «мгновенного» (импринтингового), «медленного» и «быстрого» обучения.

Коммуникация (по Н. Луману) – это единственная общественная структурообразующая единица, обладающая сообщением, информацией и пониманием. Эти элементы не следует рассматривать как самостоятельные данности, существующие сами по себе. Из сообщения мы стараемся выделить нужную нам в данный момент информацию. Конкретный социальный контекст может требовать мгновенной, быстрой или медленной реакции на коммуникативное событие. И это выступает пусковым механизмом для развертывания социально-дидактических систем мгновенного, быстрого или медленного обучения в формах «встречи лицом к лицу» (знакомства), социально-дидактического транзита (СДТ) или обучающейся организации (ОО). Осознанное различие и единство сообщения и информации представляет собой понимание случая, ситуации или события. Мгновенное обучение насыщено случаями, медленное обучение – ситуациями, а медленное – событиями.

Информация «есть различие, которое порождает различие». Сообщающий из всего возможного, о чем можно поговорить, посылает именно данное сообщение (первое различие как организационно-смысловая основа мгновенного обучения). Принимающий выделяет далеко не все, что стремится сообщить его собеседник (второе различие, связанное с основой быстрого обучения, условие вхождения в пространство социального диалога). Информация есть то, что изменяет социальный смысл этого коммуникативного акта и требует присоединения к следующему коммуникативному акту, что является первичным условием социально-коммуникативного действия.

Носителей информации нельзя путать с информацией, которая нигде не хранится, а являет собой актуализирующееся – ментально и только единожды – различие в сообщении, его дифференциацию на то, к чему мы остаемся безразличными, и то, что требует своего продолжения в системе коммуникации. «Коммуникативный акт» как сообщение и выступает «носителем», контейнером потенциальной информации; язык, кассета, жесткий диск компьютера – все это функциональные эквиваленты сообщения.

Память дидактической системы, настроенной на модельности мгновенного, быстрого или медленного обучения – это структура подчинений, диспозиций, условие отбора информативного материала, система социальных ожиданий, а иногда – весьма произвольный механизм отбора «запомнившихся» событий или способ конструирования фиктивных историй. В эволюции социально-дидактических систем произошел переход от соматической памяти, ориентированной на производство ускоряющих (физически) технологий, которая требует буквального воспроизведения, к адаптивной памяти, ориентированной на производство управляющих (гуманитарных) технологий. Если для техник быстрого обучения в социально-дидактическом транзите характерен первый тип памяти, то для техник медленного обучения в обучающейся организации – второй тип памяти. Соматическая память, в отличие от адаптивной, непосредственно не связана с пониманием, но связана с настройками социального восприятия, с преобразованием социально-перцептивных систем. Понимание есть осознание различий между сообщениями (внешней стороной формы) и тем, что из них отобрано – информацией (внутренней стороной формы). Это достигается через социально-дидактические модели коммуникации.

В *интерференционной модели* коммуникации представлен односторонний асимметричный тип социального отношения, характерный для мгновенного (импринтингового) и быстрого обучения. Цель адресанта (преподавателя) только в том, чтобы, побудив адресата (студента) к когнитивному действию, подтолкнуть его к запоминанию или пониманию сути происходящего, иногда к самостоятельному выводу о степени своего участия в групповой учебной работе. Отсюда определяющий принцип выводимости идейно-политической коммуникации из социального общения в учебной работе.

Интеракционная модель коммуникации строится на основе принципа взаимодействия субъектов образовательной политики. Но при этом речь идет не о студентах и преподавателях, а о сотрудниках обучающейся организации, погруженных в социально-культурные условия медленного обучения с целью наращивания потенциала культуры организаций потребкооперации. Если мгновенное обучение строится на модели запечатления первых социальных впечатлений, складывающихся в целостную картину социального мира, то быстрое обучение строится на модели социального кодирования, медленное – видит сущность дидактического общения не в одностороннем воздействии говорящего на слушающего (автора учебника на читателя) в социально-дидактическом транзите, а в сложном коммуникативном симметричном взаимодействии двух субъектов. В центре внимания здесь социально симметричное поведение и жи-

вое социальное общение при сохранении асимметрии в порождении смыслов и их интерпретации.

Правила поведения в моделях медленного обучения: 1) симметричное общение в контексте жизненных (исторических) эпох становится устойчивым фактором поведения и не ограничивается лишь манифестацией намерений; 2) публичная демонстрация смыслов, причем необязательно специально предназначенных для распознавания и интерпретации адресатом социально-дидактического общения. Основная цель коммуникации в условиях медленного обучения – выход из социально-дидактического транзита в процессы мышления и смыслообразования, позволяющие наращивать константы культуры (мемы) обучающейся организации. Но смыслы нуждаются не только в демонстрации, но и в интерпретации. Важным условием перехода от простой демонстрации к интерпретации смыслов является соучастие коммуникантов в переживаниях (активность социального атома), в повседневном общении и в совместной деятельности.

Опыт развития Брянской региональной обучающейся организации потребкооперации как условие модернизации современного кооперативного образования

В современной российской кооперации особую роль играет сообщество специалистов социально-психологических, педагогических и социальных служб, обеспечивающих функции стратегии социального управления через механизмы сопровождения, поддержки, помощи и защиты.

Социальные ресурсы современной российской кооперации органически связаны с идеологией социальной справедливости, милосердия и благотворительности, с качеством человеческих ресурсов, и формами общественной организации производства, со сферами трудовой деятельности, с экономической средой, сопряженной с местами проживания населения. Проблема заключается в их эффективном использовании путем снижения рисков социальной деструкции. Это, в свою очередь, зависит от многих условий и факторов. При выборе хозяйственных решений, связанных с модернизацией экономики и политической системы, перевода их на инновационный путь развития, обоснование путей рационального использования имеющихся в Брянском регионе социальных ресурсов не осуществляется в полной мере не только из-за отсутствия необходимой для этого информации или финансирования, но и по причине недостаточной разработанности методологического обеспечения организационной функции программных способов социального управления. Профессиональная подготовка современного кооператора связана с развертыванием комплекса краткосрочных и долгосрочных программ кооперативного образования. Если первые реализуются в учреждениях кооперативного образования, то вторые - в открытом пространстве деятельности профессиональных служб, на рабочих местах в перспективе личностного и служебного роста сотрудников.

Работа в краткосрочных и долгосрочных программах обучения региональной обучающейся организации потребкооперации ведется нами на протяжении пяти лет. Накопленный опыт позволяет различать: 1) режимы развития

не только сложившихся, но и новых социальных систем (подпрограмм), состоящих из психологических, педагогических и социальных служб потребкооперации; 2) режим функционирования специалистов и организаций социальной защиты в рамках новых, обновляющихся или старых и устаревающих систем организации деятельности потребкооперации. Если социосистемы потребкооперации не обновляются в инновационной деятельности обучающихся организаций профессиональных служб, сохраняя идейно-организационную преемственность, то нарастают процессы социальной, организационной и психологической стагнации или деградации корпоративных и социальных отношений.

Две базовые формы организации социально-дидактической работы в региональной обучающейся организации - это социально-дидактический транзит (СДТ) или «экономической компании» и обучающейся организации (ОО), или «живой компании», позволяют ослабить действие таких механизмов эволюции институтов социальной защиты и образования, как *мутация* и *мимикрия*. Сегодня источником социального отчуждения выступает «переходная рента» (доход), перераспределение которой на некоторое время становится главным мотивом действия экономических агентов образования, если их деятельность организована в логике «экономических компаний». Возникло *рентоориентированное поведение* руководителей образовательных учреждений, для которых социальная рациональность определяется языком «перераспределения финансовых потоков» в пользу вспомогательных, а не основных субъектов учебного процесса. Такое поведение руководителей усиливает дифференциацию живых и экономических компаний внутри коллективов учреждений кооперативного образования по признакам «ускоряющих (физических)» и «управляющих (гуманитарных)» технологий. Физические технологии, связанные с материально-техническим обеспечением учебного процесса, подавляют развитие гуманитарных технологий, для которых характерно обеднение языка, сокращение числа площадок и сужение тематики социального диалога. В этой ситуации повышаются риски саморазрушения «живых компаний», к которым относятся социосистемы, в которых физические технологии подчинены интересам гуманитарных технологий. Если СДТ как форма организации социально-дидактической работы связана с проникновением в учебный процесс модели отношений в кооперативах как «экономических компаниях», то ОО своей главной целью имеет развитие навыков ведения социального диалога и обращения к истокам социальной функциональности речи в «живых компаниях», представленных, в первую очередь, службами кооперативных организаций (организационно-кадровая, коммерческая, бухгалтерская, товароведная, психолого-педагогическая). В них специалисты-кооператоры приучаются социально-психологически мотивировать социальные отношения сотрудников и партнеров по общению – говорящих и слушающих, пишущих и читающих, студентов и преподавателей, тренеров, ко-тренеров и команды. Письменная, диалогическая, устная и внутренняя речь – это три генетически зрелые формы, способные поддерживать социальную функциональность речи кооператора. В условиях кризиса института образования возрастает риск воспроизводства отчуждения потребителей образовательных услуг от отношений субъектов социального диалога. А задача социального

образования – сформировать эффективного персонального, социального и политического лидера ведения социального диалога, реализующего свои умения и навыки в мгновенной (ситуативно-контекстной), кратковременной и долговременной перспективе, в условиях мгновенного, быстрого и медленного обучения в социально конструктивных и равноправных формах СДТ и ОО.

Обучение кооператоров направлено на профессиональную выучку не только работника-профессионала, но и участника кооперативного движения. Его главный объект – *интеллект кооператора*. Цель действий обучения - расширение интеллекта от рассудка до ума-разума в смысле развития мыслительных способностей как мыследеятельности. *Просвещение* означает проникновение в суть прикладного и практического существования во мне полученных знаний. А суть применения полученных знаний (готовности их своевременного использования) человек обретает в усилиях не столько социальной, сколько личной духовной жизни. Просвещение участников кооперативного движения нацелено на запуск механизмов восхождения к истокам ценностей и смыслов существования, сознания и совести кооператора – носителя ценностей традиций кооперативной идеологии. При отборе дисциплин в программе обучения кооператоров важность предмета определяется не столько информационной насыщенностью, сколько его способностью скачкообразно расширять уровень сознания и развивать интеллект от рассудка до ума-разума. На первой ступени ставится барьер на пути воспроизводства в процессе кооперативного образования феноменов отчуждения (разных типов мышления, продуктов познания, культур). На второй - важно увидеть в разные формы мимикрии феномена отчуждения в соответствии с меняющимися внешними социальными условиями.

На третьей ступени приходится устранять эти формы отчуждения, когда профессиональное сообщество кооператоров развивается на идеологической и организационной основе соответствующих служб потребкооперации, где качество специалиста дополняется приверженностью кооперативным социальным смыслам и ценностям. На четвертой ступени необходимо предупредить «сползание» процесса отчуждения на уровень личностных качеств в форме отчуждение личности кооператора-эксперта социального общения от своей сущности, в отчуждении от ретроспективы (исторической памяти) и перспективы (проектности) осуществления социальных ценностей кооперации в новой исторической эпохе. На пятой ступени обнаруживается, что незаинтересованность профессионального сообщества кооператоров в личностном росте сотрудников ведет его к состоянию застоя и саморазрушения. На шестой ступени обнаруживается, что полное слияние дуальных оппозиций (статики-динамики, системы-процесса, обучения-просвещения) невозможно в условиях быстрого обучения в логике «экономических компаний», поскольку они являются выражением специализации и разделения труда в сферах производства образовательных услуг. На седьмой ступени происходит устранение дуализма образовательных парадигм обучение-просвещение, переосмысление оснований оппозиции, которое выражается в формулировании общественных, политических и духовных оснований современного кооперативного образования.

Потенциал развития обучающейся организация социальных работников

Мы представляем опыт Брянской области по развитию комплексных психологических, социально-педагогических и медико-социальных служб сопровождения и помощи детям, родителям и учителям в системе образования. В 90-е годы, когда эти службы создавались по федеральной программе «Дети Чернобыля», были выделены две независимые друг от друга линии организационно-управленческих отношений: административная и профессиональная. Никакое решение по службам не принималось без предварительного обсуждения в обществе специалистов. В самих учреждениях развернута сеть профессиональных отношений в консилиумах служб.

Участвуя в течение 20 лет в системе развития основного и дополнительного образования специалистов комплексных служб (КС) (психологов, социальных педагогов и социальных работников), мы можем сделать вывод, что происходит сдвиг с точки зрения возраста системы. Появилось новое поколение работников служб, которые более чувствительны к скачкам в качестве управленческих воздействия в связи с повышением уровня разума социосистемы обучающейся организации комплексных служб (ООКС). Наш опыт показывает, что его можно повысить двумя путями. Первый путь связан с повышением индивидуального уровня мышления. Это значит, что надо активно общаться, используя весь набор словарей, которые наработаны в ООКС, и расширяя социальный контекст обстоятельств, ситуаций, отдельных случаев и событий, в которых эти словари применяются. Второй путь связан с изменением возраста системы, с появлением в ней второго и третьего поколений сотрудников и сотрудников-организаторов. Происходит увеличение эффективной численности участников мыслекоммуникации как субъектов стратегического действия (ССД) в модальностях обыденного, делового, управленческого, ритуального и исследовательского общения.

Со временем становятся более ясными перспективы развития управленческого воздействия в ООКС как то, что определяет усиление или ослабление неинституциональных основ регионального движения работников КС (РКС). При целевом разрушении идеологического фундамента профессиональной деятельности РКС может быть уничтожен как социально-экономический институт и уклад экономики домашнего типа, обеспечивающий отношения супервизии.

Поэтому в РКС осознают потребность в организации потребления информационноёмкой продукции. С этой точки зрения ООКС представляет собой суперсистему, в которой повышения запаса устойчивости пребывания в среде непрерывного образования (в модальностях социально-дидактического транзита (СДТ) и обучающейся организации (ОО)) позволяет поднять производительность в отношении среды производства социальных отношений.

Как разновидность социальной технологии ООКС даёт механизм, способный обеспечить увеличение потребления информационноёмкой продукции. Социальная технология ООКС представляет собой типичный информационный продукт, обладающий качествами интеллектуальной ренты. На сегодня его использование сопровождается реформатированием не столько других продук-

тов (неважно каких), сколько самого *информационного ресурса, который представлен документооборотом ООКС*, включающим в себя Библиотеку, архив, нормативные тексты, тексты рефлексивного жизнеописания и прецедентные тексты. Поэтому он способствует, а не препятствует накоплению капитала при условии, что будет расширяться ресурсная база и формы доступа к ней. Производители информационного продукта ООКС крайне заинтересованы в расширении ресурсной базы Библиотеки, словарей, архива и разнообразии форм доступа к ней. В этом случае они имеют возможность, владея кодами и технологиями производства информационного продукта ООКС, расширять его ассортимент в соответствии с наметившимся спросом. То есть возникает возможность развивать опережающие потребности в информационном продукте нового поколения. Они имеют дело с формированием потребности в продукте на уровне соответствующего *возраста* потребителя, начиная с первокурсников и заканчивая работниками с двадцатилетним стажем. И могут выстраивать «возрастные линейки» для опережающего спроса на информационный продукт. Информационный продукт ООКС при условии постоянного расширения ресурсной базы (хроники событий жизни ООКС) и форм доступа к ней может быть реализован многократно, принося владельцу «прибыль» в логике отношений держателя интеллектуальной ренты. При этом собственностью остается не только исходный ресурс, но и уже использованные продукты, а также новые формы, связанные с его переформатированием в конкретных условиях использования. Собственностью остаются также и новые коды доступа к традиционным и новым информационным продуктам ООКС. Так на информационный продукт переносятся черты процентности, свойственные раньше деньгам. Но это проценты, исчисляемые на основе интеллектуальной ренты.

ООКС можно рассматривать и как новый формат управления социально-экономическими процессами в образовании социальных работников как специалистов КС. Происходит резкое размежевание мировоззренческих установок по высшему контуру вложенного управления. Возникают **управленцы погиребли и управленцы жизни в ООКС по умолчанию**. Первые предпочитают давать оценки на основе формально-алгоритмической оценки анкетных данных, что в обществе является аналогом статистических моделей математической теории вероятностей. Настаивают на количественных показателях эффективности информационного продукта ООКС. И при этом человеку по умолчанию отказано в способности к изменению себя, и к нему относятся как к автомату – носителю конечного числа программ определенного функционального назначения. Вторые имеют дело с такими условиями развития людей, в основе которых лежит высокая вероятностная предопределенность на основе развития с детства чувства меры и нравственности.

Управление – информационный обмен между объектом управления, находящимся в некоей среде и управляющим субъектом; либо при отсутствии локализованного управляющего субъекта – циркуляция информации по замкнутым контурам в самоуправляющейся системе в процессе ее обмена со средой. Управление и отображение – взаимно вложенные понятия, поскольку суть процесса управления в создании кольцевой замкнутости прямого и обратного ото-

бражений. Вместе с тем управление – и единая функция, представляющая собой иерархически упорядоченную совокупность разнокачественных действий, и процесс, протекающий во времени и способный порождать некое время (учебного процесса в модальностях мгновенного, быстрого, медленного обучения и «время жизни ООКС»)

Если не учитывать ценностно-смысловые установки управленцев, реализующиеся в процессе и функциями управления по умолчанию, то это может способствовать полной потере управляемости по провозглашаемой концепции ООКС. Это происходит, если обнаруживается неспособность понять смыслы различных определенных частных и объемлющих концепций управления (Традиции цивилизации, архетипов), одновременно проводимых в жизнь. При этом нарушается *концептуальная определенность управления* в смысле определенности целей и иерархической упорядоченности их по значимости в полном множестве целей и в смысле определенности применения допустимых и недопустимых конкурентных средств осуществления целей управления в пределах цивилизационной матрицы и архетипов.

ООКС – это суперсистема, которая мобилизует потенциал социальной презентации, идентификации и самоопределения всех ее субъектов. Она позволяет самоопределиваться сотрудникам в сферах форм движения (живое – механическое), форм деятельности (антидеятельность – апатия-сверхдеятельность) и форм развития (деградация – остановленное – мобилизация потенциала развития). А в условиях деградации и остановленного развития целенаправленно осваивает потенциал развития суперсистемы КС. Суперсистема ООКС, имея уровни цивилизационной матрицы, архетипов, стереотипов и навыков, состоит из множества элементов, хотя бы частично функционально аналогичных друг другу в некотором смысле (студентов, преподавателей, сотрудника, сотрудника-организатора, лидера-наставника) и потому хотя бы отчасти взаимозаменяемых. Все ее элементы самоуправляемы (или управляемы извне) в пределах иерархически высшего объемлющего управления на основе информации, хранящейся в органах соответствующей памяти (библиотека-стереотип, архив-архетип, музей – традиция, хроника событий жизни ООКС – навыки). Каждым самоуправляемым элементом можно управлять извне, поскольку все они могут принимать информацию в органах соответствующих оперативной, тактической, стратегической и ценностно-смысловой памяти. Каждый из них может выдавать информацию из органов памяти соответствующего качества другим элементам своего множества и окружающей среде и потому способен к контекстно-мотивационному управлению, и через него возможно директивное управление другими элементами, а также состоянием сред (вещественной, вербальной и ментальной). Все процессы отображения информации как внутри элементов, так и между ними в пределах суперсистемы и в окружающих средах подчинены вероятностным предопределенностям, отражаемым статистикой работы с музеем (материальная среда), архивом (среда документов), библиотекой (среда текстов) и хроникой событий (ментальная среда).

Потенциал развития системы ООКС осваивается в кратчайшее время, когда суперсистема входит в режим устойчивого управления ею со стороны соборного интеллекта, различающего иерархически Наивысшее управление от внешних информационных вторжений. Изнутри суперсистемы это состояние воспринимается как отсутствие конфликтов самоуправления элементов суперсистемы и их объединений и максимальный уровень защищенности от давлений среды, через которую протекает иерархически высшее объемлющее управление, связанное с присутствием матрицы Традиции.

Процесс освоения потенциала развития суперсистемы ООПК может охватить несколько поколений элементной базы суперсистемы, а может завершиться в течение одного поколения. В момент проведения второй стратегической сессии мы имеем пример такой точки перелома: вот появились уже запросы нового поколения, но будут ли они удовлетворены? По завершении этого процесса система некоторое время существует в балансирующем режиме отношений со средой либо как косная (сегмент процессов производства), либо как суперсистема с возобновляемой элементной базой (сегмент процессов образования). При этом она может стать основой для суперсистемы следующего поколения или иерархически высшей суперсистемы в условиях работы научно-производственного Центра РКС.

Процессы освоения потенциала развития, протекающие в суперсистемах ООКС и ее автономных регионах (познания, образования, производства и управления) связаны с деятельностью лиц, принимающих решения (ЛПР). Им свойственно осознание определенного контекста социальных отношений, когда происходит целесообразное преобладание взаимной дополнительности информации, воспринимаемой по оглашению и по умолчанию. Акцентируется либо их слаженность, либо конфликтность оглашений и умолчаний. Причем взаимное соответствие информации по умолчанию и информации по оглашению в суперсистемах, к классу которых относится общество, определено неоднозначно, как в большинстве технических систем и объективирующей науке, ориентированной на социальное производство. Оно характеризует процессы социального познания и потому множественно в пределах вероятностных предопределенностей и описывается соответствующей статистикой, необходимой для принятия оперативных, тактических, стратегических или ценностно-смысловых решений.

Опыт деятельности КС показал, что принципиально выделяя два протокола общения ЛПР – административный и метафорический, можно рассматривать в логике двух типов социальных технологий – стабилизирующих и ускоряющих. Первый блокирует познание, помогая ЛПР перейти к стабилизирующим технологиям производства социальных отношений, а второй активизирует социальное познание, способствуя к переходу в ускоряющие технологии социального познания. Если решение уже принято, то его надо согласованно, слаженно и ответственно выполнять. «Приказы командования не обсуждаются». Речь идет о переходе к технологиям социального производства. По сравнению с процессом познания здесь будут преобладать низкочастотные ритмы (соответствующие времени медленного обучения). Но если еще не принято решение, если идет об-

суждение проблемы, то надо мобилизовать ресурсы познания с высокочастотными базовыми ритмами (быстрое обучение). Сами по себе процессы образования и связанные с ними социальные технологии выполняют функцию рефлексивного управления. Это своего рода реле-переключатель (реверсивные технологии) с высокочастотных ритмов (мгновенное обучение) на низкочастотные ритмы (обучение через всю жизнь). В связи с этим полезно различать самый общий контекст социальных отношений как тематических (активизация познания) и проблемных (активизация производства).

На сегодня в управлении социосистемами образования мы сталкиваемся с господством административного протокола социального общения над метафорическим. И это воспринимается как давление бюрократии, связанное с ее монополизмом в учреждениях и с тесным переплетением в ней коммерческих и статусно - карьерных интересов при сужении организационно узаконенных мест рефлексивного управления (как в консилиумах служб) публичного обсуждения тактики и стратегии совместной деятельности всех субъектов социальной политики в процессе выработки решений. В региональной системе Брянской области, где с конца 90-х годов развернута соответствующая инфраструктура и сеть учреждений комплексных служб, усиливается конфликт интересов – закрываются районные центры службы. Парадокс в том, что одновременно вышел федеральный закон об образовании, в котором прямо говорится о таком расширении функций служб, которое направлено на сопровождение образовательного процесса. То есть законодательно закрепляется усиление стабилизирующих социальных технологий в образовательном процессе.

С нашей точки зрения, участвуя в различного рода научно-практических конференциях, мы находимся в системе дополнительного социально-политического образования, дающего ориентиры в методологии познания, производства и управления. В ней изначально мы имеем дело с продуктами (результатами социального производства) стабилизирующих социальных технологий - обобщенными образами, мировоззренческими установками, убеждениями и мифами. Они обеспечивают режим долговременного обучения в культуре с опорой на ценностно-смысловые матрицы Традиции определенной цивилизации (имена, символы, идеалы, парадигмы). Простые вопросы социальной идентификации «Где мы находимся? (познание) Кто мы? (образование) Что нам делать? (управление) и как делать? (производство)». Заставляют последовательно разобраться в Традициях цивилизации, архетипах, стереотипах и навыках. В доме, в пути, условиях боя востребуются разные образы жизни и связанные с ними социальные стереотипы и навыки. Им соответствует разный социально-политический контекст отношений. Дома мы не говорим об угрозах. Мы в безопасности. Вокруг нас домашние, родные люди. В пути – полная неопределенность. Здесь надо быть готовым ко всему. А в бою – вновь полная определенность – впереди враг, в руках оружие, а за спиной тыл и Родина. Отступить некуда или, напротив, есть место для маневра силами и средствами. С позиции работника служб сама тема нашего обсуждения, заданная через образы «угроз и вызовов», может провоцировать, если мы не уточняем социально-политический контекст происходящего или предмета обсуждения, то, что психологи опреде-

ляют как «комплекс жертвы». Неслучайно на наших встречах так настойчиво звучит мотив – надо не просто говорить, но действовать, видеть положительный или отрицательный результат совместных действий. Есть ощущение, что в каком-то отношении промедление, бездействие подобно смерти. Смерть социально-политических смыслов особенно близка, когда мы говорим, что «враги внутри нас», что мы «сами виноваты», что мы бессильны что-либо изменить в условиях тотального наступления анонимных «темных сил», или «процесса глобализации» среди «невидимых врагов». Незаметно мы начинаем говорить на языке мифов или религиозной проповеди. Поэтому, в отличие от криминализации «клерикализация общества» происходит не на уровне войны идеологий или социальных институтов, а на молекулярном уровне смешения не только протоколов общения, но и речевых стилей. Такое смешение, если оно не осознается, становится опасным, если за основу восприятия реальности (становящейся после этого социальной действительностью) мы берем метафору-образ войны (для чего есть все основания), то в этом отношении, в динамике боя, нацеленного на сокрушение смыслов, мы организационно получаем тяжелые раны и увечья. Поэтому в организации комплексных социально-психолого-педагогических службах важны не только слова (в смысле слов-имен, слов-терминов, слов-экзистенциалов и слов с нулевым смыслом), но еще важнее дословное восприятие некоторых базовых процессов и негативных явлений в них. Это базовые процессы в социальных системах с ритмами разной частоты – познания, образования, производства и управления. Они вплетены в мировоззренческие образы (дома, дороги, войны) и в социальные технологии (стабилизирующие, ускоряющие и реверсивные). Работе с негативными явлениями в базовых процессах соответствует стратегии деятельности служб поддержки. Здесь нет врагов и нет угроз, но есть только то, за что мы непосредственно отвечаем. Например, за точное именование или за качественное производство социальных отношений, или за эффективность управления. И это все очень конкретные «технологичные вещи», которые надо не только просто правильно делать, но точно, грамотно, профессионально говорить о них. Все образовательные отношения организационно встроены в конкретные социальные системы и социальные технологии, требующие соответствующей настройки по месту, времени и цели. Тогда они выступают как правильно подогнанное организационное оружие. Привносят ли в них что-то новое службы? Да, привносят. Появляется смысловая аппозиция – при власти/ при исполнении. Через нее происходит выход из одной социальной системы с ее базовыми процессами в другую, где иные требования предъявляются в познанию-образованию-производству-управлению. Неумение различать связь социосистем с их базовыми процессами и отношениями ЛПР на уровне власти/исполнения, неумение пользоваться социальными технологиями разных типов – все это представляет одну из реальных угроз дезорганизации социума. Это те угрозы и вызовы, с которыми мы сталкиваемся на самых ранних стадиях в системе базового и дополнительного образования.

Сведения об авторах

Гостенина Валентина Ивановна (руководитель проекта), профессор, доктор социологических наук, зав. кафедрой социологии и социальной работы, факультет педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

e-mail: v.gostenina@yandex.ru

А.О. Васильченко, кандидат экономических наук, доцент

УО «Полесский государственный университет», Республика Беларусь, г.

Пинск

e-mail: vasilchenko.2012@inbox.ru

Вертай Светлана Петровна, кандидат экономических наук, доцент

УО «Полесский государственный университет», Республика Беларусь, г.

Пинск

e-mail: vertai@tut.by

Э.Д. Коркия, кандидат социологических наук, доцент кафедры

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Россия, Москва

ekakorkiya@mail.ru

Н.П. Костюкевич, магистрант

УО «Полесский государственный университет», Республика Беларусь, г.

Пинск

e-mail: natakostyuk123@gmail.com

Лифанова Татьяна Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского, Россия, г. Брянск

Лупенкова Екатерина Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского, Россия, г. Брянск

e-mail: lupenkova@yandex.ru

Мамедов Агамали Кулам-оглы, доктор социологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

akmnauka@yandex.ru

Мельников Сергей Леонидович, профессор, кандидат педагогических наук, первый проректор ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

Е.В. Мискевич, магистр экономических наук
УО «Полесский государственный университет». Республика Беларусь, г. Пинск
e-mail: miskevich.ekaterina@rambler.ru

Н.В. Новикова, кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Россия, г. Брянск

Т.Л. Пантюхина, кандидат исторических наук, доцент, Курганский государственный университет, Россия, г. Курган

Разгонова Алла Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Россия, г. Брянск

Рогозянский Марат Эдуардович, кандидат педагогических наук, доцент, Орловский государственный институт культуры, Россия, г. Орел

Хандожко Валентина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. Россия, г. Брянск

С.А. Шибанов, член союза писателей Российской Федерации, Россия, г. Мурманск
shibanov11@rambler.ru

Щербин Вячеслав Константинович, кандидат филологических наук, лауреат Государственной премии Республики Беларусь в области науки и техники (1998 г.), ведущий научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси, Беларусь, г. Минск
e-mail: slavalex@mail.ru

Ядвиршис Александр Евгеньевич, кандидат педагогических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Россия, г. Брянск

Якубенко Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Россия, г.Брянск

Динамика социальной реальности: российские и зарубежные тренды / Коллективная монография под ред. докт. социол. н. В.И. Гостениной. – Брянск: РИО БГУ, 2015. - 230 с.

Печатается в авторской редакции: сохранены авторские сноски и язык оригинала

За достоверность информации ответственность несут авторы соответствующих глав